

Том 74
№ 8 (177) 2021
АВГУСТ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

RUSSICA

LEX

научный юридический журнал

Об имуществе,
имущественной
состоятельности супругов
и их общих долгах

Способ действия
при хищении
имущества: актуальные
вопросы судебного
толкования и доктринального
правопонимания

Нормативистская теория
Ганса Кельзена как основа
для понимания правовой
природы актов
конституционного суда

Раскрытие и предоставление
информации эмитентами
ценных бумаг
в условиях санкций

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция-Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гётте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбит-та, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя

Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 74
№ 8 (177)
август 2021

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.
ISSN	1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
САЙТ	https://lexrussica.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11198 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 77.77.2021 Объем 17,32 усл. печ. л. (14,025 а. л.), формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	<i>Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова</i>
Редактор	<i>М. В. Баукина</i>
Корректор	<i>А. Б. Рыбакова</i>
Компьютерная верстка	<i>Д. А. Беляков</i>

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector on Scientific Work of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmár SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 74
№ 8 (177)
August 2021

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

77.77.2021.
Volume: 17,32 conventional printer’s sheets (14.025 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editor

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich’s, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Засемкова О. Ф.** Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы 9
Косова О. Ю. Об имуществе, имущественной состоятельности супругов и их общих долгах 23

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Васильев С. А.** Об основных механизмах соотношения субъектов конституционного права 33
Шобухин В. Ю. Антикоррупционное воспитание в деятельности прокурорских работников и особенности правового регулирования 46

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Демчук С. Д.** Уголовно-правовые признаки организованной группы 58
Хилюта В. В. Способ действия при хищении имущества: актуальные вопросы судебного толкования и доктринального правопонимания 69

ТЕОРИЯ ПРАВА / *THEORIA LEX*

- Гильмуллин А. Р.** О связи правопонимания с политикой и экономикой 80
Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда 89

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / *PRO ET CONTRA*

- Тарусина Н. Н.** Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии 99
Якушева Е. Е. Раскрытие и предоставление информации эмитентами ценных бумаг в условиях санкций 110

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / *NOVUS LEX*

- Дойников П. И.** О качественном совершенствовании законодательства об охране животного мира 118
Ярош А. В. Эксперимент по государственному регулированию программы суррогатного материнства 126

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

- Плошкина Я. М., Майорова Л. В.** Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования 133
Посулихина Н. С., Козырева А. Б. Альтернативные способы разрешения споров как мера снижения нагрузки на суды: сравнительно-правовое исследование (часть 1) 142

CONTENTS

PRIVATE LAW JUS PRIVATUM

- Zasemkova O. F.** International Commercial Arbitration in Russia: Results of the Reform 9
Kosova O. Yu. Property, Property Solvency of Spouses and Their Joint Debts 23

PUBLIC LAW JUS PUBLICUM

- Vasiliev S. A.** Main Mechanisms of Correlation between the Subjects of Constitutional Law 33
Shobukhin V. Yu. Anti-Corruption Education in the Activities
of Prosecutors and Peculiarities of its Legal Regulation 46

CRIMINAL LAW JUS CRIMINALE

- Demchuk S. D.** Criminal Law Characteristics of an Organized Group 58
Khilyuta V. V. The Method of Action (Modus Operandi) in Property Theft:
Topical Issues of Judicial Interpretation and Doctrinal Legal Thinking 69

THEORY OF LAW THEORIA LEX

- Gilmullin A. R.** On the Connection between Legal Understanding and Politics and Economics 80
Kotov O. Yu. Hans Kelsen's Normative Theory as a Basis
for Understanding the Legal Nature of the Constitutional Court Acts 89

DISCUSSION FORUM PRO ET CONTRA

- Tarusina N. N.** Several Arguments on Restrictions on the Rights
and Freedoms of Citizens in Pandemic Emergencies 99
Yakusheva E. E. Disclosure and Provision of Information by Securities Issuers under Sanctions 110

IMPROVEMENT OF LEGISLATION NOVUS LEX

- Doynikov P. I.** On the Qualitative Improvement of the Wildlife Protection Legislation 118
Yarosh A. V. Surrogacy Program State Regulation Experiment 126

COMPARATIVE LEGAL STUDIES COMPARATIVE STUDIES

- Ploshkina Ya. M., Mayorova L. V.** Draft Law on Criminal Misconduct
given the German Experience of Legal Regulation 133
Posulikhina N. S., Kozyreva A. B. Alternative Methods of Dispute Resolution
as a Measure to Reduce the Workload on Courts: A Comparative Legal Study (Part 1) 142

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.009-022

О. Ф. Засемкова*

Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы¹

Аннотация. В сентябре 2021 г. исполнится пять лет реформе третейского разбирательства в России. За этот период в данной сфере произошли кардинальные изменения, коснувшиеся как числа арбитражных учреждений, обладающих правом администрировать споры на территории России, так и распределения категорий арбитрабельных споров между постоянно действующими арбитражными учреждениями и арбитражами, созданными для разрешения конкретного спора (арбитражами ad hoc).

В статье предпринята попытка проанализировать основные итоги реформы и оценить ее влияние на привлекательность России в качестве места арбитража. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на некоторые положительные последствия реформы (такие как уход с рынка «карманных» третейских судов, решение вопроса об арбитрабельности корпоративных споров, наделение государственных судов функциями по содействию и контролю за деятельностью третейских судов и др.) целый ряд проблем так и остался нерешенным, а отношение к России как к месту арбитража практически не изменилось.

Более того, нововведения, которые касаются порядка создания третейских судов и получения права на администрирование споров на территории России и распространяются в том числе на иностранные арбитражные учреждения, привели к попыткам обхода требований российского законодательства как сторонами споров, так и самими арбитражными институтами, не сумевшими получить соответствующее разрешение. Не менее важной проблемой, ставшей следствием реформы, является уход с рынка региональных третейских судов, пользовавшихся популярностью у мелкого и среднего бизнеса, зачастую не готового платить достаточно высокие арбитражные сборы, установленные крупными арбитражными центрами.

Таким образом, большинство целей, поставленных идеологами реформы, так и не были достигнуты, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; третейские суды; карманный третейский суд; третейская реформа; постоянно действующее арбитражное учреждение; ПДАУ; арбитраж ad hoc; региональное отделение; Совет по совершенствованию третейского разбирательства; администрирование споров.

Для цитирования: Засемкова О. Ф. Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 9–22. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.009-022.

¹ Тезисы статьи были озвучены автором на I Международной научно-практической конференции «Сфера правосудия», состоявшейся 12 марта 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

© Засемкова О. Ф., 2021

* Засемкова Олеся Федоровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права, доцент кафедры правового моделирования Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

zasemkova.olesya@mail.ru

International Commercial Arbitration in Russia: Results of the Reform²

Olesya F. Zasemkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law; Associate Professor, Department of International Moot Court Competitions, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
zasemkova.olesya@mail.ru

Abstract. September 2021 marks five years of the arbitration reform in Russia. During this period, fundamental changes have occurred in this area, affecting both arbitration institutions that are authorized to administer disputes on the territory of Russia, and the distribution of categories of arbitrable disputes between permanent arbitration institutions and arbitration tribunals created to resolve a specific dispute (ad hoc arbitration tribunals). The paper attempts to analyze the main results of the reform and assess its impact on Russia's attractiveness as a place of arbitration. The author comes to the conclusion that, despite some positive consequences of the reform (such as "pocket" arbitration courts leaving the market, resolving the issue of arbitrability of corporate disputes, empowering state courts with the functions of promoting and monitoring the activities of arbitration courts, etc.) a number of problems remained unresolved, and the attitude towards Russia as a place of arbitration remained almost unchanged. Moreover, innovations that relate to the procedure for creating arbitration tribunals and obtaining the right to administer disputes on the territory of Russia and apply, among other things, to foreign arbitration institutions, have led to attempts to circumvent the requirements of Russian law both by the parties and by the arbitration institutions that failed to obtain appropriate permission. An equally important problem resulting from the reform includes leaving the market by regional arbitration courts that used to be popular among small and medium-sized businesses that are often not ready to pay rather high arbitration fees set by large arbitration centers. Thus, most of the goals set by the reform ideologists have not been achieved, which indicates the need for further improvement of legislation in this area.

Keywords: international commercial arbitration; arbitration courts; pocket arbitration court; arbitration reform; a permanent arbitration institution; permanent arbitration institution (PAI); ad hoc arbitration; regional office; Council for the Improvement of Arbitration; administration of disputes.

Cite as: Zasemkova OF. International Commercial Arbitration in Russia: Results of the Reform. *Lex russica*. 2021;74(8):9-22. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.009-022. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

На протяжении долгого времени третейское законодательство в России основывалось на либеральном подходе, предоставляющем участникам рынка максимальную свободу в вопросах создания и деятельности третейских судов³. Это привело к возникновению огромного количества «карманных» арбитражей⁴, функционирующих при различных коммерческих организациях и в большинстве случаев разрешающих

споры в пользу контролирующих их структур. Несовершенство правового регулирования создавало возможности для злоупотреблений⁵, дискредитирующих третейское разбирательство и оказывающих негативное влияние на отношение к нему со стороны государственных судов, призванных оказывать содействие арбитражам по целому ряду вопросов (включая отмену, а также признание и приведение в исполнение вынесенных третейскими судами решений)⁶.

² The abstracts of the paper were announced by the author at the 1st International Scientific and Practical Conference "Sphere of Justice" held on March 12, 2021, at Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

³ *Городисский А. А., Тобар Х. К.* Обзор третейской реформы // Третейский суд. 2016. № 1. С. 19–20.

⁴ *Лазарев С. В.* Развитие третейского разбирательства и функция социального управления // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 1. С. 65–66; *Кучер А., Горленко А.* Реформа третейского разбирательства в России: новации законодательства // Нефть, газ и право. 2016. № 2. С. 14.

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ *Гальперин М. Л., Павлова Н. В.* Куда идет третейское разбирательство? // Закон. 2019. № 8. С. 125–139.

1. Основные положения реформы

А. Изменение порядка создания третейских судов

Учитывая вышеуказанные проблемы, одним из ключевых положений реформы стало изменение порядка создания третейских судов с уведомительного на разрешительный⁷, что должно было привести к ликвидации «карманных» арбитражей, повысить доверие к третейским судам и сделать Россию более привлекательным местом для разрешения споров. Так, согласно ч. 4 и 6 ст. 44 Федерального закона от 29.12.2015 (в ред. от 27.12.2018) № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁸ (далее — Закон «Об арбитраже») с 1 ноября 2017 г. правом на администрирование споров на территории России обладают только постоянно действующие арбитражные учреждения (ПДАУ), созданные при некоммерческих организациях (НКО), получивших разрешение Министерства юстиции РФ на основе рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства (далее — Совет).

В соответствии с ч. 1 ст. 44 Закона «Об арбитраже» данные требования не распространялись на Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) и Морскую арбитражную комиссию (МАК) при Торгово-промышленной палате РФ, история которых насчитывает уже 90 лет. Остальные арбитражные учреждения (включая иностранные)⁹ должны были получить соответствующее разрешение либо прекратить свою деятельность по администрирова-

нию споров на территории России (ст. 44 Закона «Об арбитраже»).

Итогом данной новеллы стало значительное сокращение числа ПДАУ в России. Если до реформы их насчитывалось по разным оценкам от 1,5 тыс. до 3 тыс.¹⁰, то по состоянию на 28 апреля 2021 г. их всего семь. Среди них:

- пять российских арбитражных центров, три из которых обладают общей компетенцией (МКАС, Арбитражный центр при РСПП (далее — АЦ при РСПП), Российский арбитражный центр при АНО «Российский институт современного арбитража (далее — РАЦ) и два — специальной (МАК и Национальный центр спортивного арбитража при АНО «Спортивная арбитражная палата (далее — НЦСА)¹¹;
- два иностранных арбитража общей компетенции (Венский (VIAC) и Гонконгский (HKIAC) международные арбитражные центры)¹².

Такое незначительное число ПДАУ во многом обусловлено формализмом рассмотрения Советом заявок на получение разрешения и допущенными при оформлении документов ошибками. Так, из 150 заявок, поданных в 2016–2020 гг., почти все были возвращены, а те, чьи заявки дошли до голосования, в большинстве своем получили отказ¹³. Наиболее частой причиной отказа выступало отсутствие у арбитража общепризнанной репутации, что позволило убрать с рынка «карманные» третейские суды.

В то же время столь жесткий подход к выдаче разрешения привел к уходу с рынка

⁷ Панов А. А., Калинин М. С. Российская арбитражная реформа: два года спустя. Анализ вопросов, поставленных в судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 66–67.

⁸ Российская газета. № 297. 31.12.2015.

⁹ Согласно ч. 3 ст. 44 Закона «Об арбитраже» иностранные арбитражные учреждения, которые были указаны в арбитражных соглашениях участников (акционеров) международных компаний до осуществления их редомициляции в специальных административных районах (САР) на территории острова Октябрьский и острова Русский, также рассматриваются в качестве ПДАУ.

¹⁰ Третейский арбитраж переживает последствия реформы // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4233292> (дата обращения: 30.03.2021).

¹¹ Министерство юстиции РФ. Депонированные правила арбитража // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/> (дата обращения: 31.03.2021).

¹² Министерство юстиции РФ. Перечень иностранных арбитражных учреждений, признаваемых постоянно действующими арбитражными учреждениями // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/961/> (дата обращения: 28.04.2021).

¹³ Отчеты о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/otchety-o-deyatelnosti-soveta-po-sovershenstvovaniyu-tretejskogo-razbiratelstva/> (дата обращения: 31.03.2021).

добросовестных региональных арбитражных учреждений (таких как Сибирский третейский суд (СТС)¹⁴), пользовавшихся популярностью у мелкого и среднего бизнеса, зачастую неготового платить достаточно высокие арбитражные сборы, установленные основными российскими арбитражами (МКАС, АЦ при РСПП и РАЦ), тем самым заставив предпринимателей передавать свои споры на рассмотрение государственных судов или обращаться в арбитраж ad hoc.

Несмотря на неоднократные попытки, не смогла получить разрешения и Российская арбитражная ассоциация (РАА), успешно функционировавшая на рынке третейского разбирательства с 2013 г. и объединявшая наиболее авторитетных специалистов в данной сфере¹⁵.

Учитывая данный факт, число заявок, поступающих на рассмотрение Совета, постепенно снижается. Так, в настоящее время в Совет подано всего четыре заявления: два — российскими организациями (Союзом организации нефтегазовой отрасли «Российское газовое общество» и АНО по предоставлению услуг в области права «Правовой центр»)¹⁶ и два — иностранными арбитражными учреждениями (Сингапурским международным арбитражным центром (SIAC) и Арбитражем Международной торговой палаты (ICC), которые не претендуют на разрешение внутрироссийских споров).

Однако результат рассмотрения заявок по ним станет известен только после завершения процедуры утверждения нового состава Совета¹⁷.

Кроме того, в ноябре 2019 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона, предусматривавший создание в России еще одного ПДАУ специальной компетенции — арбитража при НКО, учредителем (участником) которой является Государственная корпорация «Ростех»¹⁸. Как следует из данного законопроекта, а также пояснительной записки к нему, в случае создания такого ПДАУ к его компетенции будут отнесены споры, в которых участвует корпорация «Ростех» и которые возникли между субъектами, действующими в сфере промышленности¹⁹. Таким образом, фактически речь идет о попытке создания внутрикорпоративного механизма разрешения споров, которые в отсутствие специализированного арбитража передаются на рассмотрение государственных судов, что не отвечает интересам сторон таких споров. Возможность создания такого ПДАУ вполне соответствует требованиям российского законодательства, а также сложившейся еще до начала реформы судебной практике²⁰. В частности, несмотря на установленный в ч. 1 ст. 46 Закона «Об арбитраже» запрет конфликта интересов при осуществлении деятельности ПДАУ (который может проявляться в том числе

¹⁴ Председатель Сибирского третейского суда М. Э. Морозов предпринимает попытки получить разрешение на администрирование споров на территории России уже на протяжении трех лет. Несмотря на это, 14 апреля 2021 г. Сибирский третейский суд вновь получил отказ в выдаче разрешения.

¹⁵ В частности, генеральным секретарем РАА являлся Р. Зыков, председателем правления — В. Хвалец, а в качестве арбитров выступали такие авторитетные специалисты, как президент Арбитражного суда Международной торговой палаты (ICC) А. Мур, профессор НИУ ВШЭ Т. Терещенко.

¹⁶ Отчет о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за 2020 г. // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/otchet-y-o-deyatelnosti-soveta-po-sovershenstvovaniyu-tretejskogo-razbiratelstva/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁷ Приказ Министерства юстиции РФ от 01.04.2021 № 58 «Об утверждении состава Совета по совершенствованию третейского разбирательства» // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/8064/> (дата обращения: 27.04.2021).

¹⁸ Проект федерального закона № 848174-7 «О внесении изменения в Федеральный закон О промышленной политике в Российской Федерации» (в части создания постоянно действующего арбитражного учреждения) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/848174-7?fbclid=IwAR11GZ8-I0_THXjaHGP5JXEVVGARcd_B6U2D4GqBy4I_cAV66_Cz5uPd00lfe (дата обращения: 30.03.2021).

¹⁹ Пояснительная записка к законопроекту // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848174-7> (дата обращения: 27.04.2021).

²⁰ Например: постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, пункта 2 части 3 статьи 239 АПК РФ и пункта 3 статьи 10 Федерального закона “О некоммерческих организациях” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Сбербанк России”». П. 3.1 // Российская газета. № 272. 28.11.2014; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.02.2015 по делу № 304-ЭС14-495, А67-1587/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

в случае, если в качестве стороны спора выступает учредитель (участник) НКО, при которой создано такое ПДАУ), решение, вынесенное в нарушение данного требования, может быть признано и приведено в исполнение на территории России (ч. 4 ст. 46). Однако, несмотря на включение законопроекта в примерную программу на апрель 2021 г., информации о сроках его рассмотрения до сих пор нет.

Таким образом, в ближайшее время ожидать существенного увеличения числа ПДАУ в России не приходится.

Б. Создание региональных отделений ПДАУ

В условиях ухода с рынка региональных арбитражных учреждений остро стоит проблема обеспечения доступа к третейскому разбирательству для представителей малого и среднего бизнеса. По задумке идеологов реформы, данная проблема может быть решена путем открытия получившими разрешение ПДАУ региональных отделений, что позволит «обеспечить единый стандарт качества администрирования споров на территории России»²¹.

Определенный смысл в этом есть. Например, по состоянию на 29 апреля 2021 г. МКАС открыто 19 региональных отделений во Владивостоке, Волгограде, Воронеже, Иркутске, Казани, Краснодаре, Московской области, Нижнем Новгороде, Перми, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Саратове, Самаре, Ставрополе, Туле, Тюмени, Челябинске, Ульяновске и Уфе²².

Аналогичным путем идет АЦ при РСПП, который открыл уже 32 региональных офиса, действующих на базе межрегиональных отделений: Волго-Камского, Волго-Уральского, Северо-Западного, Дальневосточного, Центрального окружного и Южного²³.

Еще один сравнительно молодой, но уже достаточно популярный среди российских сторон арбитражный институт — РАЦ — также

представлен в шести регионах России: Москве, Екатеринбурге, Владивостоке, Калининграде, Петропавловске-Камчатском и Южно-Сахалинске²⁴. При этом два из указанных отделений — во Владивостоке и в Калининграде — были созданы прежде всего для рассмотрения споров, возникающих у участников специальных административных районов (САР), созданных на территории острова Октябрьский (Калининград) и острова Русский (Приморский край).

Получат ли такие региональные отделения доверие со стороны международного и российского бизнес-сообщества и справятся ли они с наплывом дел в случае успеха — покажет лишь время. Но пока согласно статистике число поступающих на их рассмотрение споров незначительно, хотя и начинает постепенно увеличиваться (табл. 1).

Таблица 1

Число споров, рассматриваемых региональными отделениями ПДАУ

Региональные отделения ПДАУ (всего)	2019	2020
МКАС ²⁵	86	127
АЦ при РСПП ²⁶	информация отсутствует	41

Таким образом, можно говорить о начале формирования в России независимых друг от друга «арбитражных систем», складывающихся вокруг трех указанных ПДАУ общей компетенции (МКАС, АЦ при РСПП и РАЦ) и постепенно охватывающих все регионы страны.

В. Специализация ПДАУ

Еще одной тенденцией развития третейского разбирательства в постреформенный период стало создание в рамках каждого из указанных ПДАУ отделений и коллегий, специализирующихся на разрешении конкретных категорий

²¹ Гальперин М. Л., Павлова Н. В. Куда идет третейское разбирательство? // Закон. 2019. № 8. С. 125–139.

²² Международный коммерческий арбитражный суд. Отделения // URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/otdeleniya/> (дата обращения: 28.04.2021).

²³ Арбитражный центр при РСПП: об отделениях // URL: <https://arbitration-rspp.ru/branches/info/> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁴ РАЦ. 2020 Годовой отчет // URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2021/02/annual_report-2020-RUS.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

²⁵ Заседание Президиума МКАС при ТПП РФ // URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/news/zasedanie-prezidiuma-mkas-pri-tpp-rf-i400529/> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁶ Арбитражный центр при РСПП. Отчет о деятельности за 2020 г. // URL: <https://arbitration-rspp.ru/files/other/casework-report-2020.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).

дел и предусматривающих для этого особые арбитражные оговорки, правила рассмотрения споров и списки арбитров.

Так, в целях разрешения споров, требующих особых знаний и навыков, в рамках АЦ при РСПП было образовано шесть коллегий: финансовая, по цифровым спорам, по спорам в сфере строительства, по спорам в сфере банковской деятельности, по спорам в сфере цифровой экономики и по международным и инвестиционным спорам²⁷.

В РАЦ также действует два отраслевых отделения — атомное и по сельскохозяйственным спорам²⁸, причем на первое приходится 73,5 % всех рассмотренных данным арбитражем в 2020 г. дел²⁹.

Аналогичная специализация наблюдается и в МКАС, где предусмотрены отдельные правила и списки арбитров по международным коммерческим, внутренним, корпоративным и спортивным спорам³⁰.

Г. Арбитраж ad hoc и администрирование спора иностранным арбитражем, не получившим разрешения Министерства юстиции РФ

Впрочем, многие стороны не желают передавать споры на рассмотрение ни одного из семи арбитражных институтов, имеющих право администрировать споры в России. В таком случае единственным законным способом рассмотрения в России спора путем третейского разбирательства является его передача на рассмотрение арбитража ad hoc или не получившего разрешения иностранного арбитражного

учреждения, решения которого в силу ч. 3 ст. 44 Закона «Об арбитраже» также будут рассматриваться как вынесенные арбитражем ad hoc, а не как решения ПДАУ.

На практике указанные положения привели к возникновению попыток обхода требований российского законодательства, предпринимаемых как сторонами споров, так и самими арбитражами, не сумевшими получить необходимого разрешения.

Одним из наиболее ярких таких примеров стало дело «Хельсинского» арбитража³¹, в котором две российские компании в нарушение требований ст. 44 Закона «Об арбитраже» передали свой спор на рассмотрение не получившего разрешения российского арбитражного института, который, пытаясь мимикрировать под иностранный арбитражный центр³², осуществлял администрирование спора на территории России. Установив данный факт, суд отказал в признании и приведении решения в исполнение ввиду его противоречия публичному порядку РФ (п. 2 ст. 4 ст. 239 АПК РФ), заключающегося в попытке обхода закона с противоправной целью.

Не менее часто не получившие разрешения арбитражные учреждения пытаются мимикрировать под деятельность арбитражей ad hoc. Так, в деле № А40-255126/2020³³ Арбитражный суд г. Москвы рассматривал вопрос о признании и приведении в исполнение вынесенного в России решения арбитража ad hoc. Однако в ходе рассмотрения дела суд установил, что фактически спор был разрешен не получившим разрешения арбитражным институтом (Арби-

²⁷ Арбитражный центр при РСПП: арбитры и коллегии // URL: <https://arbitration-rspp.ru/> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁸ РАЦ. Общая информация // URL: <https://centerarbitr.ru/nuclear-division/general-information/> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁹ РАЦ. 2020. Годовой отчет // URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2021/02/annual_report-2020-RUS.pdf (дата обращения: 29.04.2021).

³⁰ Списки арбитров МКАС при ТПП РФ (утверждены приказом ТПП РФ № 16 от 03.02.2017, с изменениями на 05.03.2021) // URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/arbitry/#2> (дата обращения: 03.05.2021).

³¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2020 № 304-ЭС19-20506 по делу № А27-5147/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³² По данным сайта данного арбитражного института, он был создан еще в 2014 г. при Международной ассоциации гражданского судопроизводства и лишь после проведенной в России реформы был переименован в «Хельсинский» арбитраж. При этом председателем его российской коллегии является гражданин РФ, а в качестве основного контактного адреса указан адрес в Москве. См.: Гальперин М. Л. Из Сингапура в Хельсинки через Кемерово, или Какой арбитраж должен считаться иностранным? // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 5. С. 4–11.

³³ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 16.03.2021 по делу № А40-255126/20-19-1768 // СПС «КонсультантПлюс».

тражным центром при АНО «Правосудие»), который в нарушение требований российского законодательства осуществлял администрирование спора на территории России, о чем свидетельствуют, во-первых, тот факт, что избранный сторонами арбитр является председателем данного арбитражного центра, и, во-вторых, то, что в качестве контактных данных в решении указаны сведения, соответствующие данным этого арбитражного центра. Как следствие, в признании и приведении в исполнение решения также было отказано.

Не позволяет обойти требования российского законодательства и указание иностранного места арбитража, если администрирование спора осуществляет не получившее разрешения российское арбитражное учреждение. Так, в деле № А40-144455/2020³⁴ Верховный Суд РФ отказал в признании и приведении в исполнение решения, вынесенного на территории Республики Казахстан, при администрировании Арбитражного третейского суда г. Москвы (АНО «АТСМ»), не обладавшего на момент рассмотрения спора требуемым согласно российскому законодательству разрешением. В обоснование вынесенного решения суд также сослался на противоречие публичному порядку РФ (п. 2 ст. 4 ст. 239 АПК РФ).

Таким образом, вынесенные арбитражем решения будут признаваться и приводиться в исполнение на территории России:

- 1) применительно к арбитражу *ad hoc*: только при отсутствии доказательств администрирования спора арбитражным учреждением, не имеющим на это права. Данный вывод находит свое подтверждение в ч. 20 ст. 44 Закона «Об арбитраже» и п. 50 постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 53³⁵ (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 53), согласно которым решения, формально вынесенные арбитражем *ad hoc*, но фактически принятые при администрировании спора не получившим соответствующего разрешения арбитражным учреждением (о чем может свидетельствовать, например,

наличие коллегий или списков арбитров, правил рассмотрения споров и т.д.), «считаются принятыми с нарушением процедуры, установленной федеральным законом», и, как следствие, не подлежат признанию и приведению в исполнение, а в случае вынесения на территории России — должны быть отменены;

- 2) применительно к решениям, вынесенным иностранным арбитражным учреждением, не получившим права на администрирование споров: только при отсутствии сомнений в том, что администрирование спора осуществляло действительно иностранное арбитражное учреждение, а не мимикрирующий под него российский арбитраж. Данный вывод находит свое подтверждение в судебной практике. Так, в деле № А06-2352/2020³⁶ Арбитражный суд Поволжского округа удовлетворил заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения, вынесенного в г. Москве Арбитражным институтом Торговой палаты г. Стокгольма (SCC). В обоснование суд указал на наличие доказательств того, что администрирование спора действительно осуществляло указанное иностранное арбитражное учреждение³⁷, о чем свидетельствуют: 1) администрирование дела сотрудниками SCC; 2) получение и направление корреспонденции и всех необходимых процессуальных документов сторон от имени SCC; 3) администрирование формирования состава арбитража, его утверждение, принятие платы за администрирование спора SCC; 4) печать решения на бланке SCC и др.

Д. Ограничение компетенции арбитража *ad hoc*

Следует, однако, учитывать, что не все споры могут быть переданы на разрешение арбитража *ad hoc*. Более того, в отношении некоторых категорий дел в качестве места арбитража может быть указана только территория России. Так, согласно действующему законодательству,

³⁴ Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2021 № 305-ЭС21-671 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

³⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.03.2021 № Ф06-65614/2020 по делу № А06-2352/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.10.2020 № Ф06-65614/2020 по делу № А06-2352/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

могут рассматриваться только в ПДАУ такие категории споров, как:

- споры, возникающие у участников специальных административных районов (САР) (ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 03.08.2018 № 291-ФЗ (ред. от 26.11.2019) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»³⁸),
- споры из договоров, заключаемых согласно Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»³⁹ (ч. 10 ст. 45 Закона «Об арбитраже»);
- отдельные виды корпоративных споров, которые с 1 февраля 2017 г. были признаны арбитрабельными⁴⁰ (ч. 7 ст. 45 Закона «Об арбитраже», ч. 2 ст. 225.1 АПК РФ);
- споры, вытекающие из соглашений о защите и поощрении капиталовложений (ч. 7 ст. 13 Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»⁴¹).

Соглашения же о передаче таких споров на разрешение арбитража *ad hoc* являются недействительными. Причем местом рассмотрения последних трех категорий дел может быть только территория России, что существенно ограничивает возможность выбора сторонами наиболее приемлемого для них способа рассмотрения споров и удобной для них юрисдикции.

Е. Расширение категории арбитрабельных споров

Затронула реформа и проблему ограничения арбитрабельности отдельных категорий споров, оказывавшую негативное влияние на привлекательность России в качестве места арбитража⁴². Так, часть 3 ст. 1 Закона «Об арбитраже» и пункт 17 Постановления Пленума ВС РФ № 53 устанавливают презумпцию арбитрабельности гражданско-правовых споров при отсутствии указания на обратное в тексте закона.

Более того, с 1 февраля 2017 г. арбитрабельными были признаны практически все виды корпоративных споров, связанные с созданием, управлением и участием в юридическом лице (ч. 7 ст. 45 Закона «Об арбитраже», ч. 2 ст. 225.1 АПК РФ), что позволило поставить точку в многолетней дискуссии на этот счет⁴³ и достичь единообразия судебной практики.

Аналогичным образом к числу арбитрабельных были отнесены споры, возникающие из договоров об осуществлении государственных и муниципальных закупок (ч. 10 ст. 45 Закона «Об арбитраже»). Соответствующий подход находит свое подтверждение в практике высших судебных инстанций — Верховного Суда РФ⁴⁴ и Конституционного Суда РФ⁴⁵, которые признают возможность передачи таких споров на рассмотрение арбитража. Следует, однако, учитывать, что такие споры будут признаны арбитрабельными только с момента вступления в силу специального федерального закона, определяющего ПДАУ, имеющее право администрировать их (п. 8 Федерального закона от 29.12.2015

³⁸ Российская газета. № 170. 06.08.2018.

³⁹ Российская газета. № 159. 22.07.2011.

⁴⁰ Асосков А. В. Разрешение корпоративных споров в третейских судах: основные результаты законодательной реформы // Закон. 2017. № 5. С. 67–77.

⁴¹ Российская газета. № 72. 03.04.2020.

⁴² Россия как место арбитража. 2019 // URL: <http://www.iccwbo.ru/komissii/arbitrazhnaya-komissiya/proekty/rossiya-kak-mesto-arbitrazha-issledovanie-rossiyskogo-natsionalnogo-komiteta-icc-icc-russia-2019-god/> (дата обращения: 29.04.2021).

⁴³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.06.2011 № А40-35844/11-69-311 ; постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 26.09.2011 № А40-35844/11-69-311 ; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.01.2012 № ВАС-15384/11 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b808f500-dab4-43d7-ad6c-422080163f0e> (дата обращения: 03.05.2021) ; Асосков А. В. Указ. соч.

⁴⁴ Определение Верховного Суда РФ от 19.07.2018 № 306-ЭС16-19550 по делу № А55-25483/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2018 № 865-О «По запросу Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ о проверке конституционности положения АПК РФ, а также федеральных законов “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц”, “О третейских судах в Российской Федерации” и “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

№ 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016)⁴⁶, п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

Ж. Наделение государственных судов функциями по содействию и контролю за деятельностью арбитража

Еще одной проблемой, свойственной третейскому разбирательству в России, является недостаточный уровень доверия к арбитражу со стороны государственных судов, что во многом обусловлено сложившейся до реформы негативной практикой деятельности «карманных» третейских судов, дискредитировавших арбитраж. В связи с этим внимания заслуживает Постановление Пленума ВС РФ № 53, направленное, во-первых, на создание проарбитражного подхода (в том числе за счет закрепления правила о толковании арбитражного соглашения в пользу его действительности и исполнимости (ч. 8 ст. 7 Закона «Об арбитраже»)) и на повышение доверия к третейским судам в России и, во-вторых, на наделение государственных судов функциями по оказанию содействия и контролю за деятельностью арбитражей по таким вопросам, как назначение, отвод и прекращение полномочий третейского судьи; получение доказательств (что, однако, возможно только в отношении ПДАУ); принятие обеспечительных мер; признание и приведение в исполнение вынесенных

арбитражем решений, а также их отмена (п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

2. Итоги реформы

Каковы же итоги реформы? Несмотря на определенные положительные последствия (такие как уход с рынка «карманных» третейских судов, решение вопроса арбитрабельности отдельных категорий споров, а также наделение судов функциями содействия и контроля в отношении арбитражей), она не оказала существенного влияния на привлекательность России в качестве места рассмотрения споров. Так, по данным исследования, проведенного Российским национальным комитетом Международной торговой палаты (ICC) в 2019 г., лишь 35,7 % респондентов отметили увеличение привлекательности России в этом качестве⁴⁷.

Данный вывод подтверждается статистическими данными, согласно которым одним из последствий проведенной реформы стало резкое сокращение количества передаваемых в арбитраж споров, число которых сократилось более чем в четыре раза (с 7–8 тыс.⁴⁸ до 1,4 тыс. в год) даже с учетом значительного роста количества дел, поступающих в ПДАУ в условиях пандемии COVID-19 (табл. 2).

Таблица 2

Общее количество споров, поступивших на рассмотрение российских ПДАУ после реформы

ПДАУ	Год			
	2017	2018	2019	2020
МКАС ⁴⁹	363	454	522	621
МАК	нет данных	нет данных	7	9
АЦ при РСПП ⁵⁰	157	240	305	435
РАЦ	105 ⁵¹	253 ⁵²	262 ⁵³	318 ⁵⁴

⁴⁶ Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. № 297. 31.12.2015.

⁴⁷ Россия как место арбитража. 2019 ; *Хвалей В. В.* Новое законодательство об арбитраже: жить стало лучше, жить стало веселее // Закон. 2016. № 5. С. 87–95.

⁴⁸ Третейский арбитраж переживает последствия реформы.

⁴⁹ Статистические данные о деятельности МКАС при ТПП РФ в 2019 г. // URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php> (дата обращения: 31.03.2021).

⁵⁰ Арбитражный центр при РСПП. Отчет о деятельности за 2020 г.

⁵¹ Российский арбитражный центр. 2017/2018. Годовой отчет // URL: <https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2018/08/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82-%D0%A0%D0%90%D0%A6-2017-2018web.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).

ПДАУ	Год			
	—	—	4	9
Итого	625	947	1 100	1 392

Не менее показательным является и тот факт, что на фоне существенного роста передаваемых в ПДАУ дел (число которых вполне сопоставимо с количеством споров, рассмотренных в указанный период зарубежными арбитражными институтами, такими как Лон-

донский международный третейский суд (LCIA), Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма (SCC) и Арбитраж Международной торговой палаты (ICC), количество международных споров в российских ПДАУ остается крайне незначительным (табл. 3).

Таблица 3

Количество международных споров, разрешенных арбитражными институтами в 2020 г., в % об общего числа дел

МКАС	РАЦ	АЦ при РСПП	HKIAC ⁵⁵	SIAC ⁵⁶	DIS ⁵⁷	SCC ⁵⁸	LCIA ⁵⁹	ICC ⁶⁰
27	2	1	85,7	86	49	50,2	85	75

Особенно явно это видно в сравнении даже не с самыми популярными арбитражными институтами (такими как Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC), Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC)⁶¹ и Немецкий международный арбитраж (DIS)), число международных споров в которых является достаточно высоким и стабильно составляет не менее 50 % всех разрешаемых ими

дел. Практически идентичная картина наблюдается и в упомянутых ранее ведущих арбитражных институтах (LCIA, SCC и ICC).

Основной же процент дел, разрешаемых российскими ПДАУ общей компетенции (МКАС, РАЦ и АЦ при РСПП), приходится на внутренние споры, в то время как число международных дел постепенно снижается, даже несмотря на более низкую (по сравнению с зарубежными

⁵² Российский арбитражный центр. 2018. Годовой отчет // URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2019/03/%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_2018-%D1%8D%D0%BB.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

⁵³ Российский арбитражный центр. 2019. Годовой отчет // URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2020/03/%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82-2019-%D1%80%D1%83%D1%81.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

⁵⁴ РАЦ в цифрах. Информация о делах, рассмотренных в 2020 г. // URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2021/03/RAC_in_figures_2020-RU-2.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

⁵⁵ HKIAC Statistics // URL: <https://www.hkiac.org/about-us/statistics> (дата обращения: 28.04.2021).

⁵⁶ SIAC Annual Report 2020 // URL: https://www.siac.org.sg/images/stories/articles/annual_report/SIAC_Annual_Report_2020.pdf (дата обращения: 28.04.2021).

⁵⁷ DIS — Our work in numbers // URL: <https://www.disarb.org/en/about-us/our-work-in-numbers> (дата обращения: 28.04.2021).

⁵⁸ Ввиду отсутствия информации о количестве международных споров, рассмотренных SCC в 2020 г., данные приводятся за 2019 г. См.: SCC Statistics 2019 // URL: <https://sccinstitute.com/statistics/> (дата обращения: 28.04.2021).

⁵⁹ Ввиду отсутствия информации о количестве международных споров, рассмотренных LCIA в 2020 г., данные приводятся за 2019 г. См.: 2019 Annual Casework Report — LCIA // URL: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx> (дата обращения: 28.04.2021).

⁶⁰ ICC Dispute Resolution Statistics // URL: <https://iccwbo.org/publication/icc-dispute-resolution-statistics/> (дата обращения: 29.04.2021).

⁶¹ Следует, однако, оговориться, что в условиях введения антироссийских санкций многие российские компании стали отдавать предпочтение азиатским арбитражным институтам, таким как HKIAC и SIAC. См.: Опрос Арбитражной ассоциации 2016 года: влияние санкций на коммерческий арбитраж // URL: http://arbitrationsweden.com/upload/medialibrary/083/2016-russian-arbitration-association-survey_sanctions-and-arbitration.pdf (дата обращения: 29.04.2021).

арбитражными центрами) стоимость рассмотрения споров. Так, в 2019 г. МКАС было рассмотрено 239 таких споров, что составляло 45,8 % от общего числа разрешенных им дел. Однако в 2020 г. их число сократилось до 27 % (167 дел), притом что общее количество поступивших в МКАС за этот период споров увеличилось почти на 16 %.

Аналогичная ситуация и в других арбитражных институтах, где количество международных споров не превышает 2–5 %. В частности, несмотря на многолетний практический опыт и современный регламент, в 2020 г. АЦ при РСПП рассмотрел всего 4 международных спора, что составляет 1 % от общего количества поступивших дел; а РАЦ — 6 (менее 2 %).

Немного лучше ситуация в данных арбитражных центрах складывалась в 2018–2019 гг., что позволяет сделать вывод о том, что реформа не решила проблему оттока международных споров с участием российских сторон в иностранные арбитражи, которые по-прежнему рассматриваются в качестве наиболее предпочтительных органов для разрешения таких споров.

Во многом это обусловлено свойственными сфере третейского разбирательства проблемами, многие из которых так и не были решены в ходе реформы.

Прежде всего речь идет о возможности принудительного исполнения принятых третейскими судами обеспечительных мер. Как неоднократно отмечалось в доктрине, в отличие от положений Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (в ред. 2006 г.), российское законодательство не предусматривает возможности принудительного исполнения решений третейских судов по данному вопросу, ограничиваясь лишь декларативным заявлением о том, что такие решения должны исполняться сторонами⁶² (ч. 1 ст. 17 Закона РФ от 07.07.1993 (ред. от 29.12.2015) № 5338-1 «О международном коммерческом

арбитраже»⁶³, ч. 1 ст. 17 Закона «Об арбитраже»), что идет вразрез с новейшей мировой практикой. Данный вывод подтверждается положениями абз. 5 п. 36 Постановления Пленума ВС РФ № 53, согласно которому такие решения не подлежат принудительному исполнению и на них не выдаются исполнительные листы.

Как следствие, стороне, желающей принятия обеспечительных мер, следует сначала обратиться в арбитраж, а в случае отказа от принудительного исполнения таких мер другой стороной спора — в государственный суд, который будет рассматривать данный вопрос по общим правилам гл. 8 АПК РФ или гл. 13 ГПК РФ. При этом наряду с общими критериями (такими как обоснованность заявления о принятии таких мер, их соразмерность заявленному требованию и возможность обеспечения исполнения решения), суд будет оценивать действительность и исполнимость арбитражной оговорки, а также арбитрабельность спора (абз. 1, 2 п. 36 Постановления Пленума ВС РФ № 53), что ведет к затягиванию процесса принятия данных мер и негативно влияет на привлекательность России в качестве места рассмотрения споров.

Не меньшей проблемой является и излишне жесткий подход к выдаче разрешений на осуществление функций по администрированию споров на территории России, что оставило за бортом не только «карманные» третейские суды, но и добросовестных участников рынка, которые, несмотря на предпринятые ими усилия, так и не смогли получить разрешения.

Неоднозначность итогов реформы подтверждается и статистикой, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ⁶⁴, согласно которой процент удовлетворенных заявлений о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов в 2014–2020 гг. хотя и остается на достаточно высоком уровне (75–80 %), но в последние годы демонстрирует тенденцию к снижению (рис. 1).

⁶² Комаров А. С. Перспективы международного коммерческого арбитража в Российской Федерации в свете реформы законодательства о третейском суде // URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/perspektivy-mezhdunarodnogo-kommercheskogo-arbitrazha-v-rossiyskoy-federatsii-v-svete-reformy-zakono/> (дата обращения: 29.04.2021) ; Хвалей В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ по третейскому разбирательству: клянусь, я все бы отдала на свете для кого-то... Но где найти кого-то? // URL: https://zakon.ru/blog/2020/2/26/postanovlenie_plenuma_verhovnogo_suda_rf_po_tretejskomu_razbiratelstvu_klyanus_ya_vse_by_otdala_na_s#_ftn26 (дата обращения: 29.04.2021).

⁶³ Российская газета. № 156. 14.08.1993.

⁶⁴ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.04.2021).

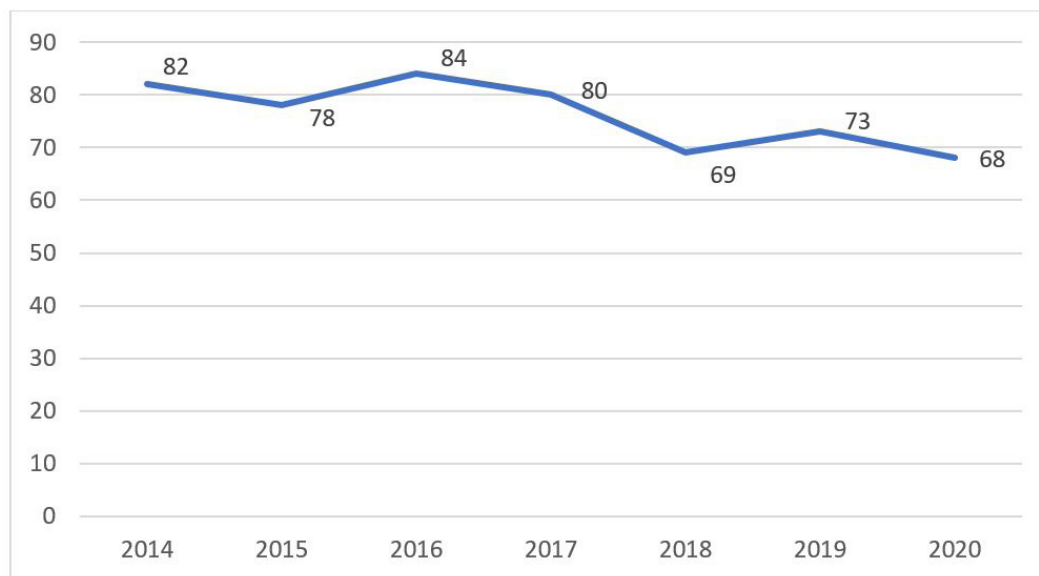

Рис. 1. Удовлетворенные заявления по делам о выдаче исполнительного листа на решения третейских судов, в %

Не произошло заметных изменений и в отношении числа удовлетворенных заявлений об отмене решений третейских судов, процент которых в 2014–2020 гг. также остается примерно на одном уровне (рис. 2).

При этом незначительный рост числа отмененных российскими судами арбитражных решений, а также снижение в 2018–2020 гг. числа удовлетворенных заявлений о выдаче исполнительных листов во многом объясняются продолжающейся (несмотря на установленный ст. 44 Закона «Об арбитраже» запрет) деятельностью ряда арбитражных учреждений, не получивших права администрировать споры на территории России (например, таких как Арбитражный третейский суд г. Москвы)⁶⁵.

Заключение

Таким образом, несмотря на определенные положительные последствия реформы, не все цели, поставленные ее идеологами, были достигнуты, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере, которое может осуществляться по следующим основным направлениям.

Во-первых, в условиях продолжающейся несмотря на законодательный запрет деятельности российских арбитражных учреждений,

не получивших разрешения, необходимо принятие жестких мер для пресечения их деятельности, что может осуществляться в том числе посредством внесения изменений в административное или даже уголовное законодательство. Указанные меры позволят пресечь деятельность недобросовестных лиц, дискредитирующих третейское разбирательство и подрывающих доверие к нему со стороны как российского и международного бизнес-сообщества, так и государственных судов.

Во-вторых, необходимы изменения в законодательстве, касающиеся принудительного исполнения принятых третейскими судами обеспечительных мер в части выдачи исполнительного листа на них.

В-третьих, при крайне ограниченном числе арбитражных институтов, имеющих право администрировать споры на территории России, а также установленных законодательством ограничениях категорий споров, которые могут быть переданы в арбитраж ad hoc, следует создавать условия, способствующие приходу в Россию иностранных арбитражных учреждений, пользующихся популярностью у российских сторон (таких как ICC и SIAC).

В-четвертых, на фоне ухода с рынка региональных арбитражных учреждений, популярных у представителей малого и среднего бизнеса, следует принять меры, направленные на повышение доступности для них третейского

⁶⁵ Например: определение Верховного Суда РФ от 12.03.2021 № 305-ЭС21-671 // СПС «КонсультантПлюс».

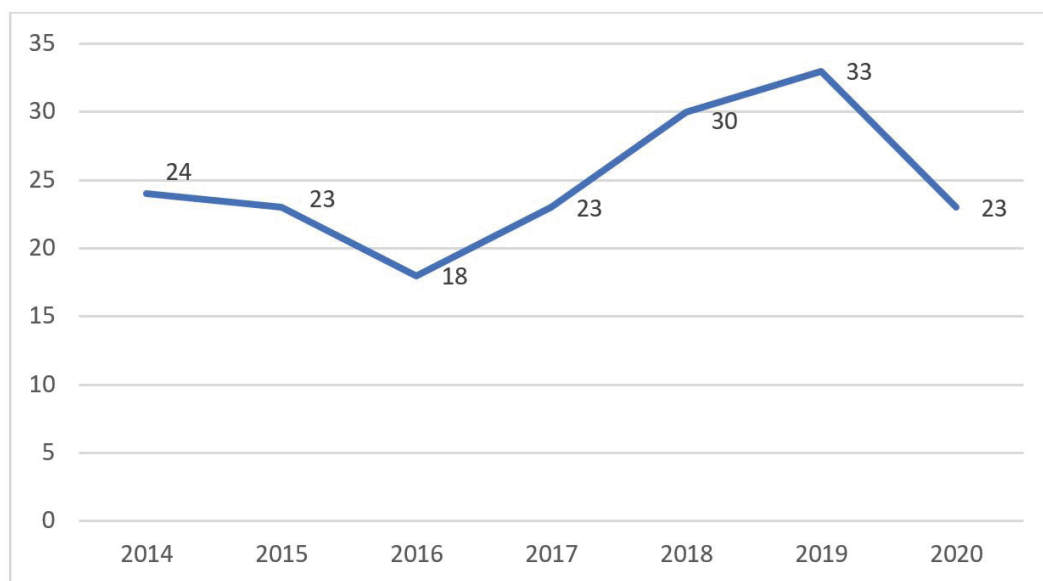

Рис. 2. Удовлетворенные заявления об отмене решений третейских судов, в %

разбирательства, что может проявляться в создании условий для дальнейшего открытия новых региональных отделений существующими

ПДАУ, а также в выдаче разрешений наиболее авторитетным региональным арбитражным учреждениям (таким, как СТС).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асосков А. В. Разрешение корпоративных споров в третейских судах: основные результаты законодательной реформы // Закон. — 2017. — № 5. — С. 67–77.
2. Гальперин М. Л. Из Сингапура в Хельсинки через Кемерово, или Какой арбитраж должен считаться иностранным? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 5. — С. 4–11.
3. Гальперин М. Л., Павлова Н. В. Куда идет третейское разбирательство? // Закон. — 2019. — № 8. — С. 125–139.
4. Городисский А. А., Тобар Х. К. Обзор третейской реформы // Третейский суд. — 2016. — № 1. — С. 19–30.
5. Интервью с Джо Лью (Joe Liu), управляющим советником Гонконгского международного арбитражного центра (ГМАЦ), от 28 сентября 2016 г. // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2016. — № 2. — С. 150–160.
6. Комаров А. С. Перспективы международного коммерческого арбитража в Российской Федерации в свете реформы законодательства о третейском суде // URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/perspektivy-mezhdunarodnogo-kommercheskogo-arbitrazha-v-rossiyskoy-federatsii-v-svete-reformy-zakono/>.
7. Кучер А., Горленко А. Реформа третейского разбирательства в России: новации законодательства // Нефть, газ и право. — 2016. — № 2. — С. 13–18.
8. Лазарев С. В. Развитие третейского разбирательства и функция социального управления // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2020. — № 1. — С. 65–69.
9. Панов А. А., Калинин М. С. Российская арбитражная реформа: два года спустя. Анализ вопросов, поставленных в судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 9. — С. 66–90.
10. Третейская реформа. Станет ли Россия более комфортной юрисдикцией для арбитража? // ЭЖ-Юрист. — 2016. — № 15. — С. 8.
11. Хвалец В. В. Новое законодательство об арбитраже: жить стало лучше, жить стало веселее // Закон. — 2016. — № 5. — С. 87–95.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2021 г.

REFERENCES

1. Asoskov AV. Razreshenie korporativnykh sporov v treteyskikh sudakh: osnovnye rezultaty zakonodatelnoy reformy [Resolution of Corporate Disputes in Arbitration: Main Results of the Legislative Reform]. *Zakon*. 2017;5:67-77. (In Russ.).
2. Galperin ML. Iz Singapura v Khelsinki cherez Kemerovo, ili kakoy arbitrazh dolzhen schitatsya inostrannym? [From Singapore to Helsinki via Kemerovo, or Which Arbitration Should Be Considered as Foreign?]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;5:4-11. (In Russ.).
3. Galperin ML, Pavlova NV. Kuda idet treteyskoe razbiratelstvo? [What's Ahead for Arbitration?]. *Zakon*. 2019;8:125-139. (In Russ.).
4. Gorodisskiy AA, Tobar KhK. Obzor treteyskoy reformy [Overview of Arbitration Reform]. 2016;1:19-30. (In Russ.).
5. Interview with Joe Liu, Managing Advisor of the Hong Kong International Arbitration Center (HIAC), September 28, 2016. *International Commercial Arbitration Abstract*. 2016;2:150-160. (In Russ.).
6. Komarov AS. Prospects of international commercial arbitration in the Russian Federation in the light of the reform of legislation on arbitration. *Arbitration Journal*. Available at: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/perspektivy-mezhdunarodnogo-kommercheskogo-arbitrazha-v-rossiyskoy-federatsii-v-svete-reformy-zakono/>.
7. Kucher A, Gorlenko A. Reforma treteyskogo razbiratelstva v Rossii: novatsii zakonodatelstva [Reform of Arbitration in Russia: Innovations of Legislation]. *Oil, Gas and Law*. 2016;2:13-18. (In Russ.).
8. Lazarev SV. Razvitie treteyskogo razbiratelstva i funktsiya sotsialnogo upravleniya [The development of arbitration proceedings and the function of social management]. *Moscow District Commercial Court Bulletin*. 2020;1:65-69. (In Russ.).
9. Panov AA, Kalinin MS. Rossiyskaya arbitrazhnaya reforma: dva goda spustya. Analiz voprosov, postavlennykh v sudebnoy praktike [Russian Arbitration Reform: Two Years Later. Analysis Of Issues Raised In Court Practice]. *Review of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018;9:66-90. (In Russ.).
10. Treteyskaya reforma. Stanet li Rossiya bolee komfortnoy yurisdiksiyey dlya arbitrazha? [Arbitration reform. Will Russia become a more comfortable jurisdiction for arbitration?]. *EZh-Yurist*. 2016;15:8. (In Russ.).
11. Khvaley VV. New Legislation on Arbitration: Life Has Improved, Life Has Become More Joyous]. *Zakon*. 2016;5:87-95. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.023-032

О. Ю. Косова*

Об имуществе, имущественной состоятельности супругов и их общих долгах

Аннотация. В российской юридической лексике широко используется термин «имущественные отношения», однако категория «имущество» в аспекте ее составных элементов, при отсутствии легального определения в Гражданском и Семейном кодексах РФ, раскрывается с разных научных позиций. Одной из внутренне образующих имущество частей, наряду с вещами и имущественными правами, в теории нередко называют долги, и отношения общей собственности супругов не являются исключением. Перспектива легализации долгов в качестве структурной части имущества супругов просматривается в проекте федерального закона № 835938-7, которым предлагается внести соответствующие дополнения в ст. 34 СК РФ, что обуславливает особый интерес к выявлению правовой природы общих долгов. Решение этой задачи определяет необходимость анализа действующего законодательства и научных публикаций, посвященных имущественным отношениям, вещному субъективному праву и его объектам.

Исходя из того, что долги супругов представляют собой не исполненные ими гражданско-правовые обязанности, вытекающие из участия в отношениях с третьими лицами, недопустимо их слияние с семейно-правовыми вещными отношениями собственности супругов. Долги не обладают качествами объектов вещного права собственности, которые совокупно формируют принадлежащее супругам и находящееся в режиме общности имущество, таким образом, его нельзя складывать из актива и пассива. В правовом регулировании отношений собственности можно лишь сопоставить выраженные в единых стоимостных единицах, с одной стороны, совокупность имущественных объектов, принадлежащих супругам на праве общей собственности, а с другой — объекты исполнения лежащих на них общих обязанностей относительно кредиторов. Для обозначения результата сопоставления целесообразно использовать понятие «имущественная состоятельность супругов», что позволяет оценить их имущественное положение на предмет участия в гражданском обороте, реального несения ими имущественной ответственности, а также обеспечения интересов кредиторов. В обоснование этих выводов приводятся развернутые аргументы.

Ключевые слова: объекты имущественных отношений; субъективное право общей собственности супругов; общие долги; имущественное положение (состоятельность) супругов; семейное право; режим имущества супругов; имущественная ответственность; гражданский оборот; законодательство.

Для цитирования: Косова О. Ю. Об имуществе, имущественной состоятельности супругов и их общих долгах // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 23–32. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.023-032.

Property, Property Solvency of Spouses and Their Joint Debts

Olga Yu. Kosova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
ul. Nekrasova, d. 4, Irkutsk, Russia, 664011
olurko@mail.ru

Abstract. In the Russian legal terminology, the term "property relations" is widely used. However, the category "property" in terms of its constituent elements, due to the absence of its legal definition in the Civil and Family

© Косова О. Ю., 2021

* Косова Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)
ул. Некрасова, д. 4, г. Иркутск, Россия, 664011
olurko@mail.ru

Codes of the Russian Federation, is explained in different scientific contexts. In theory, debts are often named as one of the elements internally forming the property, along with things and property rights, and the relations of common property of spouses are no exception. The prospect of legalization of debts as a structural element of the property of spouses is considered in the draft Federal Law No. 835938-7 that proposes to make appropriate amendments to Art. 34 of the Civil Code of the RF IC, which gives rise to a special concern in identifying the legal nature of common debts. The solution to this problem determines the need to analyze the current legislation and scientific publications devoted to property relations, property rights and its objects.

Due to the fact that the debts of the spouses represent unfulfilled civil legal obligations arising from participation in relations with the third parties, their merger with family legal property relations of the spouses' property is unacceptable. Debts do not have the qualities of objects of property rights that cumulatively form the property belonging to spouses and existing in the common property regime. Thus, it cannot be added up from an asset and a liability. Regarding legal regulation of property relations, we only can compare, on the one hand, the totality of property objects belonging to spouses on the ground of common property and, on the other hand, the objects of execution of their common obligations with respect to creditors expressed in single value units. To indicate the result of the comparison, it is advisable to use the concept of "property solvency of spouses", which allows us to assess their property status for participation in civil transactions, their real property responsibility, as well as in ensuring the interests of creditors. In support of these conclusions, the author provides detailed arguments.

Keywords: objects of property relations; the subjective right of the spouses' common property; general debts; property status (wealth) of the spouses; family law; property regime of spouses; property liability; civil circulation; legislation.

Cite as: Kosova OYu. Ob imushchestve, imushchestvennoy sostoyatel'nosti suprugov i ikh obshchikh dolgakh [Property, Property Solvency of Spouses and Their Joint Debts]. *Lex russica*. 2021;74(8):23-32. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.023-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Как известно, правовые отношения, в которых стороны связаны имущественными интересами, регулируются разными нормативными правовыми актами и различаются между собой по субъектам, объектам и содержанию. В их правовом регулировании так или иначе могут быть задействованы нормы как частного права (гражданского, семейного, трудового, международного частного), так и публичного (налогового, бюджетного, права социального обеспечения и др.). В них могут участвовать самые разные субъекты, передача имущественных объектов может обретать разнообразные юридические формы, в отраслевом законодательстве присутствуют санкции имущественного характера. Трудно обнаружить нормативные источники, в которых в той или иной форме не присутствовали бы правила, касающиеся правовых форм взаимодействия различных субъектов по поводу имущества.

Термин «имущество» широко употребляется и в повседневной лексике, и в юриспруденции. Казалось бы, его смысловое содержание давно устоялось, а проблема понимания этой категории, определяющей саму суть имущественных отношений, объективную потребность их стабилизации и правового оформления, не может

возникнуть. Между тем трактовка и использование термина «имущество» в гражданском и семейном праве не являются едиными, вызывают дискуссии. Речь не идет о конкретных видах имущественных объектов, понятно, что исчерпывающего их перечня представить и единожды закрепить законом невозможно, в оборот динамично включаются новые объекты, появляется необходимость решать новые задачи и др. Все же при всем богатстве посвященных имущественным отношениям научных публикаций, проработке в учебной литературе вопросов их правового регулирования общепризнанного смыслового наполнения этой важнейшей правовой категории внутренними структурными частями, в частности за счет *долгов*, на наш взгляд, не обнаруживается.

Правовые корни категории «имущество» обнаруживаются в римском частном праве: «Согласно римской юриспруденции, "patrimonium" есть совокупность элементов (bona, добро), дающих частному субъекту экономические выгоды»¹. «При жизни собственника его добро — bona — гарантирует кредиторов в платеже долгов. Отсюда Павел сделал вывод, что имуществом каждого лица считается то, что остается после удовлетворения кредиторов, за

¹ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М. : Бек, 2000. С. 52.

вычетом долгов»². Как видно из авторитетных источников — комментариев римского частного права, состав имущества, принадлежащего лицу, формирует его «добро», иными словами — имущество составляют блага, способные приносить ему экономическую пользу.

Более того, полагаем, долги не случайно как бы противопоставляются имуществу, поскольку объективно они благом не являются и никакой имущественной выгоды лицу, на котором они лежат, не сулят. Именно за счет имущества долги погашаются, а оценка имущественного положения лица определяется выраженной в деньгах (возможно, в ином эквиваленте) разницей между оцененными в них, с одной стороны, имуществом, а с другой — долгами, точнее сказать объектами исполнения гражданско-правовых обязанностей в пользу кредитора. Положительный или отрицательный остаток указывает соответственно на имущественную состоятельность или несостоятельность конкретного лица, что важно для его участия в гражданском обороте.

Несмотря на динамичное развитие законодательства и при всей специфике современного гуманитарного знания в сфере юриспруденции процесс познания правовых явлений не может протекать без опоры на базовые общепринятые представления. Эти представления не просто отражены в научных публикациях, включение их в систему правовых знаний, несомненно, оказывает влияние на формирование законодательства и правоприменительной практики. Базовый понятийный аппарат, зафиксированный в общедоступных источниках, нередко представляет своего рода компромисс между сложившимися на том или ином историческом этапе правовыми позициями, указывая на достигнутый уровень правовой науки и культуры. В этой связи в поиске концептуальных подходов к пониманию категории «имущество» уместно обратиться к Большому юридическому словарю, где обозначены три подхода, согласно

которым под имуществом может пониматься: во-первых, «совокупность вещей и материальных ценностей, состоящих прежде всего в собственности лица»; во-вторых, *актив*, то есть «совокупность вещей и имущественных прав на получение вещей или имущественного удовлетворения»; в-третьих, *актив и пассив*, то есть «совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей, которые характеризуют имущественное положение их носителя»³.

Общая ситуация в юриспруденции не может не находить проявления в семейно-правовой сфере, что находит отражение в давней дискуссии о том, включать общие долги супругов в их общее имущество⁴ или нет⁵. Похоже, что теперь научные споры могут получить законодательное разрешение. Наиболее широкий, третий, подход к категории общего имущества супругов обнаруживается в проекте федерального закона № 835938-7⁶. В случае его принятия он может приобрести опорный характер для доктрины семейного, а возможно, и гражданского права, однако считаем предлагаемое законопроектом решение при его научной дискусионности преждевременным. На наш взгляд, отсутствие в Гражданском кодексе РФ и в Семейном кодексе РФ легального определения категории «имущество» в немалой степени связано с различием концептуальных подходов к ее сущности. Таким образом, проблема определения правовой природы общих супружеских долгов и включения или невключения их в состав общего имущества супругов приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Для понимания места долгов (обязательств) супругов применительно к имущественным отношениям общей собственности в семейном праве важно обратиться к базовой ветви частноправовой науки — гражданскому праву. Однако в цивилистике вопрос об элементах внутренней структуры имущества, находящегося в совместной собственности, в аспекте ее

² Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М. : Юрист, 1994. С. 154.

³ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд. М. : Инфра-М, 2007. С. 267.

⁴ Тархов В. А. Имущественные отношения супругов // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов, 1969. С. 55 ; Чефранова Е. А. Имущественные отношения супругов. М. : Эксмо, 2008. С. 47–48 ; Семейное право / под ред. А. Чефрановой. М. : Юрайт, 2012. С. 135, 159.

⁵ Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М. : Юрид. лит., 1982. С. 94 ; Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. И. М. Кузнецовой. М., 2000. С. 126.

⁶ Проект федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части имущественных отношений супругов) // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 28.02.2021).

выстраивания с учетом общих долгов супругов не рассматривается.

С позиций русского языка под словом «долги» понимаются «обязанности»⁷, в юриспруденции в качестве тождественного используется термин «обязательства». Отсюда применительно к правовому аспекту рассматриваемой проблематики уместно уточнение: долги — это неисполненные обязанности супруга (супругов) в гражданско-правовых отношениях с третьими лицами. Обычно общими долгами супругов считаются обязанности, принятые в правоотношении обоими супругами-содолжниками или хотя бы одним из них в случае, если все полученное должником было использовано на общесемейные нужды; а также обязательства, по которым супруги отвечают солидарно. Ответственность по общим долгам наступает в соответствии со ст. 45 СК РФ, и ее меры по общему правилу касаются имущества, которым супруги совместно располагают.

Между тем в действующей редакции ст. 34 СК РФ обозначены различные виды имущественных благ, которые могут находиться в совместной собственности супругов⁸. Перечень их также не носит исчерпывающего характера, однако назван основной критерий, позволяющий распространять на имущество режим общей совместной собственности, — оно должно быть нажито супругами во время брака. В этом перечне объекты разделены на две группы, это принадлежащие супругам: 1) вещи, 2) имущественные права, т.е. то, что нередко называют *активом*, но во всяком случае не их долги. Как отмечалось, предлагается и долги включать в состав общего имущества супругов, в то время как СК РФ отражает срединную позицию между узким, строго классическим «вещным» и более широким подходом к составу имущества. Вещный подход основывается на том, что природа вещей делает невозможным объявление «объ-

ектом права собственности конкретного лица его «имущество в целом», ибо правовой режим конкретных объектов, составляющих имущество («собственность») лица, в действительности различен. В частности, имущественные права не могут и не должны рассматриваться в качестве самостоятельных объектов вещных прав...»⁹.

Решение вопроса о правовой сущности долгов, полагаем, неразрывно связано с представлениями об объектах имущественных отношений в целом, в том числе объектах права собственности. Обычно при определении предмета правового регулирования гражданского права прежде всего констатируется включение в него имущественных отношений, существующих в динамике и статике, обладающих «имущественно-стоимостным» признаком и основанных на принципах равенства сторон, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Здесь уместно отметить, что основную особенность имущественных отношений О. С. Иоффе видел в их экономической ценности ввиду «связи со средствами производства, предметами потребления и иными продуктами труда человека», и в стоимостной форме выражения¹⁰. С. Н. Братусь, уточняя эту мысль, писал, что сами по себе общественные отношения «экономической оценке не подлежат. Можно было бы лишь сказать, что они возникают и развиваются по поводу экономических ценностей»¹¹. Такие представления в целом сохранены и развиты в правоведении: регулируемые гражданским правом имущественные отношения «в доктрине принято именовать имущественно-стоимостными», а их объектами считаются «представляющие экономическую ценность материальные и некоторые нематериальные блага»¹². Иными словами, отношения «называются имущественными, поскольку непо-

⁷ Долг, по В. Далю, — это «все должное, что должно исполнить, обязанность» (см.: Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : 1880. Т. 1. С. 474). Долг в словаре С. И. Ожегова означает «то же, что обязанность» (см.: Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6892> (дата обращения: 17.04.2021)).

⁸ Неточности редакционных формулировок ст. 34 СК РФ не являются предметом настоящей статьи. Очевидно, что при системном толковании норм гл. 7 СК РФ речь в ней идет о видах общего имущества супругов, которое находится в режиме общей совместной собственности, а также об основном критерии отнесения к нему различных имущественных благ.

⁹ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. М. : Статут, 2015. Т. 1. С. 497.

¹⁰ Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. С. 7.

¹¹ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М. : Юрид. лит., 1963. С. 34.

¹² Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2020. Т. 1. С. 8.

средственно связаны с имуществом, работами и услугами, могущими быть оцененными в денежном выражении»¹³.

При трактовке экономических ценностей как благ, которые функционируют в сфере производства, распределения и потребления, следует вывод: появление термина «имущественные отношения» и суть таких отношений непосредственно связаны с их объектом, обладающим признаваемой обществом (иначе они бы не регламентировались) экономической ценностью, т.е. полезностью их свойств для удовлетворения жизненных потребностей людей. В подавляющем большинстве случаев продукт труда человека востребован людьми и так или иначе используется, иначе он бы по общему правилу не производился. Таким образом, полезность, способность удовлетворять потребности людей — это важнейшее качество объектов имущественных отношений.

Теперь нужно кратко обозначить блага, объекты, которые могут находиться в режиме имущественных отношений собственности. При остающемся для частноправовой доктрины открытым вопросе о допустимости отнесения имущественных прав к объектам права собственности, все же аксиоматично: во-первых, включение в число последних вещей, а во-вторых, признание, что субъективное право собственности заключается в праве конкретных субъектов использовать определенные имущественные объекты «своей властью и в своем интересе на основе и в пределах установленного в государстве правопорядка»¹⁴. Так, анализируя работы и взгляды известных российских ученых-правоведов относительно сущности вещных прав, прежде всего права собственности, Л. В. Щенникова наряду с другими выводами делает вывод о том, что важнейшим их признаком является объект — «всегда вещь, которая является материальной и конкретной», обладающая «полезными свойствами для удовлетворения потребностей», а «вещное право закрепляет принадлежность вещи и возможности лица по отношению к ней», в том числе возможность использовать вещь «непосредственно, осуществляя собственные действия, не прибегая к помощи других лиц»¹⁵.

В связи с признанием имущества в частноправовой традиции благом (*bona*) и его важнейшего качества — полезности, вполне объяснимым становится отсутствие, насколько нам известно, научного обоснования той позиции, которая усматривает у долгов (обязательств) супругов свойства, присущие объектам вещного права общей совместной собственности. Поэтому *первым аргументом* против включения долгов в состав принадлежащего супругам на праве собственности имущества, на наш взгляд, может быть то, что долги благом для супругов, на которых лежат, не являются, так как экономической пользы этим лицам, в том числе относительно их общего имущественного положения (состояния), не приносят.

Благодаря использованию межотраслевого подхода к пониманию объектов прав собственности вытекает *второй*, связанный с первым *аргументом*, также обусловленный природой объектов вещных прав. В легализованном статьей 128 ГК РФ перечне среди «объектов гражданских прав» обозначены блага, результаты труда людей, представляющие собой определенную ценность, по поводу обладания которыми между людьми возникают отношения, объективно требующие правовой регламентации. Редакция ст. 128 ГК РФ позволяет оставить в стороне по-иному материализуемые результаты труда человека (в частности, услуги и охраняемые правом результаты интеллектуального труда), а также признаваемые обществом значимые для людей нематериальные блага, поскольку к ним правовые режимы вещного института собственности неприменимы. Тогда в остатке получаем, что с позиций гражданского законодательства имущество представляет собой так называемый *актив* (вещи и иное имущество, в том числе «имущественные права»). Оставляя за рамками настоящей работы проблему признания имущественных прав объектами права собственности, можно констатировать: долги в качестве объектов гражданских прав прямо не названы в перечне ст. 128 ГК РФ, как и в действующей редакции ст. 34 СК РФ.

Для поиска следующего аргумента значимо определение места общих долгов относитель-

¹³ Гражданское право : учебник : в 3 т. / отв. ред. В. П. Мозолин. М. : Проспект, 2016. Т. 1. С. 13.

¹⁴ Гражданское и торговое право капиталистических государств / отв. ред. Е. А. Васильев. 3-е изд. М. : Международные отношения, 1993. С. 211.

¹⁵ Щенникова Л. В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 369.

но объектов права совместной собственности супругов, поэтому несколько углубимся в соотношение неисполненных гражданско-правовых обязательств супругов с их отношениями общей собственности. Как можно судить по позиции Г. Ф. Шершеневича, сторонника включения долгов в состав имущества, слово «имущество» в законодательстве Российской империи «не выдерживало строгой терминологии». Он считал, с одной стороны, что юридически содержание имущества включает в себя вещи (наличное имущество) и права требования (долговое имущество), т.е. *актив*, — именно таким образом имущество, по его утверждению, делилось законодательно. С другой стороны, Г. Ф. Шершеневич, учитывая основанную на Германском гражданском уложении позицию, привнесенную в современную ему российскую цивилистику работами немецких юристов, и разделяя мнение одной из их групп, расширил состав имущества за счет *пассива*, наполняемого: во-первых, вещами, принадлежащими другим лицам, но временно находящимися в обладании лица; и, во-вторых, обязательствами, лежащими на нем. Скорее ссылаясь на мнение Эннексеруса (К. М. Ludwig Ennecserus), чем аргументируя, он утверждал: «Совершенно непонятно, как возможно понимать двустороннее обязательство принадлежащим к имуществу только одною его стороною. Нельзя считать юридическим объяснением, что долги, не составляя части имущества, лежат на имуществе как связанная с ним повинность»¹⁶. В связи с этим попытаемся выяснить, а могут ли гражданско-правовые обязанности, обусловленные главным образом общесемейными потребностями, находиться в режиме совместной собственности, как он представлен в ст. 35 СК РФ, ст. 209 ГК РФ.

Отношения общей собственности супругов носят вещный характер, со всеми присущими абсолютным правоотношениям особенностями, но со значимой особенностью внутренних взаимоотношений между сособственниками — ими являются не просто два лица, а муж и жена, брак между которыми считается основой семьи. Как отмечает Е. А. Суханов, «особенностью отношений совместной собственности является лично-доверительный характер взаимоотношений участников, делающий их юридически незаменимыми»¹⁷. Отсюда специ-

фика владения, пользования и распоряжения супругами находящимися в соответствующем правовом режиме имущественными благами, которая находит отражение в гл. 7–9 СК РФ. Когда у супругов появляются общие долги, обнаруживается также присутствие обязательственных гражданско-правовых отношений супругов (одного из них, когда долг может быть отнесен к числу общих) с третьими лицами, занимающими позицию кредиторов по не исполненным в их пользу имущественным обязанностям. Однако обязанность по гражданскому правоотношению юридически не может преобразиться и «влиться» в правоотношения совместной собственности супругов хотя бы только по причине разной сущности вещных и обязательственных правоотношений, не говоря уже о семейной специфике права супружеской собственности.

У кредитора, не являющегося сособственником, нет и не может быть прямого собственного интереса в осуществлении супругами права совместной собственности. Долги объектом вещного права собственности супругов не являются и потому не могут находиться в режиме совместной собственности, супруги не могут владеть, пользоваться, распоряжаться ими так, как это возможно в отношении принадлежащих им имущественных объектов: вещей и, с долей условности, заложенной ст. 128 ГК РФ, прав требования. В этом заключается *третий аргумент*.

В качестве гражданско-правовых обязанностей общие долги супругов, в сущности, представляют собой их необходимые, должные действия по передаче имущественных объектов кредитору, которые вопреки условиям гражданского обязательства не были ими выполнены в его пользу в счет полученного от него имущественного блага, используемого на семейные нужды. Как следует из ст. 34 СК РФ,житое супругами «добро», имущественные объекты — блага, полученные вследствие различных, не противоречащих закону оснований, в том числе договоров с третьими лицами, попав в сферу общесемейного управления и потребления, независимо от фигуры кредиторов и неисполненных обязанностей по отношению к кому-либо из них, обретают режим общей совместной собственности. Здесь имущественный объект, полученный супругами от кредитора за

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М., 1912. С. 147–148.

¹⁷ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд. М. : Статут, 2015. Т. 1. С. 581.

его счет, вовсе не есть сама не исполненная в его пользу обязанность.

В то же время то *условное «добро»*, которое является *объектом исполнения обязанности* со стороны супругов, но которое не было получено кредитором (например, не выполнена оговоренная работа, в счет полученной платы не передана вещь, не произведена оплата полученной вещи), будучи оцененным по правилам гражданского оборота вместе с общим имуществом, указывает на *состоятельность* супругов как единого субъекта гражданского оборота (имущественное положение, состояние). Это немаловажно для решения потенциальными и реальными кредиторами вопроса о способности супругов выполнять имущественные обязанности и нести ответственность за их неисполнение. Если имущество может быть разделено между супругами, то их непогашенные общие долги, согласно ст. 39 СК РФ, не делятся, а *распределяются* между супругами¹⁸.

Если долг благом для супругов-собственников не является, то для кредитора в обязательственном правоотношении это, безусловно, имущественный актив, заключающийся в праве требовать исполнения лежащей на должнике обязанности и (или) выплаты компенсации причиненного ущерба. Каждый должник несет гражданско-правовую ответственность принадлежащим ему имуществом, в рассматриваемых ситуациях на стороне должника выступают оба супруга. Ответственность по обязательствам, что вполне естественно, направлена против всего *наличествующего у них имущества*¹⁹, находящегося в режиме общей собственности. Причем не имеет значения, за счет каких именно исполненных или неисполненных обязательств имущественные блага поступали в сферу потенциальной общей имущественной ответственности супругов, какие именно блага были полностью или частично использованы и каким именно хозяйственным способом или в интересах кого именно из членов семьи. Вполне вероятно, что полученной от кредитора по не исполненному в его пользу обязательству вещи на момент предъявления им требований

уже не существует: объект полностью потреблен, уничтожен, даже не самими супругами, а, например, другими членами семьи, их детьми или родителями. Отсюда явствует обоснованность разведения по разным главам СК РФ норм о праве собственности супругов (гл. 6) и их имущественной ответственности (гл. 9). Общие долги вовсе не пассив, не составная часть имущества супругов, хотя меры ответственности за неисполнение обязательства непосредственно нацелены на его уменьшение. В этих суждениях, на наш взгляд, заключается *четвертый аргумент* против включения долгов в состав общего имущества супругов.

Не исключено, что мнение о долгах как о пассиве, т.е. составной части имущества, проистекает из отождествления наследства и наследственного имущества. Однако идея невключения их в состав имущества, на наш взгляд, пронизывает классическое наследственное право, что отражено в давно признанной и легализованной формуле: принявшие наследство наследники отвечают по долгам наследодателя ограниченно — не более стоимости доли имущества, полученного ими по наследству. Эта формула век от века воспроизводится в гражданском праве, а в настоящее время закреплена в п. 1 ст. 11175 ГК РФ. Полагаем, что это правило имеет отношение и в целом к пониманию соотношения понятий «имущество» и «имущественная состоятельность» (положение).

Здесь уместно обратиться к мнению одного из ведущих специалистов советского периода в области наследования — В. И. Серебровского. Он отмечал, что в отечественной юридической литературе «принято понимание наследства как совокупности имущественных прав и обязанностей наследодателя. <...> Но, во всяком случае, в состав имущества не могут входить долги, а тем более не может имущество состоять из одних долгов»²⁰. Он также подчеркивал, что «если бы долги входили в состав наследственного имущества, то было бы странно говорить об ограничении ответственности наследника по долгам наследодателя стоимостью наследственного имущества»²¹.

¹⁸ Косова О. Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 15–18.

¹⁹ При принудительном исполнении исполнительных документов обращение взыскания на отдельные виды имущества может быть исключено законом (ст. 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», ст. 446 ГПК РФ).

²⁰ Серебровский В. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 54–55.

²¹ Серебровский В. И. Указ. соч. С. 56.

Позволим себе продолжить эту мысль классика: если категория «наследство» раскрывает наследникам и иным лицам имущественную состоятельность наследодателя на момент открытия наследства, охватывая и актив, и пассив, то наследственное имущество является лишь активной частью наследства. Формула ограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя теряет свой смысл в случае, если допускает, что по долгам наследодателя можно отвечать обременяющими наследство долгами. Аналогичным образом обстоят, на наш взгляд, дела и с общим имуществом супругов: отвечать по общим долгам этими же долгами, формально включаемыми в состав общего имущества, очевидно, не только «не в интересах кредиторов», но в принципе невозможно. В этом заключается *пятый аргумент* против отождествления долгов и имущества.

Хотя предлагаемое в законопроекте № 835938-7 расширение общего имущества супругов за счет их общих долгов с редакционной точки зрения выглядит осторожным, в пояснительной записке к проекту высказана более определенная позиция — выражено сожаление, что «вопреки положениям гражданского законодательства общее имущество супругов в текущей судебной и нотариальной практике рассматривается не как цельный имущественный комплекс, включающий в себя вещи, имущественные права и общие долги супругов, а как набор отдельных объектов прав (так называемых активов)», в результате чего становится «возможным многократное рассмотрение судом споров о разделе имущества одних и тех же супругов»²². Однако наличие непосредственной связи между невключением долгов в состав имущества и «многократностью» споров о разделе и в документе, и на практике во все не очевидно. Можно считать, что *шестой аргумент* против включения долгов в состав имущества предложен самими авторами законопроекта — их позиция не поддерживается текущей судебной и нотариальной практикой.

Обратившись к законодательству об исполнительном производстве и практике его применения, обнаруживаем *седьмой аргумент*. Согласно Федеральному закону от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производ-

стве»²³ (далее — Закон № 229-ФЗ) взыскание по исполнительным документам обращается на имущество должников, что предполагает изъятие имущества и (или) его реализацию либо передачу имущества взыскателю (ч. 1 ст. 69). Если бы долги были частью имущества должника, вряд ли с позиций реальной защиты имущественных интересов кредитора были бы объяснимы такие варианты обращения взыскания на имущество, как передача долгов в пользу кредитора самому кредитору или изъятие их у должника.

Кроме того, в перечне видов имущества ст. 69 Закона № 229-ФЗ, среди которого есть даже цифровая валюта, не называются долги, они прямо не привязаны ни к исполнительным действиям (ст. 64 Закона № 229-ФЗ), ни к мерам принудительного исполнения (ст. 68 Закона № 229-ФЗ). Если, например, для целей исполнения существует механизм наложения ареста на принадлежащие должнику вещи или на его права, то абсурдно арестовывать долги, — они не могут обеспечить реальное исполнение в пользу взыскателя, а их погашение в интересах последних составляет суть исполнительного производства. Задачами исполнительного производства считаются «правильное и своевременное исполнение» актов судов, других органов и должностных лиц, иных документов прежде всего, «в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций» (ст. 2 Закона № 229-ФЗ). Вместе с тем установление *имущественного положения* должника немаловажно для исполнения, оно обеспечивается действиями пристава-исполнителя (ч. 1 ст. 64, ч. 9, 9.1 ст. 69 и др. Закона № 229-ФЗ).

При определении соотношения понятий имущества и долгов супругов возникает еще один вопрос — о конструкции «*единый имущественный комплекс*», их объединяющей, как это обозначено в тексте пояснительной записки к законопроекту. Однако полагаем, что здесь этот термин размывает существенные различия между ними. Если же рассматривать появление этого термина в пояснительной записке как первый шаг на пути к внедрению в СК РФ, то для этого необходимы соответствующее научное обоснование и признание его появления в

²² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 18.04.2021).

²³ СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

доктрине. Действительно, в ГК РФ употребляются термины «имущественный комплекс», формируемый из актива и пассива применительно к предприятию (ст. 132), и «единый недвижимый комплекс» (ст. 133.1), к которому подобный подход не применен, что не случайно. Возможно, термин «имущественный комплекс» в каждом конкретном случае удобнее и проще использовать без выяснения его юридической природы, критериев формирования, обоснованности включения в научный юридический аппарат, но в таком виде он видится весьма условным и уязвимым.

Что касается формирования состава имущества супругов, то, на наш взгляд, достаточно доводов считать, что, с одной стороны, долги супругов, а с другой — имущественные объекты права общей совместной собственности имеют разную юридическую природу, и это не может не находить отражение в правовом регулирова-

нии. Долги, проистекающие из «внешних» для супругов-сособственников гражданско-правовых обязательств для общесемейных целей, несомненно, влияют на их имущественное положение как единого субъекта гражданского оборота, но при этом никакой имущественной ценностью для них не обладают, экономической пользы им не приносят и объектами права собственности не являются. Без искусственного соединения в качестве однородных названных выше явлений размытым по смыслу термином «единый имущественный комплекс» для целей прозрачности и устойчивости гражданского оборота может послужить понятие «имущественная состоятельность» («имущественное положение») супругов, позволяющее реально оценить их общую имущественную базу с позиций возможного ответственного участия в гражданском обороте и обеспечения имущественных интересов кредиторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. — М. : Юрид. лит., 1963. — 197 с.
2. Гражданское и торговое право капиталистических государств : учебник / отв. ред. Е. А. Васильев. — 3-е изд. — М. : Международные отношения, 1993. — 560 с.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2020. — Т. 1. — 1040 с.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. / отв. ред. В. П. Мозолин. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2016. — Т. 1. — 816 с.
5. Иоффе О. С. Советское гражданское право : курс лекций : Общая часть : учебное пособие / отв. ред. А. К. Юрченко. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. — 511 с.
6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. — 2-е изд. / под ред. И. М. Кузнецовой. — М. : Юристъ, 2000. — 566 с.
7. Косова О. Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 1. — С. 15–18.
8. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. — М. : Юрист, 1994. — 544 с.
9. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 4-е изд. — М. : Статут, 2015. — Т. 1. — 958 с.
10. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник / под ред. Д. В. Дождева. — М. : Бек, 2000. — 400 с.
11. Семейное право : учебник для бакалавров / под ред. Е. А. Чефрановой. — М. : Юрайт, 2012. — 393 с.
12. Серебровский В. И. Избранные труды. — М. : Статут, 1997. — 567 с.
13. Советское семейное право : учебник / под ред. В. А. Рясенцева. — М. : Юрид. лит., 1982. — 256 с.
14. Тархов В. А. Имущественные отношения супругов // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. — Саратов, 1969. — С. 54–58.
15. Чефранова Е. А. Имущественные отношения супругов : науч.-практ. пособие. — М. : Эксмо, 2008. — 270 с.
16. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — 10-е изд. — М. : тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. — VIII, 951 с.
17. Щенникова Л. В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Серия : Юридические науки. — 2017. — Вып. 37. — С. 361–372.

Материал поступил в редакцию 14 мая 2021 г.

REFERENCES

1. Bratus SN *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava* [Subject and system of Soviet civil law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1963. (In Russ.).
2. Vasilyev EA, editor. *Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh gosudarstv* [Civil and commercial law of capitalist states]. 3rd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1993. (In Russ.).
3. Sergeev AP, editor. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 3 t.* [Civil Law: in 3 vol.]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
4. Mozolin VP, editor. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 3 t.* [Civil Law. Textbook in 3 Vol.]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).
5. Ioffe OS *Sovetskoe grazhdanskoe pravo : kurs lektsiy: Obshchaya chast : uchebnoe posobie* [Soviet civil law: a course of lectures: General part: Textbook]. Leningrad: Leningrad University Publishing House; 1958. (In Russ.).
6. Kuznetsova IM, editor. *Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Family Code of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Yurist Publ.; 2000. (In Russ.).
7. Kosova OYu. *Obshchie dolgi suprugov: razdel ili raspredelenie* [Joint Debts of Spouses: Division Or Distribution]. *Family and Housing Law*. 2019;1:15-18. (In Russ.).
8. Novitskiy IB, Pereterskiy IS, editors. *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman private law: textbook]. Moscow: Yurist Publ.; 1994. (In Russ.).
9. Sukhanov EA. *Rossiyskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t.* [Russian civil law: textbook: in 2 volumes]. 4th ed. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).
10. Sanfilippo Ch *Kurs rimskogo chastnogo prava : uchebnik* [The course of Roman private law: textbook]. Dozhdev DV. (ed). Moscow: Beck Publ.; 2000. (In Russ.).
11. Chefranova E. A., editor. *Semeynoe pravo : uchebnik dlya bakalavrov* [Family law: textbook for bachelors]. Moscow: Yurayt; 2012. (In Russ.).
12. Serebrovskiy VI. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Statut Publ.; 1997. (In Russ.).
13. Ryasentsev VA, editor. *Sovetskoe semeynoe pravo : uchebnik* [Soviet family law: textbook]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1982. (In Russ.).
14. Tarkhov VA. *Imushchestvennye otnosheniya suprugov* [Property relations between spouses]. In: *Lenin's Ideas and New Legislation on Marriage and Family*. Saratov; 1969. (In Russ.).
15. Chefranova EA. *Imushchestvennye otnosheniya suprugov : nauch.-prakt. posobie* [Property relations of spouses: scientific-practical. guidebook]. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. (In Russ.).
16. Shershenevich GF. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]. 10th ed. Moscow: Kushnerev and K° Publishing House; 1912. (In Russ.).
17. Shchennikova LV. *Ponyatie veshchnogo prava v argumentatsii rossiyskikh tsivilistov* [The Notion of Right in Rem in Reasoning of Russian Civilists]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2017;37:361–372. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.033-045

С. А. Васильев*

Об основных механизмах соотношения субъектов конституционного права

Аннотация. Целью написания данной работы является систематизация основных механизмов соотношения субъектов конституционного права и отражение специфики каждого из указанных механизмов. Соотношение субъектов конституционного права представляет собой связь между субъектом и чем-то или кем-то ввиду его действий или состояний. Если правоотношения возникают только в пределах нормативно установленных правил поведения, взаимодействие также осуществляется различными субъектами во имя какой-либо единой общей цели, взаимоотношения просто представляют собой совершенно любые отношения между субъектами, соотношение же включает в себя все перечисленные явления, имея в виду еще различные способы жизни, возникновения правоотношений.

Одним из разделов данного доктринального концепта выступает «механическая» составляющая — то, каким образом участники отношений соотносятся друг с другом, порой непосредственно не вступая в правоотношения, но оказывая взаимное влияние. Данная составляющая является важной как при определении конкретных действий отдельного субъекта, так и для построения общей систематики поведения субъектов, урегулированного правом. При этом необходимо обратить внимание на то, что в работе речь идет исключительно о механизмах соотношения субъектов конституционного права, которое далеко не всегда полностью соответствует нормам права и тем более не имеет никакого отношения к механизму правового регулирования. Следует также отметить, что рассмотрены только основные механизмы, по мнению автора, а логика изложения заключается в их рассмотрении с тем, чтобы данный теоретический конструкт ложился в основу правотворческой деятельности, когда учитываются реальные отношения в первую очередь и только потом те проектные идеи, при помощи которых эти отношения хотелось бы трансформировать.

Ключевые слова: субъекты конституционного права; конституционно-правовые отношения; соотношение субъектов; взаимоотношения; воздействие; взаимодействие; контроль; управление; теория соотношения субъектов.

Для цитирования: *Васильев С. А.* Об основных механизмах соотношения субъектов конституционного права // *Lex russica.* — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 33–45. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.033-045.

Main Mechanisms of Correlation between the Subjects of Constitutional Law

Stanislav A. Vasiliev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Deputy Director of the Legal Institute for Development and Scientific Work, Sevastopol State University
ul. Universitetskaya, d. 33, Sevastopol, Russia, 299053
mnogoslov@mail.ru

Abstract. The purpose of the paper is to systematize the main mechanisms of the correlation between the subjects of constitutional law and to describe the specifics of each mechanism. The correlation between the

© Васильев С. А., 2021

* *Васильев Станислав Александрович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное право», заместитель директора Юридического института по развитию и научной работе Севастопольского государственного университета
Университетская ул., д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053
mnogoslov@mail.ru

subjects of constitutional law means the relationship between the subject and something or someone else in view of its actions or states. If legal relations arise only within the framework of the normatively established rules of behavior, the interaction is also carried out by various subjects in the name of a single common goal, the interrelationship simply represents absolutely any relationship between the subjects, the correlation includes all the listed phenomena, bearing in mind still different ways of life, the emergence of legal relations. One of the sections of this doctrinal concept is the "mechanical" element -- how the participants in the relationship relate to each other, sometimes not directly entering into legal relations, but exerting mutual influence. This element is important both in determining the specific actions of an individual subject, and for building a general systematics of the behavior of subjects, regulated by law. At the same time, it is necessary to pay attention to the fact that the paper deals exclusively with the mechanisms of correlation of the subjects of constitutional law, which does not always fully comply with the norms of law and has nothing to do with the mechanism of legal regulation. It should also be noted that the author examines only the mechanisms that he considers to be main. And the logic of the presentation is to consider them in such a way that this theoretical construct forms the basis of law-making activity, when actual relationships are primarily taken into account, and only then into account are taken project ideas with the help of which these relationships are expected to be transformed.

Keywords: subjects of constitutional law; constitutional and legal relations; interrelation between subjects; relationships; impact; interaction; control; administration; theory of the relationship of subjects.

Cite as: Vasiliev SA. Ob osnovnykh mekhanizmax sootnosheniya subektov konstitutsionnogo prava [Main Mechanisms of Correlation between the Subjects of Constitutional Law]. *Lex russica*. 2021;74(8):33-45. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.033-045. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Божественные начала организации жизни общества и государственной власти¹ дают основы для метафизического понимания аксиоматической взаимосвязанной первоосновы порядка, которая имеет место в сознании людей и во вселенной². Каждому человеку присуща психоэмоциональная потребность добра, справедливости и пр.³, которая основывается далеко не только на морали. Скорее, мораль, как и право, производна от этой фундаментальной составляющей. Именно эти аспекты являются основой построения социальных связей между людьми, формирующими общество и государство. Отсюда же следует, что люди сами создают свои социальные реальности, которые по своей сути являются искусственными, сохраняющими на себе антропологический отпечаток. Для того чтобы когда-то созданная система функционировала эффективно, необходимо и в настоящее время осознавать целеполагание его создателя⁴. Например, система разделения властей⁵

не будет эффективно функционировать, если правоприменитель не понимает того, что имел в виду Ш. Л. Монтескье при ее формулировании в том виде, в котором мы ее себе представляем.

Для развития такого рода правовых инструментов необходимо понимать то, каким образом организованы взаимоотношения между различными субъектами. Только на этой основе можно стараться их корректировать правовыми средствами, и тогда это может оказаться эффективным. Нормы права, полностью оторванные от реальности, обречены на то, чтобы остаться мертвыми. Далее будут рассмотрены основные механизмы соотношения субъектов конституционного права, их особенности в соответствующем отраслевом преломлении.

1. Воздействие

Соотносьсь с другими субъектами конституционного права, каждый из них обладает определенным набором возможностей социального

¹ Zenin S. S. Development of ideas of sovereignty searching for theological foundations // *European Journal of Science and Theology*. 2020. Т. 16. № 3. С. 57–66.

² Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество : пер. с англ. / предисл. А. Оболонского. М. : Арена, 1993. С. 73.

³ Гребеньков Г. В. Человек в правовом бытии : Введение в правовую персонологию : монография. Донецк : Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. С. 380.

⁴ Остром В. Указ. соч. С. 123.

⁵ Увачев В. А. Механизм разделения властей в правовом государстве. М. : Перспектива, 2003. 95 с.

воздействия. Функция сама по себе представляет собой сложное единство, включающее в себя совокупность возможностей для последующих действий⁶. Последнее изначально задумывается как начало будущего процесса, в который будут вовлечены другие субъекты.

Применительно к гражданско-правовым отношениям М. М. Агарков классифицировал правомерные действия:

- на направленные на возникновение, изменение и прекращение правоотношений (сделки);
- констатирующие определенные факты вне зависимости от нацеленности на результат и последствия;
- создающие определенные результаты, имеющие важное значение⁷.

О. А. Красавчиков разделял юридические действия:

- на акты, где воля лица предполагает достижение определенного результата;
- поступки, где последствия возникают вне зависимости от воли субъекта⁸.

Применительно к конституционно-правовым отношениям каждая из указанных классификационных характеристик может быть юридически значимым действием. Так, любая, например, законодательная инициатива направлена на формирование, изменение или прекращение правоотношений. Многие решения Конституционного Суда РФ констатируют факт конституционности или ее отсутствия в нормативном правовом акте. Добросовестное исполнение положений конституционно-правового регулирования создает желаемый позитивный результат. Обращение гражданина в государственный или муниципальный орган направлено на получение ответа, а сознательное нарушение законодательства ведет к наступлению конституционной ответственности.

Ю. Э. Монастырский поднимает важную юридическую проблему правильного понимания интереса. По результатам исследования данного автора интерес — это мотив или стимул к обладанию или сохранению благ, но не сами блага⁹.

Государственное управление сводится к тому, чтобы удовлетворять интересы большинства, а в идеале — все интересы. Этого достигнуть невозможно, однако публичная власть может гармонизировать волю народа. Государство обеспечивает соблюдение гражданами действующего нормативного правового регулирования, прививая таким образом понимание необходимости и полезности правопорядка, объединяет интересы отдельных общностей, согласовывает их между собой¹⁰, формируя общую политику, которой и воздействует на общество впоследствии. Публичная власть реагирует на вызовы общества, но вместе с тем и сама задает тренды, которые воплощаются в потребности каждого представителя общества.

При этом в государственном воздействии на определенные категории субъектов права выделяются некоторые обстоятельства, которые противоречат самой логике правового регулирования. Так, подзаконные документы Фонда медицинского страхования являются самыми важными документами, регулирующими деятельность врачей¹¹, а решения Центральной избирательной комиссии — для соответствующей системы государственных и муниципальных органов¹². При этом порой федеральное законодательство отходит на второй план.

Еще одним примером воздействия на конституционно-правовые отношения можно назвать предлагаемые Т. М. Пряхиной «конституционные провозглашения» — т.е. нормы-цели и другие нормы, которые только планируют будущие отношения ввиду их отсутствия в данный

⁶ Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск : Наука, 1981. С. 41.

⁷ Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 52–53.

⁸ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. С. 114.

⁹ Монастырский Ю. Э. Материально-правовые особенности требований об убытках : монография. М. : Статут, 2019. С. 124.

¹⁰ Тихомиров Ю. А. Управление делами общества : (Субъекты и объекты управления в социальном обществе). М. : Мысль, 1984. С. 65.

¹¹ Выступление И. М. Тимофеева в рамках Уральского форума конституционалистов, проходившего в Законодательном собрании Свердловской области 10 октября 2019 г.

¹² Правовые позиции избирательных комиссий России / под ред. С. В. Кабышева. М. : Формула права, 2016. 376 с.

момент принятия такого вида специфических правил поведения. Безусловно, все они строятся на существующих конституционных принципах и стандартах, отвечают иным критериям конституционности¹³.

С. А. Котляревский разделял воздействия в рамках конституционно-правовых отношений на прямые и косвенные. Например, реальная возможность регулирования парламентом денежных средств, выделяемых на обеспечение безопасности государства, — это прямое воздействие, а создание комиссии парламента в данной сфере — косвенное. При этом чем меньше возможностей прямого воздействия одним субъектом на другого, тем меньше и косвенных¹⁴.

В качестве примера правового регулирования воздействия может служить направление законодательной инициативы в Государственную Думу РФ, когда один субъект на основании ст. 104 Конституции РФ воздействует на указанного выше, последний обязан рассмотреть данную инициативу как результат такого соотношения.

На основании вышеизложенного воздействие — это действие одного субъекта, осуществленное в отношении другого с определенным целеполаганием — обратной реакции другого субъекта. На стадии воздействия еще отсутствует взаимодействие, оно может и не возникнуть, например при правовом регулировании.

2. Управление

Современные системы управления, включая государственное, нередко изначально основываются на совместной деятельности различ-

ных субъектов. В случае реализации различных государственных задач может использоваться модель, предполагающая участие представителей государственных органов, организаций, ученых и иных субъектов¹⁵, способных внести конструктив и обеспечить беспристрастность принимаемых решений.

Однако как в государственных, так и в коммерческих формированиях большая роль в принятии решений лежит на индивидуальном лице. Так, распоряжаясь имущественным комплексом организации, руководитель воздействует на интересы всех участников. Например, акционеры без возможности воздействовать на процессы принятия решений рискуют своими дивидендами¹⁶, а граждане вынуждены подчиняться тем законам, которые приняты их представителями и могут противоречить их интересам¹⁷.

С. А. Котляревский приводит такой пример. Парламент Италии в 1881 г. направил запрос в министерство, реализующее государственную политику в области иностранных дел, для организации экспедиции в Тунис. Данное мероприятие не имело позитивного результата для дипломатических взаимоотношений данного государства, а непопулярное действие правительства сказалось на судьбе министров, принимавших окончательные решения¹⁸.

Система государственного и муниципального управления в значительной степени зависит от территориальной организации данного процесса. Именно эти составляющие служат пределами распространения компетенции органов публичной власти¹⁹, которые, в свою очередь, в рамках вверенной им территории могут самостоятельно устанавливать определенные пространственные местности для усиления эффективности собственной деятельности.

¹³ Пряхина Т. М. Современные проблемы конституционного прогнозирования // Конституционализм: идеал и/или реальность : сборник материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 года / под ред. Б. А. Страшуна, И. А. Алебастровой. М. : Институт права и публичной политики, 2012. С. 83.

¹⁴ Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. М. : Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1909. С. 208.

¹⁵ Тихомиров Ю. А. Государство : монография. М. : Норма, 2015. С. 148.

¹⁶ Монастырский Ю. Э. Указ. соч. С. 62.

¹⁷ Нечкин А. В. непопулярные реформы в России: понятие и возможные пути легитимации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 18–22 ; Питько Е. В. «Непопулярные решения», или К вопросу о пенсионной реформе в России // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации : сборник статей / авт.-сост. О. В. Ефимова. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 127–133.

¹⁸ Котляревский С. А. Указ. соч. С. 225.

¹⁹ Гранберг А. Г., Кистанов В. В., Адамеску А. А. Государственно-территориальное устройство России. М. : ДеКА, 2003. С. 34.

Свойственная конституционно-правовым отношениям система управления основывается на взаимодействии управляющего и управляемого. При этом реакция последнего является очень важной, т.к. именно она предопределяет дальнейшее поведение властвующего. В этой связи можно выделить 2 вида обратной связи:

- предопределение, то есть самостоятельный прогноз на основе увиденных и воспринятых результатов прошедших управленческих процессов;
- прямое получение информации от объекта управления²⁰. Как правило, эти процессы взаимосвязаны, т.к. о результатах можно судить лишь на основе тех данных, которые может представить только объект, однако воспринимаются они по-разному, а также далеко не все аспекты учитываются.

Дж. Дьюи, рассматривая систему управления обществом, отмечал, что всё сводится к необходимости экономически господствующего класса управлять массами. Ввиду того что самые богатые не могут положительно восприниматься массами, необходимо вовлекать в эти процессы интеллектуальную элиту, которая способна скрывать за собой экономически господствующий класс, имея способности принимать сбалансированные решения, которые удовлетворяли бы всех участников описанных взаимоотношений²¹.

Примером правового регулирования управления можно считать норму ч. 2 ст. 101 Конституции РФ, согласно которой Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и его заместители ведают внутренним распорядком палаты, то есть управляют данным органом государственной власти.

Процесс управления предполагает координацию деятельности подведомственных субъектов таким образом, каким это необходимо руководителю. В рамках конституционно-пра-

вовых отношений данный процесс регулируется соответствующими правовыми актами.

3. Контроль

На протяжении многих веков реализации публичной власти человечество выработало универсальные способы контроля для того, чтобы нивелировать какие-либо проявления нестабильности в обществе. Так, еще Генрих II считался последним королем Англии, который для осуществления контрольных функций объездил территорию государства лично²².

Вместе с тем опыт революций, восстаний и иных социальных потрясений не позволяет говорить о том, что в настоящее время выработаны способы осуществления идеального контроля, которым может быть охвачено все общество без исключения²³. Тем не менее государство не оставляет попыток это сделать²⁴.

Есть и ответная реакция общества, нашедшая поддержку у государства или просто обретшая рамки государственного надзора и этого направления деятельности. На основании ст. 1 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»²⁵ в качестве проверяемых выступают органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие отдельные публичные полномочия. Согласно ч. 1 ст. 9 данного нормативного акта субъектами общественного контроля являются:

- Общественная палата Российской Федерации;
- общественные палаты субъектов Российской Федерации;
- общественные палаты (советы) муниципальных образований;

²⁰ Тихомиров Ю. А. Управление делами общества ... С. 45.

²¹ Дьюи Дж. Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Кисловой. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 150.

²² Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : МГУ, 1994. С. 416.

²³ Гребеньков Г. В. Указ. соч. С. 75.

²⁴ Ефремов А. Е. Этапы развития законодательства США по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 88–94; Колонченко Д. Г., Вирясова Н. В. Кибершпионаж как средство слежения за конфиденциальной компьютерной информацией // Концепт. 2017. Т. 39. С. 1946–1950; Радченко А. С., Кнышов А. А. «Пакет Яровой» и «Акт патриота»: общее и частное // Научный альманах. 2017. № 3-1 (29). С. 334–336.

²⁵ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.

— общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

В данном случае исполнители публичных функций работают в рамках, установленных для них законодательством, а субъекты общественного контроля следят за правильностью их исполнения, и при нарушении принимают меры общественного воздействия, а также направляют обращения в компетентные органы власти для наказания нарушителей и восстановления правопорядка.

Рассмотренный Федеральный закон предусматривает закрытый перечень субъектов общественного контроля, хотя, как отмечает О. С. Соколова, по тексту нормативного документа неоднократно встречается формулировка «иные субъекты общественного контроля»²⁶, что вводит некий дисбаланс в систематику норм закона, однако расширяет возможности для осуществления указанной деятельности разными субъектами конституционно-правовых отношений. Т. Н. Михеева и Р. В. Горнев обращают внимание на данную проблему, сожалея по поводу отсутствия в перечне субъектов данного вида контроля общественных советов при органах местного самоуправления²⁷. Е. В. Киричек предлагает также включить в рассматриваемый перечень некоммерческие организации и граждан²⁸.

Все новое — хорошо забытое старое. Поэтому в некоторых случаях вполне применим советский опыт взаимоотношений между различными субъектами конституционно-правовых отношений. Так, с самого начала становления Страны Советов государство координировало деятельность по осуществлению рабочего

контроля. При этом планировалось, чтобы контрольные функции постепенно переросли в управление рабочими своими предприятиями²⁹, но попытка приватизации в качестве одного из вариантов реализации этой идеи окончилась весьма трагично для отечественной экономики и ряда других сфер социальной жизни³⁰. В этой связи можно выстроить следующую схему соотношений субъектов: государство создает необходимые правовые условия для рабочего контроля, расширяя права и возможности профессиональных союзов и позволяя работникам, например, в любой момент запросить интересующую информацию не только в части, касающейся его личных прав, но и с точки зрения развития всего предприятия. Работодатель или иное уполномоченное должностное лицо обязано предоставить ему такую информацию. Работник должен иметь возможность выдвинуть новаторское или иное предложение через профсоюз, а работодатель обязан его рассмотреть. Работник может выявить нарушения законодательства юридическим лицом или отдельными должностными лицами, но Трудовой кодекс РФ³¹ позволяет ему получать только ту информацию, которая связана непосредственно с его правовым статусом. Реализация такого рода инициатив поможет сделать государство более демократичным с точки зрения взаимоотношений не только человека, гражданского общества и государства, но и работника и работодателя.

Ярким примером правового регулирования осуществления контроля является ст. 103.1 Конституции РФ, согласно которой палаты Федерального Собрания Российской Федерации вправе осуществлять парламентский контроль.

В целом контроль представляет собой отношения, в которых один субъект оценивает соответствие действий другого положениям дей-

²⁶ Соколова О. С. Правовое регулирование участия граждан в общественном контроле // Административное и муниципальное право. 2015. № 2. С. 134.

²⁷ Михеева Т. Н., Горнев Р. В. К вопросу о формировании общественных советов при органах местного самоуправления // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 11.

²⁸ Киричек Е. В. Общественный контроль в России: некоторые теоретико-методологические особенности и проблемы законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 46.

²⁹ Чистяков О. И. Правовое закрепление экономических завоеваний Октябрьской революции // Избранные труды / под ред. Л. Н. Чистяковой. М. : Норма, 2008. С. 329–330.

³⁰ Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России : Опыт синтетического исследования. М. : Проспект, 2014. С. 107.

³¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

ствующего законодательства. Многие ученые данный механизм именуют взаимодействием, о котором речь пойдет далее.

4. Взаимодействие

Взаимоотношения субъектов права проявляются на практике в разных формах. Самой яркой из них является взаимодействие, состоящее из совокупности активных действий, направляемых одним субъектом на другого с целью получения ответного результата. Во взаимоотношениях человека и государства необходимо учитывать, что последнее предоставляет простор для действий личности, закрепляя их в конституционно-правовых нормах, индивид же может их реализовывать или нет, совершая тем самым фактические действия³². Таким образом, взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений будет иметь место в случае, когда человек, реализуя свое право, совершает юридически значимое действие, предусмотренное нормой права. Например, у любого абитуриента есть конституционное право на поступление в конкурсном порядке в высшее учебное заведение, но это не означает, что каждый абитуриент станет студентом. Для этого необходимо подать заявление и иные документы, пройти вступительные испытания, чтобы включиться в правовые отношения³³.

Всё же конституционно-правовые отношения в большей своей части представляют собой взаимоотношения между различными органами власти. При этом их конституционно-правовое регулирование может существенно отличаться от реальности, в связи с чем на рубеже XIX–XX вв. была сформулирована своеобразная теория (скорее, традиция) «проникновения за

фасад», когда задачей ученых становится изучение реальных взаимосвязей между субъектами³⁴. Элементы данной позиции можно обнаружить и в настоящее время в России, когда не утихают споры среди ученых³⁵ о том, что большей властью обладает Администрация Президента, а не Правительство; сам Президент, а не Федеральное Собрание и т.д.

Любой руководитель государства, имея собственную политическую программу, в значительной степени основывается на мнениях и работе своих министров. С. А. Котляревский считает, что он связан их содействием³⁶. Такая ситуация является естественной, т.к. каждый министр более детально прорабатывает вопрос в рамках своей компетенции, лучше владеет ситуацией, да и глава государства не может быть профессионалом во всех сферах жизни. Данное обстоятельство дает основание считать, что, несмотря на нахождение министра в подчинении у главы государства, данные субъекты именно взаимодействуют между собой. Даже в рамках даваемых подчиненному поручений у руководителя возникает зависимость от результатов исполнения поручения. Просто связи Президента РФ с руководством его Администрации теснее, чем с министрами.

В. Н. Федотов и А. В. Федотов видят во взаимоотношениях одних субъектов конституционно-правовых отношений с другими своего рода гарантии реализации их деятельности. Например, территориальное общественное самоуправление может основывать свою деятельность на взаимодействии с юридическими лицами, функционирующими на его территории³⁷. Последние могут финансировать ТОС в обмен на поддержание порядка или распространение информации среди жителей и т.д.

³² Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968. С. 68.

³³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2019) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

³⁴ Остром В. Указ. соч. С. 123.

³⁵ Радченко В. И., Углова О. А. Администрация Президента Российской Федерации: рабочий аппарат или четвертая ветвь власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 109–115 ; Иванов В. В. Глава субъекта Российской Федерации: правовая и политическая история института. М. : Праксис, 2010. 328 с. ; Гайнулина Г. С., Смирнова А. С. Проблема более широкого влияния Администрации Президента в сфере осуществления властных полномочий относительно других органов государственной власти // Современные проблемы государства и права : сборник материалов региональной студенческой научной конференции : в 2 ч. / под ред. Р. А. Прошальгиной. Новосибирск : Сибир. ун-т потребит. кооперации, 2018. С. 26–29.

³⁶ Котляревский С. А. Указ. соч. С. 217.

³⁷ Федотов В. Н., Федотов А. В. Территориальное общественное самоуправление: право и практика : Конституционно-правовое исследование / под общ. ред. Ю. И. Скуратова. М. : Спутник+, 2006. С. 123.

Таким образом, субъекты не являются носителями своей собственной деятельности, их деятельность обусловлена взаимодействием с другими субъектами. Деятельность как таковая выступает в качестве зафиксированной в данный момент совокупности действий одного из субъектов без учета состояния другой стороны³⁸. Когда принимается нормативный правовой акт, гражданам не сообщают о том, что они должны делать, констатируется факт принятия закона, это подразумевает, что все, на кого распространяется его действие, обязаны его соблюдать.

Примером правового регулирования взаимодействия может являться процедура изменения границ между субъектами Российской Федерации, общие начала которой закреплены в ч. 3 ст. 67 Конституции РФ.

Взаимодействие в своей сущности представляет деятельность каждого субъекта. При этом необходимо учитывать, что она обусловлена деятельностью, осуществленной ранее, т.к. редко удается что-либо начать, не имея никакого фундамента. В данном случае фундаментом должны выступать результаты соотношений субъекта, достигнутые ранее. Кроме того, деятельность каждого субъекта обусловлена деятельностью другого³⁹. Поэтому большое количество социально значимых действий является взаимодействием.

5. Состояние

Важной формой соотношения субъектов конституционно-правовых отношений является состояние — ситуация, обусловленная правовым статусом каждой стороны, предполагающая набор возможностей осуществить то или иное действие. Состояние воздействует на субъектов права фактом своего существования, однако само оно обеспечивается другими действиями этих же или иных субъектов, происходивших ранее или происходящих в настоящее время.

Например, рядовой чиновник с большей опаской будет проявлять инициативность перед начальником, нежели ученый, который независим в выражении собственного мнения. Состояние является одним из элементов систематизированных отношений⁴⁰, являющимся как следствием применения норм конституционного права, так и основой для других конституционно-правовых отношений.

Ученые выделяют также большое число так называемых спящих институтов⁴¹, которые закреплены в конституционном праве, но до наступления определенных событий не проявляют себя. Это также обуславливает определенное состояние: такие институты могут учитываться как законодателем в момент их принятия, так и правоприменителем, знающим, что такой юридический инструмент может быть применен в определенных обстоятельствах.

Примером регламентации состояния может быть признана часть 1 ст. 1 Конституции РФ, в которой государство названо в качестве демократического федеративного правового с республиканской формой правления, что предопределяет большое число других правоотношений, в том числе с участием такого субъекта, как Российская Федерация.

6. Конфликт

Еще одним проявлением взаимоотношений является конфликт, когда обе стороны пытаются деструктивным образом воздействовать друг на друга, что недопустимо в условиях правового государства. Поэтому публичной власти изначально необходимо выстраивать партнерские отношения с личностью, гарантом чему может служить закон⁴².

Как отдельной личности, так и целым общностям свойственно вступать в разного рода конфликты. Между социальными слоями и классами идет постоянная борьба, что и выражается в конечном итоге в политической жизни

³⁸ Фофанов В. П. Указ. соч. С. 162, 178.

³⁹ Фофанов В. П. Указ. соч. С. 160.

⁴⁰ Фофанов В. П. Указ. соч. С. 144.

⁴¹ Выступление Председателя Конституционного суда Республики Саха (Якутия) А. Н. Ким-Кимэна в рамках Уральского форума конституционалистов, проходившего в Законодательном собрании Свердловской области 10 октября 2019 г.

⁴² Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2004. С. 477.

общества⁴³, которая должна быть урегулирована нормами права.

Вместе с тем любой конфликт требует разрешения, для чего предусмотрено большое количество правовых механизмов их преодоления. М. А. Краснов рассматривает возможность обращения к наиболее авторитетному субъекту с просьбой рассудить спорящих. В Конституции РФ в качестве такового выступает Президент, который юридически вправе, а политически обязан разрешать конфликты между органами государственной власти⁴⁴.

Ю. А. Тихомиров предлагает классификацию политических конфликтов:

- по поводу территории;
- острый внутригосударственный конфликт, предмет которого содержится в изменении государственного строя;
- между гражданским обществом и государством;
- между разными институтами власти⁴⁵.

Преодоление таких конфликтов требует серьезных организационно-правовых усилий в зависимости от вида конфронтации. Исторически можно проследить, что нередко такого рода столкновения удавалось решить правовыми средствами.

Данный автор также предлагает классификацию управленческих конфликтов:

- между выше- и нижестоящими органами, организациями или должностными лицами;
- между органом и подведомственной ему организацией.

Решение проблем в данной сфере чаще всего осуществляется путем принятия императивного управленческого решения, которым будут упорядочены соотношения между соот-

ветствующими субъектами. Допустимо также использование кадрового механизма или реорганизации системы управления⁴⁶. Обратное движение, направленное на противодействие исполнению государственных решений, чревато самыми негативными последствиями для народа в целом и каждого человека в частности. Немаловажной причиной служит то обстоятельство, что при недовольстве действующей властью, как правило, отсутствует концептуальный подход хотя бы к самим требованиям протестующих, отсутствует видение будущего реформирования и т.д.⁴⁷ Примеры даже в Новейшей истории очевидны, когда самые агрессивные оппозиционеры строят свою политическую карьеру исключительно на критике действующей власти, не предлагая ничего взамен⁴⁸.

Рассматривая функционирование органов государственной власти в любой стране, Ю. А. Тихомиров отмечает наличие столкновения интересов и противоборство данных формирований между собой, несмотря на их общую нацеленность на удовлетворение публичного интереса. Во многом поэтому конституции государств предусматривают различные механизмы subsidiarity, взаимодополняемости⁴⁹, разрешения конфликтов. Так, в Конституции РФ предусмотрена досудебная и судебная стадия разрешения такого рода противоречия. В первом случае разрешением конфликта занимается Президент РФ, во втором — Конституционный Суд.

Сам конфликт не может быть урегулирован нормами права, однако указанный выше и ряд других примеров являют собой образцы регламентации разрешения возникших или существующих конфликтов.

⁴³ Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981.

⁴⁴ Краснов М. А. Кто сбережет конституционализм? // Конституционализм: идеал и/или реальность. С. 50.

⁴⁵ Тихомиров Ю. А. Государство. С. 248–249.

⁴⁶ Тихомиров Ю. А. Государство. С. 250.

⁴⁷ Котляревский С. А. Указ. соч. С. 343, 401.

⁴⁸ Высоцкий И. В. Особенности репрезентации несистемной оппозиции в социальной сети ВРонтакте (на примере регионального представительства штаба Алексея Навального) // Аллея науки. 2017. Т. 3. № 16. С. 856–859; Дорожкин Ю. Н., Мусина Л. М., Шкель С. Н. Политическая оппозиция в постсоветской России: монография. Уфа: БАГСУ, 2007. 126 с.; Созонова Ю. С. Партия «Яблоко»: история, программа, деятельность // Гражданский мир — гражданская война: осмысление и прогнозы: материалы Международной научной конференции / под ред. В. М. Доброштан. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2018. С. 399–401.

⁴⁹ Тихомиров Ю. А. Государство. С. 140.

Заключение

На основании постоянного соотношения субъектов конституционного права можно судить об их активности, которая изначально основана на противоречии между ними и в динамике может демонстрировать то, каким образом они воздействовали друг на друга⁵⁰, в каких состояниях находились в определенный промежуток времени. Например, если сопоставлять народ и государство в отечественной истории, то до христианизации Руси люди слабо зависели от государства, до 1861 г. можно констатировать тотальное порабощение крестьян, после 1917 г. значительную зависимость всего населения от государства, но с возможностью каждого участвовать в управлении делами государства, наконец, после принятия Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В данном очень крат-

ком историческом экскурсе показана динамика состояний, для оценки активности необходимо анализировать совокупность большого количества действий, что делается современными учеными в очень большом объеме.

Описанные механизмы соотношения субъектов права с конституционной отраслевой спецификой отражают различные варианты взаимосвязей между ними, не обязательно обусловленными отношениями. Учет данной специфики может положительным образом отразиться на правотворческой деятельности с учетом общественного уклада в той или иной сфере. Кроме того, результаты проведенного исследования частично могут быть полезны для правоприменительной практики, когда принимаемое решение основывается не только на букве закона, но и на понимании сущности обстоятельств правомерности поведения в каждом конкретном случае.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. — 1946. — № 3–4. — С. 52–53.
2. *Берман Г. Д.* Западная традиция права: эпоха формирования. — М.: МГУ, 1994. — 591 с.
3. *Высоцкий И. В.* Особенности репрезентации несистемной оппозиции в социальной сети ВКонтакте (на примере регионального представительства штаба Алексея Навального) // Аллея науки. — 2017. — Т. 3. — № 16. — С. 856–859.
4. *Гайнулина Г. С., Смирнова А. С.* Проблема более широкого влияния Администрации Президента в сфере осуществления властных полномочий относительно других органов государственной власти // Современные проблемы государства и права: сборник материалов региональной студенческой научной конференции: в 2 ч. / под ред. Р. А. Прошальгина. — Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2018. — С. 26–29.
5. *Гранберг А. Г., Кистанов В. В., Адамеску А. А.* Государственно-территориальное устройство России. — М.: ДеКА, 2003. — 446 с.
6. *Гребеньков Г. В.* Человек в правовом бытии: Введение в правовую персонологию: монография. — Донецк: Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. — 540 с.
7. *Дорожкин Ю. Н., Мусина Л. М., Шкель С. Н.* Политическая оппозиция в постсоветской России: монография. — Уфа: БАГСУ, 2007. — 126 с.
8. *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Кисловой. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 160 с.
9. *Ефремов А. Е.* Этапы развития законодательства США по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 3 (64). — С. 88–94.
10. *Иванов В. В.* Глава субъекта Российской Федерации: правовая и политическая история института. — М.: Праксис, 2010. — 328 с.
11. *Киричек Е. В.* Общественный контроль в России: некоторые теоретико-методологические особенности и проблемы законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 9. — С. 43–46.

⁵⁰ *Фофанов В. П.* Указ. соч. С. 145.

12. Колонченко Д. Г., Вирясова Н. В. Кибершпионаж как средство слежения за конфиденциальной компьютерной информацией // Концепт. — 2017. — Т. 39. — С. 1946–1950.
13. Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. — М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. — 428 с.
14. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М. : Госюриздат, 1958. — 183 с.
15. Краснов М. А. Кто сбережет конституционализм? // Конституционализм: идеал и/или реальность : сборник материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 года / под ред. Б. А. Страшуна, И. А. Алебастровой. — М. : Институт права и публичной политики, 2012. — С. 45–54.
16. Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. — М., 1981. — 264 с.
17. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. — М., 1968. — 143 с.
18. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. — Саратов : Саратовская государственная академия права, 2004. — 512 с.
19. Михеева Т. Н., Горнев Р. В. К вопросу о формировании общественных советов при органах местного самоуправления // Российская юстиция. — 2015. — № 8. — С. 9–11.
20. Монастырский Ю. Э. Материально-правовые особенности требований об убытках : монография. — М. : Статут, 2019. — 204 с.
21. Нечкин А. В. Непопулярные реформы в России: понятие и возможные пути легитимации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2019. — № 4. — С. 18–22.
22. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество : пер. с англ. / предисл. А. Оболонского. — М. : Арена, 1993. — 320 с.
23. Питько Е. В. «Непопулярные решения», или К вопросу о пенсионной реформе в России // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации : сборник статей / авт.-сост. О. В. Ефимова. — Саратов : Саратовский источник, 2018. — С. 127–133.
24. Правовые позиции избирательных комиссий России / под ред. С. В. Кабышева. — М. : Формула права, 2016. — 376 с.
25. Пряхина Т. М. Современные проблемы конституционного прогнозирования // Конституционализм: идеал и/или реальность : сборник материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 года / под ред. Б. А. Страшуна, И. А. Алебастровой. — М. : Институт права и публичной политики, 2012. — С. 75–83.
26. Радченко А. С., Кнышов А. А. «Пакет Яровой» и «Акт патриота»: общее и частное // Научный альманах. — 2017. — № 3-1 (29). — С. 334–336.
27. Радченко В. И., Угланова О. А. Администрация Президента Российской Федерации: рабочий аппарат или четвертая ветвь власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 6 (119). — С. 109–115.
28. Созонова Ю. С. Партия «Яблоко»: история, программа, деятельность // Гражданский мир — гражданская война: осмысление и прогнозы : материалы Международной научной конференции / под ред. В. М. Доброштан. — СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. — С. 399–401.
29. Соколова О. С. Правовое регулирование участия граждан в общественном контроле // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 2. — С. 133–138.
30. Тихомиров Ю. А. Государство : монография. — М. : Норма, 2015. — 320 с.
31. Тихомиров Ю. А. Управление делами общества : (Субъекты и объекты управления в социальном обществе). — М. : Мысль, 1984. — 223 с.
32. Увачев В. А. Механизм разделения властей в правовом государстве. — М. : Перспектива, 2003. — 95 с.
33. Федотов В. Н., Федотов А. В. Территориальное общественное самоуправление: Право и практика : конституционно-правовое исследование / под общ. ред. Ю. И. Скуратова. — М. : Спутник+, 2006. — 289 с.
34. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. — Новосибирск : Наука, 1981. — 304 с.
35. Чистяков О. И. Избранные труды / под ред. Л. Н. Чистяковой. — М. : Норма, 2008. — 416 с.
36. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России : Опыт синтетического исследования. — М. : Проспект, 2014. — 336 с.
37. Zenin S. S. Development of ideas of sovereignty searching for theological foundations // European Journal of Science and Theology. — 2020. — Т. 16. — № 3. — С. 57–66.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Agarkov MM. The Ponyatie sdelki po sovetскому grazhdanskomu pravu [The concept of a transaction under the Soviet civil law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1946;3(4):52-53. (In Russ.).
2. Berman GD. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [The Western tradition of law: the era of formation]. Moscow: Moscow State University Publ. House; 1994. (In Russ.).
3. Vysotskiy IV. Osobennosti reprezentatsii nesistemnoy oppozitsii v sotsialnoy seti VKontakte (na primere regionalnogo predstavitelstva shtaba Alekseya Navalnogo) [Peculiarities of the representation of non-systemic opposition in the social network VKontakte (on the example of the regional representation of the headquarters of Alexei Navalny)]. *Alley of Science*. 2017;3(16):856-859. (In Russ.).
4. Gaynulina GS, Smirnova AS. The problem of the broader influence of the Presidential Administration in the sphere of exercising power in relation to other bodies of state power. In: Proshchalygina, RA. (editor). *Modern problems of the state and law: Proceedings of the regional student scientific conference: in 2 parts*. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperatives Publ.; 2018. (In Russ.).
5. Granberg AG, Kistanov V, Adamesku AA. Gosudarstvenno-territorialnoe ustroystvo Rossii [State-territorial structure of Russia]. Moscow: DeKA Publ.; 2003. (In Russ.).
6. Grebenkov GV. Chelovek v pravovom bytii : vvedenie v pravovuyu personologiyu : monografiya [Man in legal life: Introduction to legal personology: monograph]. Donetsk: Donetsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine Publ.; 2013. (In Russ.).
7. Dorozhkin YuN, Musina LM, Shkel SN. Politicheskaya oppozitsiya v postsovetsoy Rossii : monografiya [Political opposition in post-Soviet Russia: monograph]. Ufa: BAGSU Publ.; 2007. (In Russ.).
8. Dyui D. Obshchestvo i ego problemy [Society and its problems]. Moscow: Idea-Press; 2002. (In Russ.).
9. Efremov AE. Etapy razvitiya zakonodatelstva SSHA po borbe s terrorizmom posle 11 sentyabrya 2001 goda [The development of the USA legislation on the fight against terrorism after 11 September 2001]. *Journal of Foreign Law and Comparative Law*. 2017;3(64):88-94. (In Russ.).
10. Ivanov VV. Glava subekta Rossiyskoy Federatsii: pravovaya i politicheskaya istoriya instituta [Head of the subject of the Russian Federation: legal and political history of the institute]. Moscow: Praxis Publ.; 2010. (In Russ.).
11. Kirichek EV. Obshchestvennyy kontrol v Rossii: nekotorye teoretiko-metodologicheskie osobennosti i problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Public control in Russia: some theoretical methodological features and problems of legislative regulation]. *Constitutional and Municipal Law*. 2016;9:43-46. (In Russ.).
12. Kolonchenko DG, Viryasova NV. Kibershpiionazh kak sredstvo slezheniya za konfidentsialnoy kompyuternoy informatsiyey [Cyber espionage as a means of tracking confidential computer information]. *Concept*. 2017;39:1946-1950. (In Russ.).
13. Kotlyarevsky SA. Pravovoe gosudarstvo i vneshnyaya politika [The rule-of-law state and foreign policy]. Moscow: G. Lissner and D. Sobko Publishing House; 1909. (In Russ.).
14. Krasavchikov OA. Yuridicheskie fakty v sovet'skom grazhdanskom prave [Legal facts in Soviet civil law]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1958. (In Russ.).
15. Krasnov MA. Kto sberezhnet konstitutsionalizm? [Who will save constitutionalism?]. In: Strashun BA, Alebastrova IA, editors. *Constitutionalism: an ideal and/or reality: Proceedings of the round-table discussion held on February 4, 2011*. Moscow: Institute of Law and Public Policy Publ.; 2012. (In Russ.).
16. Lyubutin KN. Problema subekta i obekta v nemetskoy klassicheskoy i marksistsko-leninskoy filosofii [The problem of subject and object in German classical and Marxist-Leninist philosophy]. Moscow; 1981. (In Russ.).
17. Maltsev GV. Sotsialisticheskoe pravo i svoboda lichnosti [Socialist law and personal freedom]. Moscow; 1968. (In Russ.).
18. Matuzov NI. Aktualnye problemy teorii prava [Actual problems of the theory of law]. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ.; 2004. (In Russ.).
19. Mikheeva TN, Gornev RV. K voprosu o formirovanii obshchestvennykh sovetov pri organakh mestnogo samoupravleniya [To the question of the formation of public councils under the local government]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2015;8:9-11. (In Russ.).
20. Monastyrskiy YuE. Materialno-pravovye osobennosti trebovaniy ob ubytkakh : monografiya [Substantive features of claims for losses: monograph]. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
21. Nechkin AV. Nepopulyarnye reformy v Rossii: ponyatie i vozmozhnye puti legitimatsii [Unpopular reforms in Russia: the concept and possible ways of legitimation]. *Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal*. 2019;4:18-22. (In Russ.).

22. Ostrom V. Smysl amerikanskogo federalizma. chto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo [The meaning of American federalism. What is a self-governing society]. Moscow: Arena Publ.; 1993. (In Russ.).
23. Pitko EV. «Nepopulyarnye resheniya», ili k voprosu o pensionnoy reforme v Rossii ["Unpopular decisions", or On the issue of pension reform in Russia]. In: Actual problems of modern legislation of the Russian Federation: collection of articles. Compiled by Efimova OV. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ.; 2018. (In Russ.).
24. Kabysheva, SV. Pravovye pozitsii izbiratelnykh komissiy Rossii [Legal positions of election commissions of Russia]. Moscow: Formula Prava Publ.; 2016. (In Russ.).
25. Pryakhina TM. Sovremennye problemy konstitutsionnogo prognozirovaniya [Modern problems of constitutional forecasting]. In: Strashun BA, Alebastrova IA, editors. Constitutionalism: an ideal and/or reality: Proceedings of the round-table discussion held on February 4, 2011. Moscow: Institute of Law and Public Policy Publ.; 2012. (In Russ.).
26. Radchenko AS, Knyshov AA. «Paket Yarovoy» i «Akt patriota»: obshchee i chastnoe ["Yarovaya Package" and "Patriot Act": General and Specific]. *Scientific Almanac*. 2017;3-1(29):334-336. (In Russ.).
27. Radchenko VI, Uglanova OA. Administratsiya prezidenta Rossiyskoy Federatsii: rabochiy apparat ili chetvertaya vetv vlasti [Administration of the President of the Russian Federation: the working apparatus or the fourth branch of power]. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2017;6(119):109-115. (In Russ.).
28. Sozonova YuS. Partiya «Yabloko»: istoriya, programma, deyatelnost [The Yabloko Party: History, Program, Activities]. Dobroshtan, VM, editor. The Civil Peace — The Civil War: Understanding and Forecasts: Proceedings of an International Scientific Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ.; 2018. (In Russ.).
29. Sokolova OS. Pravovoe regulirovanie uchastiya grazhdan v obshchestvennom kontrole [Legal regulation of citizens' participation in public control]. *Administrative and Municipal Law*. 2015;2:133-138. (In Russ.).
30. Tikhomirov YuA. Gosudarstvo : monografiya [The State: Monograph]. Moscow: Norma Publ.; 2015. (In Russ.).
31. Tikhomirov YuA. Upravlenie delami obshchestva : (subekty i obekty upravleniya v sotsialnom obshchestve) [Society's Affairs Administration: (Subjects and objects of administration in a social society)]. Moscow: Mysl Publ.; 1984. (In Russ.).
32. Uvachev VA. Mekhanizm razdeleniya vlastey v pravovom gosudarstve [The mechanism of separation of powers in a state governed by the rule of law]. Moscow: Perspektiva Publ.; 2003. (In Russ.).
33. Fedotov VN, Fedotov AV. Territorialnoe obshchestvennoe samoupravlenie: pravo i praktika : konstitutsionno-pravovoe issledovanie [Territorial public self-government: Law and practice: constitutional and legal research]. Moscow: Sputnik + Publ.; 2006. (In Russ.).
34. Fofanov VP. Sotsialnaya deyatelnost kak sistema [Social activity as a system]. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1981. (In Russ.).
35. Chistyakov OI. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
36. Ebzeev BS. Konstitutsiya, vlast i svoboda v Rossii : opyt sinteticheskogo issledovaniya [Constitution, power and freedom in Russia: The experience of synthetic research]. Moscow: Prospect Publ.; 2014. (In Russ.).
37. Zenin SS. Development of ideas of sovereignty searching for theological foundations. *European Journal of Science and Theology*. 2020;16(3):57-66. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.046-057

В. Ю. Шобухин*

Антикоррупционное воспитание в деятельности прокурорских работников и особенности правового регулирования

Аннотация. Коррупция — одна из наиболее актуальных проблем и реальных угроз национальной безопасности каждого государства, включая Россию. Прокуратуре Российской Федерации принадлежит ключевое место в сфере борьбы с коррупцией. Одно из эффективных способов противодействия этому асоциальному явлению — профилактика. Автором предложено несвойственное законодательству о прокуратуре и прокурорской практике понятие «антикоррупционное воспитание» применительно к деятельности прокурорских работников, сформулировано его определение, раскрыты основные направления, формы и методы. Указаны две основные сферы данной прокурорской деятельности: 1) антикоррупционное воспитание самих прокурорских работников; 2) антикоррупционное воспитание (в том числе в рамках правового информирования населения) иных лиц. Исследовано их содержание, выявлены распространенные проблемы и предложены пути решения. Отдельно проанализированы особенности антикоррупционного воспитания в рамках системы профессиональной подготовки и повышения квалификации прокурорских кадров. Раскрыты роль и положительное значение правового просвещения и правового информирования как действенных инструментов антикоррупционного воспитания граждан. На основе анализа практики прокурорской деятельности отмечена востребованность активного антикоррупционного информирования населения, повышения антикоррупционного правосознания граждан (особенно молодежи). Раскрыта эффективность организации и проведения тематических лекций и иных встреч, конкурсов и прочих игровых форм взаимодействия, объединения усилий органов прокуратуры с институтами гражданского общества. Охарактеризован потенциал антикоррупционного информирования граждан с помощью интернет-ресурсов и достижений компьютерных технологий. Обращено внимание на целесообразность такой работы в рамках реализации специальных проектов документального кино и художественных фильмов о деятельности прокуратуры. Отмечена важность антикоррупционного воспитания посредством активного и целенаправленного взаимодействия со средствами массовой информации, в том числе в целях формирования у граждан убеждения о неотвратимости наказания за коррупционные преступления. Обоснован вывод, что прокурор, осуществляющий антикоррупционное воспитание, непременно сам должен соответствовать высоким моральным требованиям и отличаться безупречной репутацией.

Ключевые слова: прокуратура; прокурор; противодействие коррупции; государственный служащий; воспитание; закон; правовая культура; молодежь; правовое просвещение.

Для цитирования: Шобухин В. Ю. Антикоррупционное воспитание в деятельности прокурорских работников и особенности правового регулирования // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 46–57. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.046-057.

© Шобухин В. Ю., 2021

* Шобухин Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета, прокурор учебно-методического отдела прокуратуры Свердловской области
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
vladimir.shobuhin@usla.ru

Anti-Corruption Education in the Activities of Prosecutors and Peculiarities of its Legal Regulation

Vladimir Yu. Shobukhin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Prosecutorial Activities, Ural State Law University; Prosecutor, Educational and Methodological Department, Prosecutor's Office, Sverdlovsk Region
ul. Komsomolskaya, 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
vladimir.shobukhin@usla.ru

Abstract. Corruption is one of the most pressing problems and real threats to the national security of every state, including Russia. The Prosecutor's Office of the Russian Federation plays a key role in the fight against corruption. One of the most effective ways to counter this antisocial phenomenon is prevention. The author proposes the concept of "anti-corruption education", which is unusual for the legislation on the prosecutor's office and prosecutorial practice, in relation to the activities of prosecutors, defines the concept and explains the main directions, forms and methods. Two main areas of this prosecutor's activity are indicated: 1) anti-corruption education of prosecutors themselves; 2) anti-corruption education (including within the framework of legal informing the population) of other persons. The author examines their content, identifies common problems and proposes solutions. The specific features of anti-corruption education within the framework of the system of professional training and advanced training of prosecutors are analyzed separately. The paper explains the role and positive value of legal education and legal information as effective tools of anti-corruption education of citizens. Based on the analysis of the practice of prosecutorial activities, the authors noted the demand for active anti-corruption informing of the population, increasing the anti-corruption legal awareness of citizens (especially young people). The paper elucidates the effectiveness of organizing and conducting thematic lectures and other meetings, contests and other game forms of interaction, combining the efforts of the prosecutor's office with civil society institutions. The potential of anti-corruption informing citizens with the help of Internet resources and the achievements of computer technologies is characterized. Attention is drawn to the expediency of such work in the framework of the implementation of special documentary films and feature films projects devoted to the activities of the prosecutor's office. The author highlights the importance of anti-corruption education through active and purposeful interaction with the media, including interaction carried out in order to form citizens' convictions about the inevitability of punishment for corruption crimes. The conclusion is substantiated that the prosecutor who carries out anti-corruption education must certainly meet high moral requirements and be distinguished by an impeccable reputation.

Keywords: prosecutor's office; the prosecutor; anti-corruption; state employee; upbringing; law; legal culture; youth; legal education.

Cite as: Shobukhin VYu. Antikorruptsionnoe vospitanie v deyatel'nosti prokurorskiikh rabotnikov i osobennosti pravovogo regulirovaniya [Anti-Corruption Education in the Activities of Prosecutors and Peculiarities of its Legal Regulation]. *Lex russica*. 2021;74(8):46-57. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.046-057. (In Russ., abstract in Eng.).

Прокуратура Российской Федерации — один из важнейших государственных институтов в нашей стране. Особый правовой статус прокурорской системы обусловлен прежде всего ее целями, направленными на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Это, в свою очередь, детерминирует высокие требования к прокурорским работникам и закономерно налагает на них повышенный уровень ответственности.

Одним из ключевых направлений прокурорской деятельности является противодействие

коррупции. Это продиктовано, с одной стороны, перечисленными выше целями, определяющими основополагающее назначение прокуратуры в государстве и обществе, включая сферу борьбы с преступностью. С другой стороны, повышенная общественная опасность и масштабы коррупции, связанные с ней проблемы и угрозы национальной безопасности, распространенные нарушения прав граждан требуют повышенного внимания и специальных мер противодействия. Потребность в этом справедливо признана не только на национальном, но и на международном уровне. Неслучайно Генеральная прокуратура РФ определена в качестве головного ведомства при взаимодействии с

Группой государств против коррупции (ГРЕКО), активно участвует и несет ответственность за реализацию положений Конвенции ООН против коррупции.

Таким образом, исследование теоретико-прикладных проблем противодействия коррупции правовыми средствами прокуратуры, анализ особенностей правового регулирования данной сферы деятельности прокурорских работников весьма востребованы и актуальны. Особенно важное значение имеет изучение профилактической роли прокурорской деятельности, успех которой обусловлен в первую очередь воспитательным воздействием как на самих прокурорских работников, так и на иных лиц с целью формирования у них высокой правовой культуры, включающей в себя неуклонное исполнение всех требований законодательства о противодействии коррупции.

Коррупция (от лат. *corruptio* — подкуп, продажность; разложение, растление) в сознании большинства граждан ассоциируется прежде всего со взяточничеством. Вместе с тем данное понятие в реальности весьма многогранное и не ограничивается вышеизложенным смыслом. Это нашло закономерное отражение и в законодательстве. Так, в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ коррупция определена как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Основной психологической предпосылкой коррупции является стремление человека получить какие-либо блага в обход существующих в обществе правил, зафиксированных в нормативных правовых актах и имеющих общеобязательный характер. Повышенная общественная опасность продиктована тем, что, во-первых, как минимум один из участников коррупционного проступка (здесь и далее данный термин мы используем в расширительном толковании, включая в его содержание как коррупци-

онные преступления, так и административные коррупционные правонарушения, а также дисциплинарные коррупционные проступки) наделен властными полномочиями. Во-вторых, все лица, являющиеся участниками данного антиобщественного деяния, заинтересованы в том, чтобы никто иной об этом не узнал, и принимают всевозможные меры конспирации. В-третьих, любые коррупционные проявления подрывают доверие общества к государственным институтам. Необходимо учитывать и то, что распространение коррупции несет в себе угрозу интересам прежде всего добросовестных граждан.

Вышеизложенные угрозы коррупции закономерно требуют от государства выработки специальных мер, направленных на противодействие данному негативному асоциальному явлению. При этом следует иметь в виду, что основу эффективности такого противодействия составляет комплексный подход, ориентированный как на выявление и пресечение конкретных коррупционных проступков, привлечение виновных лиц к ответственности, так и на профилактику коррупции. В последнем случае важен максимальный охват населения и адресный подход соответствующих разъяснительных мероприятий. Антикоррупционное воспитание должно быть нацелено как на рядовых граждан, так и на государственных служащих (особенно сотрудников правоохранительной системы, призванных в силу своего правового статуса бороться с коррупционными проявлениями в обществе). Не составляют исключение и органы прокуратуры, по праву занимающие центральное место в механизме противодействия коррупции. Это возлагает на прокуроров повышенную ответственность.

Прокуроры в силу своего правового статуса и возложенных на них задач призваны не только сами соответствовать антикоррупционным стандартам поведения федеральных государственных служащих, но и следить за соблюдением соответствующих запретов, ограничений и обязанностей иными государственными служащими, деятельность которых охватывается прокурорским надзором. Более того, на прокуроров возложена роль координаторов деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией. В частности, в ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции» закреплено, что Генеральный прокурор РФ и

¹ Российская газета. 2008. 30 дек.

подчиненные ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов Российской Федерации и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализуют иные полномочия в области противодействия коррупции, установленные федеральными законами. Кроме того, на Генеральную прокуратуру РФ возложено взаимодействие с компетентными органами иностранных государств при проведении уполномоченными должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления и организаций проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования.

Таким образом, антикоррупционное воспитание в деятельности прокурорских работников следует рассматривать в двух основных плоскостях: 1) антикоррупционное воспитание самих прокурорских работников; 2) целенаправленная деятельность прокурорских работников, в том числе посредством правового воспитания населения, ориентированная на формирование у иных лиц надлежащих качеств, связанных с неуклонным соблюдением требований к служебному поведению федеральных государственных служащих, с проявлением неприемлемости к коррупционному поведению, со следованием установленным в законодательстве антикоррупционным стандартам поведения и с исполнением всех предписаний законодательства о противодействии коррупции. При этом отметим, что термин «антикоррупционное воспитание» не характерен для применения в нормативных правовых актах и практике прокурорской деятельности. В отдельных случаях используется, например, такая более объемная по своему смысловому значению категория, как «формирование антикоррупционного поведения».

Исследуя особенности и проблемы антикоррупционного воспитания прокурорских работников, стоит отметить, что в последние годы в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров все чаще делается акцент на необходимости обеспечения соблюдения все-

ми без исключения работниками прокуратуры требований законодательства о противодействии коррупции. В первую очередь это касается сферы правового регулирования и организации работы с кадрами, включая систему профессиональной подготовки прокурорских работников.

Например, Генеральным прокурором РФ издан приказ от 13.11.2020 № 628 «Об организации кадровой работы по противодействию коррупции в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 05.05.2015 № 206 «О мерах по повышению эффективности работы, направленной на формирование и воспитание кадрового состава органов прокуратуры, и соблюдению антикоррупционного законодательства в органах прокуратуры Российской Федерации»². В данном приказе Генеральный прокурор РФ обозначил основные задачи, нацеленные на противодействие коррупции в системе прокуратуры Российской Федерации. В качестве одного из участков такой работы установлено проведение просветительских, образовательных и иных мероприятий, ориентированных на формирование антикоррупционного поведения. Более того, вполне справедливо предписано обеспечить регулярное обучение работников прокуратуры (без отрыва от работы и не реже одного раза в год) по вопросам предупреждения коррупции и соблюдения этических норм. Следует отметить, что приказ от 05.05.2015 № 206 «О мерах по повышению эффективности работы, направленной на формирование и воспитание кадрового состава органов прокуратуры, и соблюдению антикоррупционного законодательства в органах прокуратуры Российской Федерации»³, в отличие от анализируемого приказа от 13.11.2020 № 628, в меньшей мере ориентирован на воспитательные инструменты формирования антикоррупционного поведения прокурорских работников. Однако, несомненно, он оказывает свое регулятивное воздействие на обеспечение кадровой работы в аспекте формирования правовой культуры работников прокуратуры, их нетерпимости к коррупции, организации системы профилактики коррупционных проявлений и противодействия им в органах и организациях прокуратуры

² Законность. 2021. № 1.

³ URL: <https://genproc.gov.ru/upload/anticor/oon/109.pdf> (дата обращения: 09.01.2021).

Российской Федерации. В частности, в приказе от 05.05.2015 № 206 предписано повысить личную ответственность руководителей органов прокуратуры и структурных подразделений аппаратов прокуратур за соблюдение подчиненными работниками присяги прокурора, а также принимать своевременные меры по предотвращению конфликта интересов, стороной которого они являются. Указано на необходимость привлекать ветеранов прокуратуры к работе по воспитанию кадров, профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе к участию в заседаниях аттестационных комиссий, комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

В качестве источника правового регулирования антикоррупционного воспитания прокурорских работников концептуальное значение имеет Кодекс этики прокурорского работника и Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, утвержденные приказом Генерального прокурора РФ от 17.03.2010 № 114⁴. Во-первых, здесь непосредственно урегулированы основные антикоррупционные стандарты их поведения. Во-вторых, предусмотренные в Концепции воспитательной работы основные направления, формы и методы такой работы, безусловно, применимы к организации антикоррупционного воспитания в системе прокуратуры Российской Федерации.

Итак, на основе норм Кодекса этики прокурорского работника и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, а также с учетом положений законодательства об образовании, в том числе Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁵, и законодательства о противодействии коррупции мы можем сформулировать определение антикоррупционного воспитания прокурорских работников как целенаправленного воздействия на прокурорских работников посредством реализации комплекса взаимосвязанных правовых, организационных, экономических, психолого-педагогических мероприятий в целях формирования и укрепления у них мировоззрения и профессиональных качеств, основанных

на уважении и бережном отношении к закону, правам и свободам человека и гражданина, интересам общества и государства, и включающих в себя неукоснительное соблюдение всех требований законодательства о противодействии коррупции, соблюдение антикоррупционных стандартов поведения федеральных государственных служащих, а также нетерпимое отношение к любым проявлениям коррупции.

Антикоррупционное воспитание в рамках профессионального направления воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации предполагает реализацию мероприятий, нацеленных на совершенствование антикоррупционных механизмов организации и деятельности прокуратуры, формирование добросовестного и ответственного отношения к исполнению антикоррупционных требований, запретов, ограничений и обязанностей, предусмотренных для прокурорских работников. Сюда же относится объективное и справедливое распределение должностных обязанностей руководителем между подчиненными. Например, должен быть исключен конфликт интересов в любых его проявлениях, особенно когда в его основе лежит материальная заинтересованность (подарки, оплата услуг и каких-либо развлечений, предоставление иных благ и т.п.). Более того, серьезное воспитательное воздействие оказывает личный пример руководителя в рамках исполнения им профессиональных обязанностей. В связи с этим С. Н. Будаев справедливо обращает внимание на ответственность прокурорских работников, имеющих полномочия руководителя, за выполнение подчиненными им коллегами требований антикоррупционного законодательства и особенно подчеркивает важную роль в формировании антикоррупционного поведения в коллективе прокуроров в статусе руководителей прокуратур городов, районов и приравненных к ним по правовому статусу прокуратур, поскольку данные прокуратуры представляют собой основное звено прокурорской системы⁶. В дополнение к этому выводу необходимо отметить, что именно в названных прокуратурах начинается служба абсолютного большинства прокурорских работников, а это, в свою очередь, предопределяет персональную ответственность

⁴ Законность. 2010. № 6.

⁵ Российская газета. 2012. 31 дек.

⁶ Будаев С. Н. Роль руководителя в формировании антикоррупционного поведения подчиненных сотрудников // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 2. С. 18.

горрайпрокуроров и приравненных к ним по правовому статусу прокуроров за отбор кадров и их адаптацию в системе прокуратуры, включая антикоррупционное воспитание молодых специалистов.

Историко-патриотическое направление антикоррупционного воспитания прокурорских работников основано на изучении и осознании исторического пути российской прокуратуры, ее лучших традиций, функционального назначения, включая предпосылки возникновения и исторического развития антикоррупционной деятельности прокурорской системы. Безусловно, важную роль здесь играет уяснение высоких требований к профессиональным и моральным качествам прокурорских работников как исторически сложившихся и закономерно предъявляемых в современных условиях, что является объективной предпосылкой успешного выполнения прокурорскими работниками должностных обязанностей по противодействию коррупции. Положительное воздействие оказывают примеры успешной борьбы с коррупцией из истории органов прокуратуры, включая деятельность конкретных прокуроров.

Психологическое направление антикоррупционной воспитательной работы включает в себя: во-первых, укомплектование органов прокуратуры кадрами, психологически устойчивыми к различного рода коррупционным проявлениям, с тем чтобы изначально минимизировать возможные коррупционные риски в деятельности прокурорских работников; во-вторых, психологическое обеспечение защиты действующих прокурорских работников от влияния на них внешних коррупционных угроз в процессе профессиональной деятельности, основанное на профилактике коррупционных проявлений в поведении прокурорских работников, их профессиональной деформации, включающей в себя отклонение от надлежащего и добросовестного соблюдения требований законодательства о противодействии коррупции, на своевременном выявлении и снятии психологической напряженности, стрессовых ситуаций, на предотвращении конфликтных ситуаций в коллективе.

Важное антикоррупционное назначение выполняют отдельные положения Кодекса этики прокурорского работника, направленные на правовое обеспечение надлежащего поведения федеральных государственных служащих

системы прокуратуры Российской Федерации. Так, в п. 1.4 Кодекса предусмотрена обязанность прокурорского работника избегать имущественных (финансовых) связей, способных нанести ущерб его репутации или авторитету прокуратуры, подорвать к ним доверие общества. В пункте 2.1.6 содержится требование уведомлять руководителя обо всех случаях обращения третьих лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений. Механизм реализации данной обязанности урегулирован приказом Генерального прокурора РФ от 12.11.2018 № 751 «Об утверждении Положения о порядке уведомления руководителей (представителей нанимателя) органов и организаций прокуратуры Российской Федерации прокурорскими работниками, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками, занимающими отдельные должности на основании трудового договора в Университете прокуратуры Российской Федерации, о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений и организации проверки представленных сведений»⁷. Прокурорские работники в статусе руководителей, как это следует из п. 2.2.1 Кодекса, несут ответственность за недопущение коррупционно опасного поведения со стороны подчиненных, в связи с чем должны оказывать антикоррупционное воспитательное воздействие на них посредством личного примера честности, беспристрастности и справедливости. Вместе с тем слово «опасного», на наш взгляд, из анализируемой нормы можно исключить и указать в целом «коррупционного поведения».

Одним из наиболее эффективных инструментов антикоррупционного воспитания прокурорских работников является учебный процесс, включающий в себя разработку и организацию специальных занятий, направленных на разъяснение норм законодательства о противодействии коррупции, анализ судебной, прокурорской и иной практики в указанной сфере, пропаганду законопослушного поведения. Причем такие занятия должны проводиться на всех уровнях профессионального образования прокурорских работников.

В системе профессиональной подготовки и повышения квалификации прокурорских кадров представляется целесообразным выделить три основных уровня антикоррупционного воспитания прокурорских работников:

⁷ Законность. 2019. № 1.

- 1) антикоррупционное воспитание в рамках подготовки кадров для системы прокуратуры Российской Федерации (данную задачу призваны решать в первую очередь Университет прокуратуры Российской Федерации, а также образовательные организации высшего образования, осуществляющие целевое обучение кадров для органов прокуратуры⁸);
- 2) антикоррупционное воспитание прокурорских работников, являющихся молодыми специалистами (наряду с воспитательным воздействием со стороны Университета прокуратуры РФ важную роль здесь играет антикоррупционная воспитательная деятельность в рамках дополнительного профессионального образования прокурорских работников, осуществляемого в межрегиональных центрах профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих системы прокуратуры Российской Федерации);
- 3) антикоррупционное воспитание в процессе повышения квалификации и профессиональной переподготовки прокурорских работников, в том числе руководящих кадров, в Университете прокуратуры РФ.

В качестве самостоятельного можно выделить также уровень антикоррупционного воспитания прокурорских работников в процессе подготовки научно-педагогических кадров для системы прокуратуры Российской Федерации.

Немаловажную роль, безусловно, играет антикоррупционное воспитание прокурорских работников на уровне организации и проведения специальных учебных занятий непосредственно органами прокуратуры (например, планирование и проведение занятий, посвященных изучению антикоррупционных стандартов поведения федеральных государственных служащих, иных требований законодательства о противодействии коррупции, в рамках постоянно действующих семинаров, работы базовых прокуратур).

В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 09.07.2019 № 474 «О системе подготовки кадров, дополнительного профес-

сионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»⁹ в числе целей системы подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры справедливо определены антикоррупционное воспитание студентов, аспирантов, слушателей, прокурорских работников, гражданских служащих, научных и педагогических работников, а также соблюдение ими этических норм. Относительно организации учебного процесса в системе прокуратуры Российской Федерации неслучайно обязательно включение в учебные планы вопросов патриотического воспитания и противодействия коррупции. Это свидетельствует об их повышенном значении в современных реалиях, что требует особого внимания как при осуществлении самой прокурорской деятельности, так и в процессе организации учебных и иных мероприятий, направленных на совершенствование профессионального мастерства прокурорских работников, включая вопросы нравственного, историко-патриотического и антикоррупционного воспитания работников прокуратуры.

Особый акцент в приказе № 474 Генеральным прокурором РФ справедливо сделан на необходимости изучения молодыми специалистами требований антикоррупционного законодательства как одного из средств углубления знаний, совершенствования навыков и умений осуществления прокурорского надзора.

В качестве примера решения обозначенных выше задач приведем опыт организации учебного процесса в Институте прокуратуры Уральского государственного юридического университета (далее — Институт прокуратуры УрГЮУ) со студентами и в Свердловском межрегиональном центре профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих с работниками прокуратуры.

В рамках реализации в Институте прокуратуры УрГЮУ образовательных программ специалитета и магистратуры предусмотрена учебная дисциплина — «Служба в органах и организациях прокуратуры». Среди прочих институтов

⁸ Например, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 08.07.1996 № 787 в целях такой подготовки были образованы институты прокуратуры в составе Московской государственной юридической академии, Саратовской государственной академии права и Уральской государственной юридической академии. Данные институты успешно выполняют возложенные на них задачи и в настоящее время.

⁹ Законность. 2019. № 9.

прокурорской службы и организации работы с кадрами отдельное внимание уделяется разъяснению студентам положений Кодекса этики прокурорского работника и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, а также требований к антикоррупционному поведению. При этом воспитательная составляющая, безусловно, присуща всем темам рассматриваемой учебной дисциплины. В рамках учебной дисциплины «Служба в органах и организациях прокуратуры» студент не только получает новую информацию о службе и кадровой работе в системе прокуратуры, но и формирует представление о правовом статусе прокурорского работника, включая требования, ограничения, запреты и обязанности, которые связаны со службой в прокуратуре, в том числе в сфере реализации положений законодательства о противодействии коррупции. Данная учебная дисциплина призвана способствовать формированию основ антикоррупционного поведения студентов как будущих федеральных государственных служащих.

Во все учебные программы Свердловского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих включены темы, направленные на антикоррупционное воспитание работников системы прокуратуры Российской Федерации. Так, в программы профессионального обучения прокурорских работников (старших помощников, помощников прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров со стажем работы до трех лет — молодых специалистов) в обязательном порядке включены темы, посвященные профессиональным и нравственным основам деятельности прокурорского работника, в рамках которых подробно изучаются положения Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, рассматриваются вопросы соблюдения прокурорскими работниками требований к антикоррупционному поведению. Разработана и реализуется специальная программа — «Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции». Она предназначена для дополнительного профессионального образования прокурорских работников, осуществляющих надзор в указанной сфере. В структуре данной программы, наряду с вышеназванными вопросами статуса самого прокурорского работника, включая его

служебное поведение и отношения во внеслужебной деятельности, предусмотрено изучение особенностей и проблем организации надзорной деятельности, направленной на обеспечение соблюдения требований законодательства о противодействии коррупции. Здесь повышенное внимание уделяется таким вопросам, как конфликт интересов; методика проведения проверки достоверности представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не предоставлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Все программы профессионального обучения на постоянной основе совершенствуются с учетом изменений законодательства и потребностей правоприменительной практики.

Практика педагогической деятельности с прокурорскими работниками и со студентами позволяет выявить некоторые проблемы, решение которых состоит в более внимательном отношении и углубленном изучении отдельных требований законодательства о противодействии коррупции, в активизации антикоррупционного воспитания.

Например, со слушателями Свердловского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих с 2017 г. регулярно проводится тестирование, направленное на проверку знаний в сфере профессиональных и нравственных основ деятельности прокурорского работника, включая соблюдение требований к антикоррупционному поведению. Результаты тестирования позволяют обнаружить пробелы и иные недостатки знаний практических работников и на основе этого в целях решения данной проблемы уделить дополнительное внимание в рамках учебного процесса тем или иным аспектам правового регулирования антикоррупционного поведения федеральных государственных служащих. Так, в ряде случаев сложности вызывают вопросы, нацеленные на проверку знаний конкретных нормативных правовых актов (особенно подзаконных), в которых предусматриваются конкретные требования к соблюдению антикоррупционных стандартов поведения. Нередко ошибки допускаются при ответе на вопросы, касающиеся сроков выполнения обязанностей в сфере обеспечения антикоррупционного поведения прокурорских работников. Например, это

вопросы о сроке и порядке уведомления руководителя о факте обращения в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения. Правда, одной из причин такой ситуации достаточно часто является принятие нового правового акта, содержащего иные подходы к регулированию антикоррупционных требований к деятельности прокурорских работников, нежели устанавливались ранее.

Контроль знаний магистрантов Института прокуратуры УрГЮУ в данной сфере законодательства также позволяет выявить некоторые проблемы (например, в отдельных случаях вызывает затруднения видовая характеристика службы в прокуратуре, что важно для уяснения требований законодательства о противодействии коррупции, предъявляемых к прокурорским работникам как федеральным государственным служащим). Анализ ошибок служит основой для дополнительного и более внимательного изучения конкретных требований, ограничений, запретов и обязанностей, предусмотренных в законодательстве для прокурорских работников, включая антикоррупционные стандарты поведения. Учебный процесс в специализированных институтах прокуратуры должен учитывать особенности и реальное состояние практики прокурорской деятельности, ее проблемы и потребности. Это касается и антикоррупционного воспитания студентов как будущих федеральных государственных служащих.

Вместе с тем вышеперечисленные проблемы достаточно эффективно могут решаться именно посредством специальных учебных мероприятий. Это наглядно демонстрирует практика прокурорской деятельности, а комплексный анализ результатов названных контрольных мероприятий свидетельствует о положительных тенденциях. Важную роль здесь, несомненно, играет и то обстоятельство, что в последние годы как со стороны Генерального прокурора РФ и его заместителей, так и на уровне организационно-правового регулирования деятельности прокуратур субъектов

Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратур проблемам антикоррупционного воспитания прокурорских работников, разъяснению законодательных требований, направленных на обеспечение их антикоррупционного поведения, внедрению в практику работы с кадрами новых правовых механизмов противодействия коррупции уделяется повышенное внимание. Таким образом, проведение специальных учебно-тематических мероприятий с прокурорскими работниками и реализация иных форм антикоррупционного воспитания кадров вполне эффективны.

Не менее важны организация и осуществление деятельности прокурорских работников по антикоррупционному воспитанию лиц, не являющихся работниками прокуратуры. Иными словами, речь идет об антикоррупционном воспитании как элементе внешнефункциональной деятельности прокуратуры. В первую очередь данная деятельность свойственна функции правового просвещения населения. Кроме того, не стоит недооценивать возможности такого воспитательного воздействия и в процессе осуществления прокурорами надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в отношении поднадзорных субъектов.

По справедливому замечанию Е. Ю. Лихачевой, коррупция многолика и многогранна, а потому требует комплексных мер по борьбе с ней, в число которых входит антикоррупционное просвещение и воспитание граждан¹⁰. Поэтому общие формы и методы правового просвещения населения вполне актуальны для целей антикоррупционного воспитания.

Характер и особенности анализируемой деятельности прокурорских работников обусловлены в первую очередь требованиями приказа Генерального прокурора РФ от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»¹¹. В соответствии с положениями данного правового акта в целях антикоррупционного воспитания населения прокурорским работникам¹²

¹⁰ Лихачева Е. Ю. Борьба с коррупцией путем антикоррупционного просвещения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 65.

¹¹ Законность. 2018. № 9.

¹² Правда, приказ, о котором идет речь, адресован только прокурорам. Однако очевиден большой потенциал и, разумеется, положительный вклад в правовое просвещение и правовое информирование населения, включая сферу противодействия коррупции, и иных категорий работников прокуратуры, например представителей Университета прокуратуры РФ. Поэтому здесь и далее используется именно категория «прокурорские работники», а не «прокуроры».

следует в обязательном порядке доводить до сведения граждан и организаций информацию, направленную на противодействие коррупции, уделять внимание взаимодействию с органами публичной власти, средствами массовой информации, научными и образовательными организациями, общественными объединениями и другими институтами гражданского общества, в том числе посредством совместного участия в научных и иных мероприятиях, посвященных вопросам противодействия коррупции. Опыт и положительное значение такого сотрудничества приведены, в частности, Ю. П. Гармаевым и В. А. Фалилеевым на примере деятельности прокуратуры Забайкальского края¹³. С. А. Мочаловым обоснована эффективность профилактики коррупции в результате объединения усилий прокуратуры с иными государственными органами, организациями, институтами в сфере правового просвещения¹⁴. Повышение антикоррупционного правосознания граждан, как верно обращает внимание Е. Б. Козлова, в современных условиях является одной из основ противодействия коррупции¹⁵.

Важны организация и проведение тематических лекций, бесед, иных встреч с гражданами, посвященных повышению их правовой культуры в области соблюдения законодательства о противодействии коррупции и направленных на формирование у них нетерпимости к любым коррупционным проявлениям. Особое внимание здесь необходимо уделять молодежи, поскольку у данной категории населения еще только формируется культура поведения в целом, вырабатывается гражданская позиция, складываются жизненные приоритеты и

собственное представление об окружающей действительности. В рамках такой работы с учащимися образовательных организаций, осуществляющих подготовку юристов и государственных служащих, важно обратить внимание на разъяснение антикоррупционных стандартов и профессиональной этики в соответствующей сфере, с тем чтобы при назначении на должность государственной службы гражданин уже имел необходимые профессиональные и моральные качества, включая надлежащие антикоррупционные установки.

Заметное воспитательное воздействие оказывает организация и проведение различного рода интеллектуальных викторин и иных игр¹⁶, а также конкурсов, направленных на формирование антикоррупционного поведения молодежи. Например, широкую известность приобрел молодежный конкурс социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!», который проводится с 2018 г. и по праву имеет статус международного. Достаточно отметить, что в 2020 г. для участия в конкурсе были представлены около 5 тыс. плакатов и видеороликов от представителей таких зарубежных государств, как Австралия, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Индия, Казахстан, Канада, Молдова, Мьянма, Непал, Южная Африка, Япония¹⁷. Активное участие в конкурсе принимает, конечно же, и молодежь России.

Положительную роль играют изготовление и распространение буклетов и иных информационно-разъяснительных материалов, использование социальной рекламы антикоррупционной тематики.

¹³ Гармаев Ю. П., Фалилеев В. А. Реализация мер антикоррупционного просвещения органами прокуратуры во взаимодействии с юридическими вузами // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 1. С. 11–15.

¹⁴ Мочалов С. А. Использование органами прокуратуры правового просвещения как инструмента профилактики коррупции // Прокурор. 2016. № 4. С. 30–35.

¹⁵ Козлова Е. Б. Направления развития правового просвещения как меры профилактики коррупционных правонарушений // Российский следователь. 2017. № 24. С. 33.

¹⁶ Учитывая масштабы вовлеченности современного общества, особенно молодежи, в цифровую среду, представляется востребованным активное использование также достижений компьютерных технологий, в том числе посредством инициирования разработки и распространения компьютерных игр, учитывающих задачи антикоррупционного воспитания населения, формирования правовой культуры граждан в целом. И наоборот, игры, способствующие формированию обратного мировоззрения, недопустимы.

¹⁷ См. об этом: Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов поздравил победителей Международного молодежного конкурса социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!» // URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1894650/> (дата обращения: 09.01.2021).

Большой потенциал и широкие перспективы имеет антикоррупционное воспитание граждан посредством интернет-ресурсов и с использованием различных форм дистанционного взаимодействия.

Весьма перспективным представляется антикоррупционное воспитательное воздействие на граждан посредством разработки и реализации спецпроектов документального кино о деятельности органов прокуратуры, а также через художественные фильмы. Более того, данные средства необходимо активно использовать в целом для популяризации вклада прокуратуры в обеспечение законности, укрепление правопорядка и борьбу с преступностью, что, безусловно, является одним из действенных способов формирования доверия граждан к органам прокуратуры и положительной оценки их деятельности.

Ценность всех вышеперечисленных мероприятий состоит прежде всего в их профилактическом назначении. При этом, как справедливо обращено внимание Генеральным прокурором РФ в п. 3.1 упомянутого выше приказа от 02.08.2018 № 471, прокурорам необходимо принимать во внимание, что правовое просвещение и правовое информирование — это не только одна из форм профилактического воздействия, но и способ привития гражданам уважения к защищаемым правом социальным ценностям. Следовательно, данный вывод закономерно распространить на антикоррупционное воспитание как составную часть антикоррупционного просвещения, направленного на привитие гражданам уважения к законодательству о противодействии коррупции, неукоснительное соблюдение антикоррупционных стандартов поведения и формирование нетерпимости к любым коррупционным проявлениям.

Неотъемлемой составляющей антикоррупционного просвещения является разъяснение законодательных новелл, прежде всего в части совершенствования требований, обязанностей, ограничений и запретов, предъявляемых к государственным служащим. Так, одним из серьезных правовых нововведений является запрещение в 2020 г. на высшем конституционном уровне отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Хотя, например, вопрос о недвижимости за рубежом оставлен без внима-

ния. Полагаем, что в перспективе и эта проблема может получить законодательное решение в рамках развития антикоррупционной политики государства.

Непреренно следует учитывать серьезный потенциал средств массовой информации в сфере правового информирования населения. Следовательно, в рамках взаимодействия с ними востребована активная работа со стороны прокуроров, направленная на антикоррупционное воспитание граждан. Необходимо принимать во внимание, что воспитательное воздействие оказывает не только разъяснение антикоррупционного законодательства, но и обнародование результатов прокурорско-надзорной и иной деятельности по противодействию коррупции, привлечению виновных лиц к ответственности. Причем формирование убеждения о неотвратимости наказания за коррупционные проступки является одной из основ анализируемого воспитательного воздействия.

Еще одно принципиальное обстоятельство, от которого напрямую зависит эффективность антикоррупционного просвещения и тем более его воспитательного воздействия на граждан, — это то, что субъект (конкретное должностное лицо), осуществляющий данную деятельность, сам должен быть носителем высокой правовой культуры, иметь безупречную репутацию, отличаться высокими профессиональными и моральными качествами, не допускать поведения, позволяющего усомниться в его честности, беспристрастности, неподкупности и справедливости. Иначе говоря, собственные качества и поведение данного человека должны быть образцом для подражания. В противном случае (например, когда такой «воспитатель» сам находится в центре коррупционных скандалов и разоблачений, демонстрирует склонность к богатству и роскоши) его антикоррупционные призывы вряд ли возымеют действие, а возможно, наоборот, вызовут реакцию отторжения и пренебрежения к законодательным требованиям, направленным на противодействие коррупции.

Таким образом, антикоррупционное воспитание является одной из актуальных проблем современного общества, которая требует повышенного внимания и поиска новых решений. Данная деятельность должна осуществляться на постоянной основе как в рамках отдельно взятых профессиональных сообществ, так и относительно населения в целом. Важную роль в этом играет прокуратура Российской Федера-

ции, что обусловлено особенностями ее правового статуса и возложенными на прокуроров задачами. При этом антикоррупционное воспитание осуществляется и в отношении самих прокурорских работников, что имеет неоценимое значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будай С. Н. Роль руководителя в формировании антикоррупционного поведения подчиненных сотрудников // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. — 2018. — № 2. — С. 17–19.
2. Гармаев Ю. П., Фалилеев В. А. Реализация мер антикоррупционного просвещения органами прокуратуры во взаимодействии с юридическими вузами // Государственная власть и местное самоуправление. — 2015. — № 1. — С. 11–15.
3. Козлова Е. Б. Направления развития правового просвещения как меры профилактики коррупционных правонарушений // Российский следователь. — 2017. — № 24. — С. 33–37.
4. Лихачева Е. Ю. Борьба с коррупцией путем антикоррупционного просвещения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 6 (74). — С. 65–69.
5. Мочалов С. А. Использование органами прокуратуры правового просвещения как инструмента профилактики коррупции // Прокурор. — 2016. — № 4. — С. 30–35.

Материал поступил в редакцию 9 января 2021 г.

REFERENCES

1. Budai SN. Rol rukovoditelya v formirovanii antikorrupsionnogo povedeniya podchinennykh sotrudnikov [The role of the leader in the formation of anti-corruption behavior of subordinate employees]. *Criminal Justice: Problems of Theory and Practice*. 2018;2:17-19. (In Russ.).
2. Garmaev YuP, Falileev VA. Realizatsiya mer antikorrupsionnogo prosveshcheniya organami prokuratury vo vzaimodeystvii s yuridicheskimi vuzami [Implementation of anti-corruption education measures by the prosecutor's office in cooperation with law schools]. *State Power and Local Self-Government*. 2015;1:11-15. (In Russ.).
3. Kozlova EB. Napravleniya razvitiya pravovogo prosveshcheniya kak mery profilaktiki korruptsionnykh pravonarusheniy [Directions of development of legal education as a measure of prevention of corruption offenses]. *Russian Investigator*. 2017;24:33-37. (In Russ.).
4. Likhacheva EYu. Borba s korruptsией putem antikorrupsionnogo prosveshcheniya [Fight against corruption through anti-corruption education]. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2019;6(74):65-69. (In Russ.).
5. Mochalov SA. Ispolzovanie organami prokuratury pravovogo prosveshcheniya kak instrumenta profilaktiki korruptsii [The use of legal education by the prosecution authorities as a tool for the prevention of corruption]. *Prosecutor*. 2016;4:30-35. (In Russ.).

Уголовно-правовые признаки организованной группы

Аннотация. В статье исследуется содержание предусмотренных законом признаков организованной преступной группы. Криминальная деятельность устойчивого объединения лиц представляет повышенную общественную опасность. Выявление таких фактов и их расследование сопряжено со значительными трудностями, в том числе по причине оценочного характера понятия «организованная группа». Поэтому его сущность анализируется не только на основе теоретических источников, но и в контексте судебной практики. Проведено сопоставление и обобщение признаков устойчивости, перечисленных в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и в судебных решениях по конкретным уголовным делам. Правильное понимание признаков организованной группы необходимо для грамотной квалификации преступлений, совершенных ее членами, и успешного доказывания их вины.

Автор резюмирует, что устойчивость соучастия имеет в своей основе два взаимодополняющих аспекта. Первый предусматривает тесную, относительно длительную взаимосвязь объединенных криминальными мотивацией и целями членов группы (что обеспечивает стабильность ее основного состава), а также признание рядовыми участниками обязательности решений своего лидера или руководящего ядра группы либо решений, совместно принятых группой. Второй аспект устойчивости предусматривает реализацию эффективной преступной деятельности путем заблаговременной разработки ее плана и четкого распределения ролевых функций между участниками группы, обеспечения согласованности их действий, осуществления иных мероприятий, необходимых для успешного достижения намеченных целей.

В тех случаях, когда сговор членов группы произошел непосредственно перед совершением преступления либо он состоялся заранее, но отсутствовали их тесная взаимосвязь и тщательная совместная подготовка к нему, безусловно, это группа лиц по предварительному сговору ввиду недостаточной устойчивости такого объединения.

Ключевые слова: соучастие; микрогруппа; малая группа; объединение; общий умысел; преступные мотивы и цели; организатор (руководитель); планирование; ролевые функции; консолидированность; устойчивая группа.

Для цитирования: Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки организованной группы // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 58–68. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.058-068.

Criminal Law Characteristics of an Organized Group

Sergey D. Demchuk, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Military Unit No. 44014
prosp. Energetikov, d. 27, St. Petersburg, Russia, 195248
VPP911@yandex.ru

Abstract. The paper examines the content of the organized criminal group characteristics provided for under the law. The criminal activity of a stable association of persons poses an increased public danger. The identification of such facts and their investigation is fraught with significant difficulties that arise also due to the evaluative nature

© Демчук С. Д., 2021

* Демчук Сергей Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, войсковая часть № 44014
просп. Энергетиков, д. 27, г. Санкт-Петербург, Россия, 195248
VPP911@yandex.ru

of the concept of "organized group". Therefore, its essence is analyzed not only on the basis of theoretical sources, but also in the context of judicial practice. The author compares and generalizes the signs listed in the relevant decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and in court decisions on specific criminal cases. A correct understanding of the organized group characteristics is necessary for the competent qualification of crimes committed by its members, and the successful proof of their fault. The author summarizes that the sustainability of complicity is based on two complementary aspects. The first provides for a close, relatively long-term relationship between members of the group united by criminal motivation and goals (which ensures the stability of its main composition), as well as the recognition by ordinary participants of the decisions of their leader or the leading core of the group or decisions jointly made by the group as binding. The second aspect of sustainability provides for the implementation of effective criminal activity through the advance development of its plan and a clear distribution of role functions among the group members, ensuring the consistency of their actions, and the implementation of other measures necessary for the successful achievement of the intended goals.

In cases where the conspiracy of the members of the group occurred immediately before the commission of the crime or took place in advance, but there was no close relationship and careful joint preparation for it we deal with a group of persons created by prior conspiracy due to the lack of stability of such an association.

Keywords: complicity; microgroup; small group; Union; general intent; criminal motives and goals; organizer (leader); planning; role functions; consolidation; stable group.

Cite as: Demchuk SD. Ugolovno-pravovye priznaki organizovannoy gruppy [Criminal Law Characteristics of an Organized Group]. *Lex russica*. 2021;74(8):58-68. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.058-068. (In Russ., abstract in Eng.).

Преступная деятельность — это совокупность преступлений, характеризующихся систематичностью, интенсивностью и длительностью осуществления преступного намерения, детерминированного единой мотивацией, общей целью и объективными социальными факторами¹. Данное определение отражает сущность серийной криминальной активности на индивидуальном и групповом уровнях (рецидивная, профессиональная и организованная преступность).

Эффективность объединения группы лиц существенно повышается при сочетании таких факторов, как прочность связи соучастников, их «плановая» нацеленность на регулярное совместное криминальное функционирование и профессионализм членов такого объединения. Поэтому наибольшую общественную опасность представляет организованная преступная деятельность². Анализ показывает, что она включает в себя в основном тяжкие и особо тяжкие преступления (более 90 %). В 2000 г. было зарегистрировано 36 тыс. преступлений, совершенных организованной группой или

преступным сообществом (преступной организацией). Затем происходило неравномерное снижение числа таких преступлений, а в 2017–2020 гг. их количество стало расти. При этом в 2017 г. в структуре организованной преступности продолжали доминировать преступления экономической направленности (32,5 %) и преступные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков (29,4 %), то есть наиболее доходные. В 2020 г. зарегистрировано 17,7 тыс. преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)³.

Борьба с организованной преступной деятельностью идет с переменным успехом. Расследование таких уголовных дел сопряжено со значительными трудностями, вызванными зачастую большим числом лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, и количеством эпизодов их преступной деятельности, особенностями ее оперативного документирования и доказывания, включая лавинообразное увеличение объема процессуальных и иных документов. Отрицательную роль играет

¹ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. М., 2016. С. 313.

² Специфика организованной преступности состоит в том, что она дополнительно сочетает в себе элементы рецидивной и профессиональной преступности.

³ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор. М., 2018. С. 59 ; Сайт Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/13722> (дата обращения: 01.11.2019) ; Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 04.02.2021).

оценочный характер понятия «организованная группа». Нельзя также забывать об активном противодействии виновных лиц работе правоохранительных органов и суда с целью уклонения от уголовной ответственности. Именно поэтому преступления, совершенные в организованных формах соучастия, отличаются повышенной латентностью⁴.

Таким образом, несмотря на усилия правоохранительных органов, пресекается криминальная деятельность отнюдь не всех действующих организованных групп и, соответственно, далеко не все совершенные ими преступления попадают в статистические учеты. Кроме того, нераскрытые зарегистрированные преступления зачастую не учитываются как совершенные организованными группами. В тех случаях, когда криминальная деятельность таких групп пресекается, она не всегда исследуется в полном объеме. В результате отсутствует объективная картина состояния организованной преступности, что влияет на адекватность мер по борьбе с ней.

Статья 32 УК РФ фактически говорит о том, что совместное совершение преступления возможно лишь при виновном, осознанном объединении усилий соучастников независимо от совпадения или несовпадения их личных мотивов и конечных целей. Но вопрос о сущности форм соучастия в уголовном праве является дискуссионным. Примем за основу понятие формы как совместного преступного поведения, обусловленного взаимосвязью (криминальной связью и порядком отношений) группы лиц, состоящей из двух и более участников. Легальное определение групповых форм умышленных преступлений дает статья 35 УК РФ.

Ю. А. Клименко пишет, что с помощью форм соучастия законодатель дифференцирует ответственность, создавая составы преступлений, отличающиеся по уровню общественной опас-

ности. В частности, усеченные составы, возводящие отдельные разновидности преступного сговора в ранг оконченных преступлений «особого рода» (например, ч. 1 ст. 205.4 УК РФ), а также квалифицированные составы, предусматривающие повышенную уголовную ответственность в случае совершения групповых преступлений (например, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Другое значение форм соучастия заключается в том, что они, как правило, учитываются правоприменителем при квалификации⁵.

По мере усложнения форм соучастия с предварительным сговором уменьшается степень их распространенности и в то же время растет общественная опасность. Более эффективное осуществление преступной деятельности требует усиления устойчивости, возникновения и развития организационной структуры групповых объединений. Здесь наблюдается логичная взаимосвязь со снижением количества таких криминальных образований.

Итак, рассмотрим уголовно-правовую специфику организованной группы как структурной основы организованной преступности. Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ она имеет следующие обязательные количественный и качественный признаки:

- участие в группе двух и более лиц;
- устойчивое объединение соучастников происходит с целью совершения одного или нескольких преступлений заблаговременно, до непосредственного их исполнения.

Несложно заметить, что безусловным и основным критерием отличия организованной группы от группы лиц по предварительному сговору уголовный закон выделяет именно устойчивость объединения. Этот признак имеет оценочный характер, и можно говорить о степени его сформированности и, соответственно, выраженности. Ведь группа из двух и более лиц, объединившихся согласно заранее

⁴ О чем, кстати, косвенно свидетельствует и длительное расхождение динамики зарегистрированных заявлений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях и фиксируемых статистическими учетами преступлений. Так, с 2013 по 2017 г. число заявлений выросло с 28,4 до 30,5 млн, при этом доля заявлений (от общего количества), по которым возбуждены уголовные дела, на протяжении последних лет стабильно снижается: с 6,2 % в 2013 г. до 5,6 % в 2017 г. (см.: Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор. С. 6). Велико и количество выявленных прокуратурой нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении: в 2019 г. установлено более 3,62 млн, а в 2020 г. — более 3,49 млн таких фактов (см.: Сайт Генпрокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (дата обращения: 16.02.2021)).

⁵ Клименко Ю. А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // Lex russica. 2016. № 5 (114). С. 162.

обдуманному умыслу для совместного совершения преступления, уже имеет минимально необходимую прочность взаимосвязи ее участников. При этом предварительный сговор может сопровождаться определенными подготовительными действиями. Однако достаточный уровень устойчивости объединения (криминальной консолидированности) как специфический признак присущ только организованной группе. Поэтому установление и доказывание данного признака является основной практической проблемой для правоохранительных органов при квалификации организованной преступной деятельности.

Понятие «организованная группа» освещается в целом ряде научных работ. Так, Ю. А. Красиков отмечает, что под организованной группой понимается два лица или более, предварительно сорганизовавшихся для совершения, как правило, нескольких преступлений. Обязательными признаками являются предварительный сговор и устойчивость, то есть наличие постоянных связей между членами группы и специфических методов деятельности по подготовке или совершению одного или нескольких преступлений⁶.

По мнению А. Н. Попова, суть организованной группы заключается в том, что она создается в целях занятия преступной деятельностью. Признак устойчивости, заключающийся в стабильности состава группы на протяжении определенного промежутка времени, является вторичным. Главный признак организованной группы — это цель ее создания. Применительно к составу бандитизма устойчивость группы означает не постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность существования группы и количество совершенных преступлений, а нацеленность на совместное совершение преступлений в течение определенного времени⁷.

А. Б. Калмыкова выделяет следующие критерии, отличающие организованную группу от иных форм соучастия: особенности выполнения преступления каждым отдельным участником,

предварительный сговор на осуществление деятельности организованной группы и психическое отношение соучастников к совершаемому преступлению⁸.

Л. М. Прокументов отмечает, что устойчивость организованной группы зависит от трех основных компонентов:

- во-первых, от интенсивности ее деятельности. Устойчивыми могут быть только действующие группы, поскольку преступная деятельность способствует развитию функциональных связей внутри группы и служит своеобразным «контролером» по проверке их прочности. При совершении каждого нового преступления с положительным исходом группа укрепляется, что повышает ее устойчивость. Вместе с тем не исключена возможность признания устойчивости в организованной группе и при совершении одного преступления, которое требует длительной подготовки, детального распределения ролевых функций, планирования и т. д.;
- во-вторых, от удовлетворения через иерархизацию личного интереса каждого члена группы. Чем в большей мере группа ориентирована на формирование личностных, а не только функциональных связей и защиту интересов отдельных ее членов, тем более она устойчива;
- в-третьих, от наличия психологической защищенности каждого члена группы⁹.

Как мы видим, понимание специфики организованной группы несколько различается. Обобщая судебную практику по уголовным делам, Пленум Верховного Суда РФ в ряде постановлений давал близкие по смыслу, но также не во всем совпадающие разъяснения устойчивости организованной группы. Т. В. Якушева пишет, что в целом содержание понятия «устойчивость» в них сводится к длительному, стойкому характеру преступной связи, постоянству форм и методов, планированию преступной деятельности, стабильности состава группы, ее организационных структур, подчинению группы

⁶ Уголовное право России : учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2008. Т. 1 : Общая часть. С. 274–275.

⁷ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. С. 310, 312.

⁸ Калмыкова А. Б. Отграничение организованной группы от преступного сообщества // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 124.

⁹ Прокументов Л. М. Организованная группа как форма соучастия в преступлении в действующем российском законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 67.

дисциплине и требованиям организатора (руководителя)¹⁰.

С. А. Яшков отмечает трудность деления признаков устойчивости, предложенных Верховным Судом РФ, на обязательные и факультативные, поскольку большинство из них переменны, т.е. характерны и для организованных групп, и для групп по предварительному сговору¹¹.

С нашей точки зрения, сопоставление и обобщение признаков, перечисленных в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, показывает, что основу устойчивости группы составляют такие элементы, как прочность и длительность объединения ее участников на основе общего преступного умысла, наличие в составе группы организатора (руководителя), планирование совместной преступной деятельности, тщательная криминальная подготовка членов группы с распределением ролей и согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, при необходимости — оснащённость орудиями и средствами совершения преступлений¹².

Представляется, однако, не вполне убедительным указание на такой элемент устойчивости, как постоянство форм и методов преступной деятельности организованных групп. Ведь фактически они пытаются ее совершенствовать с целью повышения эффективности, включая оперативное реагирование на изменения условий своей преступной деятельности¹³. Следовательно, данный элемент может учитываться только совместно с другими составляющими устойчивости. Что же касается заблаговременного распределения ролей между членами организованных групп, то оно нередко относится и к группе лиц по предварительному сговору, поэтому является надежным признаком также лишь в совокупности с иными элементами.

Для лучшего понимания проблемы рассмотрим некоторые судебные решения в части квалификации преступной деятельности организованных групп различной направленности¹⁴. Сопоставление и обобщение перечисленных в них признаков показывает, что основу устойчивости группы составляют следующие элементы:

¹⁰ Якушева Т. В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 54.

¹¹ Яшков С. А. Уголовно-правовая характеристика количественного признака организованной группы // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 2. С. 54.

¹² П. 2 и 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»; п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (с изм. и доп.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (с изм. и доп.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 1 (с изм. и доп.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»; п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (с изм. и доп.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»; п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (с изм. и доп.) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»; п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (с изм. и доп.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Это тем более относится к преступному сообществу (преступной организации).

¹⁴ См.: постановление Верховного Суда РФ от 15.05.2012 по делу № 5-Д 12-24; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.01.2019 по делу № 11-АПУ 18-26; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 07.05.2019 № 201-АПУ19-12; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.10.2019 по делу № 1-21/2019; апелляционное определение Московского городского суда от 06.12.2019 по делу № 10-22470/2019; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 по делу № 33-АПУ 19-28; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2020 № 22-О20-1; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 223-АПУ20-2 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- 1) заблаговременность объединения группы и наличие у ее членов единого умысла (направленность на совершение конкретных преступлений), стабильный состав соучастников на основе длительного периода их общения и совместной криминальной деятельности;
- 2) наличие организатора (создателя и руководителя группы), который заблаговременно разрабатывает общий план преступной деятельности и организует управление группой;
- 3) планирование конкретных преступлений, функционально-ролевое распределение между членами группы и координация их действий, подчинение участников криминальной дисциплине, наличие методов сокрытия или отлаженной системы конспирации преступной деятельности.

Дополнительными (факультативными) элементами устойчивости организованной группы являются:

- 1) техническая оснащенность группы, заблаговременная подготовка орудий преступления;
- 2) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем;
- 3) аккумулярование денежных ресурсов на нужды группы;
- 4) использование в преступной деятельности членами группы своего служебного положения, наличие коррупционных связей;
- 5) возможность строгого наказания (вплоть до убийства) членов группы, нарушивших установленные в ней правила.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о количественном признаке — численности организованного преступного образования. Любая совместно действующая группа лиц является в той или иной мере взаимосвязанной общностью людей. Следовательно, необходимо учитывать социально-психологическую классификацию групп по их количественному составу, в соответствии с которой микрогруппа состоит из 2–3, а малая группа насчитывает до десятков человек. При этом наименьший оптимальный состав трудоспособной малой группы

составляет от 5 до 9 человек. Такая группа легче добывается согласованного решения и менее подвержена делению на группировки¹⁵.

Представляется, что социальная специфика группового взаимодействия проявляется и в организованных формах соучастия, обеспечивая необходимую степень влияния организатора (руководителя), сохранение устойчивости группы и эффективность преступной деятельности. При этом, естественно, необходимо учитывать критерии разграничения, установленные в ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ.

Как известно, в некоторых случаях преступная группа из 2 человек признается организованной¹⁶. Представляется, однако, что минимальный «формообразующий» состав организованной группы составляет 3 человека, отвечающих признакам субъекта преступления. В таком случае происходит более четкое функционально-ролевое распределение ее участников, а значение организатора (руководителя) приобретает реальное содержание в части подготовки и управления преступной деятельностью других лиц. И наконец, превышает некий условный порог повышенной общественной опасности, разделяющий группу лиц по предварительному сговору и организованную группу. Данное суждение наиболее применимо к вопросу квалификации соответствующих преступлений международного характера корыстной направленности (как рекомендовано ратифицированной Россией Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности¹⁷).

Фактически микрогруппа может представлять собой минимальные по размеру самостоятельную организованную группу и структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации). Численность оптимальной малой группы является максимальной для отдельной (самостоятельной) организованной группы, а увеличение количества ее членов фактически приводит к формированию небольшого преступного сообщества (преступной организации) вследствие усложнения групповой структуры и функционирования такого образования. Поэтому с точки зрения соотношения эффективности преступной деятельности и чис-

¹⁵ См.: Мананикова Е. Н. Социальная психология. М., 2014. С. 119–158.

¹⁶ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.02.2019 № 78-АПУ19-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией № 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ленности соучастников самостоятельная организованная группа имеет оптимальный состав 3–5 человек.

Уголовный закон предусматривает отдельные составы преступлений, обязательным признаком которых является их совершение организованной группой. По мнению Ю. А. Клименко, организованная группа имеет следующие разновидности:

- 1) террористическая организация (ст. 205.5 УК РФ);
- 2) незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ);
- 3) банда (ст. 209 УК РФ);
- 4) некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ);
- 5) экстремистская организация (ст. 282.2 УК РФ)¹⁸.

Следует отметить, что перечисленные составы преступлений, за исключением бандитизма, не содержат прямого указания на признак устойчивости. Однако деятельность таких групп носит организованный характер, поскольку она невозможна без криминальной консолидированности (сплоченности) соучастников, которая и означает устойчивость их объединения¹⁹.

В то же время указанный перечень разновидностей организованных групп представляется явно неполным ввиду отсутствия в нем упоминания террористического сообщества (ст. 205.4 УК РФ) и экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), отнесенных Ю. А. Клименко к видам преступного сообщества, хотя эти составы прямо предусматривают именно устойчивую группу лиц.

Представляется, что введение в уголовное законодательство понятий террористического и экстремистского сообщества, а также террористической, некоммерческой и экстремистской организации в перечисленные выше нормы Особенной части УК РФ является не вполне удачным с терминологической точки зрения решением, вносящим путаницу в понимание форм организованной преступности во взаимосвязи данных составов с ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ. Кроме того, следует отметить и тот факт, что в действующей редакции ч. 4 ст. 35 и ст. 210

УК РФ (в отличие от первоначальной) корреспондируют между собой не в полной мере.

Полагаем, что наиболее явно выраженными примерами составов организованной группы в Особенной части УК РФ могут служить незаконное вооруженное формирование и банда, которые имеют определенное сходство по устойчивости и вооруженности. С точки зрения социальной психологии даже при увеличении количества их членов до нескольких десятков они (как и любые другие организованные группы) остаются малыми группами. В то же время этот процесс сопровождается усложнением и структурированием подобных преступных объединений. Аналогичная ситуация складывается при объединении нескольких групп под общим руководством. Более того, любая самостоятельная организованная группа превращается в преступное сообщество (преступную организацию) даже без увеличения ее численности при наличии целей, предусмотренных ч. 4 ст. 35 УК РФ, и появлении в ней структурных подразделений.

Практика показывает, что проблема заключается в выявлении и доказывании именно устойчивости каждого конкретного объединения соучастников. Суды не всегда соглашались с данной органами предварительного следствия квалификацией преступлений как совершенных организованными группами, если собранные и исследованные доказательства не подтверждают достаточной степени их консолидированности. Указывалось, что отсутствуют сведения о том, что подсудимые заранее договорились объединиться для совершения преступлений и сформировали устойчивую группу с высоким уровнем организованности. Не было информации о том, что соучастниками велись разработка и обсуждение планов преступлений, предварительная подготовка к их совершению, происходило функционально-ролевое распределение. В некоторых случаях суды не признали группу соучастников организованной, в частности с учетом их родственных и дружеских отношений²⁰.

Представляется, что в подобных случаях органы предварительного расследования не

¹⁸ Клименко Ю. А. Указ. соч. С. 166.

¹⁹ Соответственно, при оценке содеянного не требуется ссылка на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение данных преступлений организованной группой).

²⁰ См., например: Демчук С. Д., Харатишвили А. Г. К вопросу о квалификации организованной преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков // Антинаркотическая безопасность. 2013. № 1 (1). С. 101 ; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от

смогли представить убедительных доказательств достаточной степени криминальной консолидированности группы лиц (в виде прочных связей между соучастниками и управления процессом реализации общего умысла). Соответственно, суды признали не нашедшей подтверждения устойчивость преступных групп по рассмотренным уголовным делам.

В то же время подобные решения выглядят неоднозначно в ситуациях доказанности в ходе следствия тех или иных элементов криминальной организованности объединенной общим умыслом группы лиц, которая совершила в сходном составе несколько или целую серию однородных преступлений²¹.

Так что же является основным содержанием устойчивости как главного критерия организованной преступной деятельности? Группа в социально-психологическом смысле появляется лишь тогда, когда есть необходимость в совместной деятельности и каждое лицо, входящее в эту группу, идентифицирует себя как ее члена, при этом между соучастниками возникают формальные и неформальные отношения. По нашему мнению, устойчивость — это в первую очередь социально-психологическая характеристика группы, обеспечиваемая сходством ценностно-нормативных характеристик соучастников²². Но, как субъективно-объективное явление, она имеет и свое внешнее отражение. Поэтому выраженная устойчивость, присущая организованной группе, формируется вследствие стабилизации ее состава путем формирования структурного ядра из лиц с общей прочной криминальной направленностью и соблюдения определенных правил, связанных с изменением состава группы. Могут выполняться мероприятия, направленные на формирование более тесных отношений между

ее членами и приобретение ими преступных навыков. Таким образом, происходит процесс консолидации группы²³.

Важно отметить и следующее. В случае организованной группы сговор относительно преступной деятельности является не просто предварительным, он достигается на основе заранее обдуманного определенного (конкретизированного) умысла за достаточный промежуток времени (иногда задолго) до его непосредственной реализации и характеризуется общностью преступных целей, поиском оптимальных путей их достижения с постановкой и решением соответствующих задач. Заблаговременно разрабатывается план совместной преступной деятельности, стадия приготовления сопровождается распределением ролевых функций между членами группы (зависящим от криминальной специализации группы и индивидуальных особенностей ее членов). Запланированные преступления совершаются под единым руководством, при сходном составе соучастников и согласованности их поведения.

Всё это происходит при непосредственном деятельном участии организатора (руководителя) группы, играющего главенствующую роль в данном процессе. Иногда из числа наиболее активных и сплоченных членов группы складывается ее руководящее ядро. Через входящих в ядро лиц лидер может осуществлять частично или полностью опосредованное управление преступной деятельностью остальных соучастников. Но в отдельных случаях небольшая организованная группа не имеет явно выраженного лидера и руководство ее преступной деятельностью осуществляется путем совместной выработки решений²⁴. В целом чем в большей степени у членов группы выражена общая прочная криминальная направленность, тем быстрее

06.02.2008 № 86-Д07-23 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 78-АПУ 18-30 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.03.2019 № 4-АПУ19-2 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; апелляционный приговор Нижегородского областного суда от 28.08.2020 № 22-2722/2020 // ГАС Правосудие. URL: <https://sudrf.ru/index.php?id=300#sp> (дата обращения: 04.02.2021).

²² При этом все или большинство членов (устойчивое ядро) организованной группы обладают последовательно-криминогенным типом личности.

²³ Причем организованные группы, объединенные по этническому и (или) религиозному признакам, обычно являются более прочными и закрытыми (консолидированными), что не мешает им в необходимых случаях вступать в кооперацию с местными криминальными группами и налаживать коррупционные связи.

²⁴ См., например: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2006 № 58-005-66 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

формируется выраженная устойчивость преступного объединения. Оно приобретает характер коллективного субъекта противоправной деятельности, по сути, с единой преступной волей.

Организатор (руководитель) отличается выраженной криминальной деформацией личности, ему присущ эгоизм — потребность в доминировании, проявляющаяся в подчинении других своей воле. Осуществление таким лицом реальной власти в организованной группе достигается благодаря его интеллектуально-волевым (лидерским) качествам. При этом всех соучастников обычно объединяет сходство интересов и целей, а доминирующими являются корыстный и агрессивный типы преступной направленности личности, которые могут сочетаться. Субъекты преступной деятельности, как правило, руководствуются корыстными либо идейными (экстремистскими или террористическими) мотивами, имеющими различную окраску.

Благодаря организатору преступная группа приобретает новое качество, что выражается в распределении ролевых функций, подчиненности рядовых членов группы, установлении групповых норм; усилия лидера обеспечивают более высокий уровень объединения и тесную взаимосвязь между членами группы, выполнение некоторыми из ее участников постоянных ролевых функций и т.п.²⁵

Следует отметить, что организованные группы, состоящие только из двух исполнителей (т.е. не имеющие руководителя) и созданные с

целью совершения одного преступления, являются исключением.

Когда организованная группа планирует достижение криминальной цели путем совершения лишь одного преступления, то это преступление должно отличаться повышенной сложностью исполнения²⁶. При этом соучастники должны четко представлять себе распределение и исполнение своих ролевых функций, прогнозировать варианты развития событий, иметь необходимые знания, умения и навыки (вплоть до криминального профессионализма), а в определенных случаях орудия, средства или предмет преступления. Например, при контрабанде крупной партии наркотиков подготовительные действия членов организованной группы включают:

- 1) изучение обстановки на месте предполагаемого совершения контрабанды;
- 2) анализ работы сотрудников ФТС России и Пограничной службы ФСБ России на интересующем пункте пропуска через границу;
- 3) выяснение того, какие технические средства для досмотра и выявления контрабандных грузов используются; применяются ли служебно-розыскные собаки; какова специфика таможенных процедур на конкретном пункте пропуска и т.д.;
- 4) подготовку тайников, т.е. мест для сокрытого перемещения наркотика, их оборудование. При этом могут использоваться конструктивные особенности, например, того или ино-

²⁵ Представляется правомерным применение такого отягчающего наказания обстоятельства, как особо активная роль в совершении преступления, в первую очередь по отношению к организатору (руководителю) группы по фактам всех совершенных преступлений, охватывавшихся его умыслом. Полагаем, что исключением должны являться деяния, предусматривающие повышенную ответственность именно за создание (руководство) организованной группой, поскольку этот признак охватывается составом преступления (например, ч. 1 ст. 208 и ч. 1 ст. 209 УК РФ).

Ссылка на п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ является обязательной и в части осуществления управленческих функций приближенными к руководителю лицами, а также применительно к особо активной роли в совершении преступлений иных членов группы (см., например: приговор Ленинградского областного суда от 10.07.2013 по делу № 2-12/2013 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.12.2013 № 33-АПУ13-19СП ; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 27.06.2019 № 201-АПУ19-18 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

В ситуациях участия лиц, не входящих в состав организованной группы, в совершаемых ею преступлениях содеянное этими лицами необходимо квалифицировать без указания на организованную группу, но со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ, согласно видам соучастников (за исключением исполнителя).

²⁶ По материалам проведенного исследования ряда уголовных дел организованные группы, создаваемые для совершения одного, как правило — продолжаемого, преступления составили 11 % от общего числа (см.: Кисин А. В. Признаки организованной преступной группы // Криминологический журнал БГУЭП. 2011. № 2 (16). С. 88).

го транспортного средства (пустоты) либо применяются какие-либо технологические решения;

- 5) поиск и подготовку исполнителя. Необходимо учитывать, что контрабанда наркотиков часто совершается лицами, не только не являющимися организаторами этого преступления, но даже их и не знающими²⁷.

Подводя краткие итоги, можно сказать, что устойчивость объединения (соответственно, и организованность группы) имеет в своей основе два взаимодополняющих аспекта, один из которых является в большей степени социально-психологическим, а другой — организационно-практическим. Первый аспект предусматривает тесную, относительно длительную взаимосвязь объединенных криминальными мотивацией и целями членов группы (что обеспечивает стабильность ее основного состава), а также признание рядовыми участниками обязательности решений своего лидера или руково-

дящего ядра группы либо решений, совместно принятых группой. Второй аспект устойчивости предусматривает реализацию эффективной преступной деятельности путем заблаговременной разработки ее плана и четкого распределения ролевых функций между участниками группы, обеспечения согласованности их действий, осуществления иных мероприятий, необходимых для успешного достижения намеченных целей, включая соблюдение определенных мер безопасности.

И напротив, когда сговор членов группы произошел непосредственно перед совершением преступления либо состоялся заранее, но отсутствовали их тесная взаимосвязь и тщательная совместная подготовка к нему, безусловно, это группа лиц по предварительному сговору — ввиду недостаточной устойчивости такого объединения. Иными словами, при отсутствии консолидированности нет и организованной группы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Демчук С. Д., Харатишвили А. Г. К вопросу о квалификации организованной преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков // *Антинаркотическая безопасность*. — 2013. — № 1 (1). — С. 97–108.
2. Калмыкова А. Б. Отграничение организованной группы от преступного сообщества // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2010. — № 3. — С. 122–126.
3. Кисин А. В. Признаки организованной преступной группы // *Криминологический журнал БГУЭП*. — 2011. — № 2 (16). — С. 85–90.
4. Клименко Ю. А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // *Lex russica*. — 2016. — № 5 (114). — С. 156–168.
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.]. — М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. — 86 с.
6. Мананикова Е. Н. Социальная психология. — М. : Дашков и Ко, 2014. — 256 с.
7. Прозументов Л. М. Организованная группа как форма соучастия в преступлении в действующем российском законодательстве // *Вестник Томского государственного университета. Право*. — 2015. — № 4 (18). — С. 60–69.
8. Уголовное право России : учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. — М. : Норма, 2008. — Т. 1 : Общая часть. — 592 с.
9. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. — М. : Норма: Инфра-М, 2010. — 640 с.
10. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. — М. : Юстицинформ, 2016. — 580 с.
11. Харатишвили А. Г. Выявление и расследование контрабанды наркотиков на первоначальном этапе / под ред. Е. П. Ищенко. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 144 с.

²⁷ Харатишвили А. Г. Выявление и расследование контрабанды наркотиков на первоначальном этапе / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2009. С. 12.

12. Якушева Т. В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 219 с.
13. Яшков С. А. Уголовно-правовая характеристика количественного признака организованной группы // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2014. — № 2. — С. 53–55.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Demchuk SD, Kharatishvili AG. K voprosu o kvalifikatsii organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti v sfere nezakonnogo oborota narkotikov [On the issue of qualification of organized criminal activity in the sphere of illegal drug trafficking]. *Antidrug Security*. 2013;1(1):97-108. (In Russ.).
2. Kalmykova AB. Otgranichenie organizovannoy gruppy ot prestupnogo soobshchestva [Separation of the organized group from the criminal community]. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;3:122-126. (In Russ.).
3. Kissin AV. Signs of an organized criminal group. *Criminological Journal of BSU of EM*. 2011;2(16):85-90. (In Russ.).
4. Klimenko YuA. Klassifikatsiya souchastiya: formy, vidy, znachenie dlya ugolovno-pravovoy otsenki prestupleniya [Classification of Conspiracy: Forms, Types, Meaning for Criminal Legal Assessment of a Crime]. *Lex russica*. 2016;5(114):156-168. (In Russ.).
5. Antonyan YuM, Brazhnikov DA, Goncharova MV, et al. Kompleksnyy analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii i raschetnye varianty ee razvitiya : analiticheskiy obzor [Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and design options for its development: an analytical review]. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2018. (In Russ.).
6. Mananikova EN Sotsialnaya psikhologiya [Social Psychology]. Moscow: Dashkov & Co Publ.; 2014. (In Russ.).
7. Prozumentov LM. Organizovannaya gruppy kak forma souchastiya v prestuplenii v deystvuyushchem rossiyskom zakonodatel'stve [Organized group as a form of complicity in a crime in the current Russian legislation]. *Tomsk State University Journal of Law*. 2015;4(18):60-69. (In Russ.).
8. Ignatov AN, Krasikov YuA, editors. Ugolovnoe pravo : Uchebnik [Criminal law of Russia: textbook]. Vol. 1: General Part. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
9. Zvecharovskiy IE, editor. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast : uchebnik [Criminal law of Russia. General part: textbook]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.).
10. Pevin VP, editor. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast : uchebnik [Criminal law of Russia. General part: textbook]. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2016. (In Russ.).
11. Kharatishvili AG. Vyyavlenie i rassledovanie kontrabandy narkotikov na pervonachalnom etape [Detection and investigation of drug smuggling at the initial stage]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2009. (In Russ.).
12. Yakusheva TV. Zakonodatel'naya reglamentatsiya i praktika privlecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) : dis. ... kand. jurid. nauk [Legislative regulation and practice of bringing to criminal responsibility for organizing a criminal community (criminal organization): Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2016. (In Russ.).
13. Yashkov SA. Ugolovno-pravovaya kharakteristika kolichestvennogo priznaka organizovannoy gruppy [Criminal and legal characteristics of the quantitative characteristic of an organized group]. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2014;2:53-55. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.069-079

В. В. Хилюта*

Способ действия при хищении имущества: актуальные вопросы судебного толкования и доктринального правопонимания

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы понимания способа совершения хищения в доктрине, правоприменении и современной науке уголовного права. Анализируются такие объективные признаки хищения, как завладение, изъятие, обращение, и их соотношение с иными признаками хищения. Автором обосновывается, что современное описание объективных признаков совершения хищения не соответствует реалиям хищения как деликта, посягающего на вещные и обязательственные отношения. Подробно рассматриваются ситуации квалификации действий, связанных с замещением собственника (владельца имущества) и причинением ущерба собственнику или иному владельцу безотносительно факта прямого изъятия или обращения похищаемого имущества (завладения им). Констатируется, что во избежание противоречий и фикций правоприменительная практика вынуждена толковать «изъятие чужого имущества» слишком широко и приравнивать этот признак к факту юридического замещения собственника (владельца) имущества. Показана противоречивость данной ситуации и фикционность правил квалификации имущественных преступлений. Автор приходит к выводу о необходимости корректировки законодательного описания способа действия при хищении, наполнения его элементами, которые бы максимально полно охватывали всевозможные ситуации и были бы универсальны. Это связывается с тем, что сегодня нельзя избрать и зафиксировать способ хищения, который бы характеризовал единое преступное посягательство на телесные и нетелесные материальные блага и отражал бы хищение как деяние, причиняющее ущерб собственнику. Ввиду того что механизм преступных посягательств на вещные и обязательственные отношения не однотипен и имеет свою специфику, отражение способа действия в имущественных преступлениях должно быть дифференцировано.

Ключевые слова: хищение; собственность; имущественные преступления; изъятие; обращение; завладение; способ хищения; уголовное законодательство; имущество.

Для цитирования: Хилюта В. В. Способ действия при хищении имущества: актуальные вопросы судебного толкования и доктринального правопонимания // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 69–79. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.069-079.

The Method of Action (*Modus Operandi*) in Property Theft: Topical Issues of Judicial Interpretation and Doctrinal Legal Thinking

Vadim V. Khilyuta, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Yanka Kupala State University of Grodno
ul. Ozheshko, d. 22, Grodno, Republic of Belarus, 230027
tajna@tut.by

Abstract. The paper examines the methodological problems of understanding the method of committing theft in the doctrine, law enforcement practice and modern science of criminal law. The author analyzes such

© Хилюта В. В., 2021

* Хилюта Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы ул. Ожешко, д. 22, г. Гродно, Республика Беларусь, 230027
tajna@tut.by

objective signs of theft as seizure, confiscation, circulation, and their relationship with other signs of theft. The author proves that the modern description of objective signs of the theft does not correspond to the realities of the theft as a tort infringing on property and obligations. The situations of qualification of actions related to the replacement of the owner (owner of the property) and causing damage to the owner or another owner are considered in detail, regardless of the fact of direct seizure or circulation of the stolen property (taking possession of it). It is stated that in order to avoid contradictions and fictions, law enforcement practice is forced to interpret "seizure of someone else's property" too broadly and equate this feature with the fact of legal replacement of the owner (owner) of the property. The paper demonstrates the inconsistency of this situation and the fictitiousness of the rules for qualifying property crimes. The author concludes that it is necessary to correct the legislative description of the method of action in case of theft competing it with elements that would most fully cover all kinds of situations and would be universal. This takes place because today it is impossible to choose and fix a method of theft that would characterize a single criminal encroachment on bodily and non-corporeal material goods and would reflect theft as an act causing damage to the owner. Due to the fact that the mechanism of criminal encroachments on property and obligations is not the same type and has its own specifics, the reflection of the mode of action in property crimes should be differentiated.

Keywords: theft; own; property crimes; withdrawal; appeal; taking possession; method of theft; criminal legislation; property.

Cite as: Khilyuta VV. Sposob deystviya pri khishchenii imushchestva: aktualnye voprosy sudebnogo tolkovaniya i doktrinalnogo pravoponimaniya [The Method of Action (Modus Operandi) in Property Theft: Topical Issues of Judicial Interpretation and Doctrinal Legal Thinking]. *Lex russica*. 2021;74(8):69-79. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.069-079. (In Russ., abstract in Eng.).

Хищение имущества в новых социально-экономических условиях

В настоящее время, в век тотальной цифровизации и глобализации права, мы можем наблюдать не только попытку коренного слома устоявшихся традиций и догм в праве, но и реформатирование основных его институтов. Научно-технический прогресс диктует необходимость модернизации общественных отношений и всё большего их приспособления к реалиям повседневной действительности. В этой связи многие фундаментальные положения и базовые принципы, в том числе и правовые, подвергаются не только сомнению, но и радикальному пересмотру. Не является исключением и уголовное право, в частности институт преступлений против собственности, а равно понятие «хищение чужого имущества».

Тем не менее, рассматривая данные закономерности и характеризуя ситуацию в праве в целом, мы не можем безоговорочно утверждать, что эта парадигмальная ситуация характерна для какого-то института уголовного права в большей или меньшей степени. В принципе, на сломе эпох эти тенденции были присущи правоведению всегда, как, впрочем, и иным отраслям науки. Поэтому криминалисты и криминологи зачастую констатируют определенное смещение акцентов в структуре преступности, переход из одного качества в другое и т.д.

Это же происходит и сегодня, когда мы можем наблюдать некие сдвиги в общей картине преступности и смене преступных приоритетов в сторону совершения высокотехнологичных преступлений. Здесь вывод весьма простой: развитие технологий непременно влечет за собой порождение новой структуры преступности, что обуславливает увеличение таких же высокотехнологичных (интеллектуальных) противоправных деяний, в частности корыстных. Конечно, при всей статичности данного факта мы также можем утверждать, что банальные кражи, мошенничества и иные имущественные преступления никуда не исчезают, однако и эти корыстные преступления против собственности начинают мимикрировать и вовлекать в свою орбиту телекоммуникационные способы совершения преступлений, оставаясь при этом также в лоне краж, мошенничеств, присвоений и т.д.

Указанная проблема весьма актуальна в настоящее время для хищений и иных преступлений против собственности, и основной вопрос состоит в том, в какой мере мы можем применять законодательные конструкции хищения к новым общественным отношениям? Является ли в этом случае понятие «хищение» универсальным и всеобъемлющим. Не секрет, что само понятие «хищение» было разработано в советское время, в основном оно базировалось на конструкции, применяемой для защиты

экономико-правовых отношений социалистической собственности¹. В этой связи «хищение» было приспособлено исключительно для защиты от преступных посягательств на материальные блага — вещи. Об этом свидетельствовали и три признака имущества как предмета хищения: материальный (физический), экономический, юридический. Отсюда выводился и главный объективный признак хищения — способ деятельности (действия), генеральным признаком которого являлась конструкция завладения (изъятия, обращения) чужого имущества, а также субъективный компонент — корыстная цель.

Еще с советских времен определяющим элементом изъятия (завладения) признавалось простое перемещение виновным вещи в пространстве, т.е. ее обособление и приобщение к своему имущественному фонду. При таком понимании изъятия, как отмечает А. В. Архипов, выстроилась конструкция, при которой в одних случаях похищаемое движимое имущество физически изымалось виновным из обладания потерпевшего, а затем присваивалось, т.е. обращалось в свою пользу или в пользу иного лица (как правило, это имело место при краже, мошенничестве, грабеже или разбое), в других случаях имущество обращалось в пользу виновного или иных лиц без его физического перемещения виновным в пространстве, т.е. без изъятия (присвоение или растрата). Все, что не укладывалось в приведенную схему, не должно было признаваться хищением, а для случаев незаконного завладения объектами гражданских прав, не имеющими физического признака, дабы не отходить от обязательности физического (вещного) признака имущества, было использовано понятие «приобретение права на имущество»².

Однако в последние десятилетия криминальная ситуация относительно отношений собственности существенно изменилась, т.к. преступные посягательства направлены уже не только на телесные (материальные) блага, но и на нетелесные (нематериальные) блага. При этом, как было отмечено выше, если для классического хищения присуще перемещение вещи в пространстве, то для современных имущественных посягательств этот элемент дей-

ствия не всегда характерен, т.к. преступнику вовсе не обязательно обособлять чужое имущество и приобщать его к своему фонду (иначе говоря, обращать в свою квазисобственность).

В этой связи следует рассмотреть вопрос именно о сущности изъятия при совершении хищения чужого имущества в аспекте толкования его специфических свойств, порожденных новыми экономическими отношениями:

- а) замещением собственника (юридическое изъятие);
- б) причинением ущерба собственнику или иному владельцу безотносительно факта непосредственного изъятия или обращения (завладения) похищаемого имущества.

Физическое и юридическое изъятие имущества

Если изъятие и обращение чужого имущества толковать как физическое перемещение вещи в пространстве, то этот признак хищения не вполне вписывается в современные реалии преступного посягательства на нематериальные (невещественные блага), т.к. в ряде случаев изъять то, чего нет в физическом мире (именно как материального объекта), не представляется возможным. Однако и здесь термин «изъятие чужого имущества» (или «обращение чужого имущества») используется, когда речь заходит о посягательствах на безналичные и электронные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные и цифровые права. Безусловно, в подобных ситуациях может не происходить (чаще всего и не происходит) физическое перемещение вещи в пространстве. Данные имущественные права, как правило, не перемещаются в том буквальном смысле слова, которое мы привыкли использовать при характеристике хищения (разве что безналичные деньги со счета переводятся на другой счет или могут быть обналичены, но это весьма относительно, т.к. можно сказать, что меняются всего лишь цифры в бухгалтерском балансе). Например, можно изменить запись в реестре акционеров и тем самым совершить хищение бездокументарных ценных бумаг. Тот же механизм совершения преступления может быть

¹ См. более подробно по данной проблеме: Хилюта В. В. Хищение как причинение ущерба и как противоправное изъятие: доктринальные и правоприменительные проблемы // Российский журнал правовых исследований. 2020. № 3. С. 72–82.

² См.: Архипов А. В. Квалификация мошенничества по уголовному законодательству России. М., 2020. С. 90.

использован применительно к криптовалютам, различным имущественным, цифровым правам и т.д. То есть изъятия в подлинном смысле слова мы не наблюдаем.

Однако доктрина уголовного права нашла выход из ситуации и применительно к данным ситуациям говорит не о физическом изъятии имущества, а о его **юридическом** изъятии (иногда и о формальном³). Буквально это означает, что происходит **замещение** владельца имущества. То есть как бы похищаемое имущество находится в том же пространственном месте (хотя этот термин не совсем уместен для нетелесных объектов), но меняется запись о его владельце или учетные данные принадлежности этого имущества конкретному лицу.

В принципе данный подход уже давно применяется в отношении недвижимого имущества, которое в большинстве случаев нельзя переместить в пространстве, но можно противоправным образом похитить. Однако поскольку недвижимое имущество может представлять собой право собственности и ограниченное вещное право, то не всегда (или практически никогда нельзя) можно говорить о его физическом изъятии. Поэтому, с одной стороны, к недвижимому имуществу можно также применять концепцию юридического изъятия, т.е. замещения собственника имущества, а с другой стороны, можно использовать концепцию *при-*

обретения права на имущество. Однако если мы говорим о приобретении права на имущество, то этот способ имущественного преступления характерен не для всех форм хищений.

В некотором роде логика подобных рассуждений отражена в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором буквально сказано, что «если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения)»⁴.

Иначе говоря, можно сказать, что фактически преступник ставит себя на место соб-

³ Именно формальное «изъятие», а не «обращение» А. И. Бойцов усматривает в ситуации, когда, например, заведующий складом незаконно списывает какие-либо хранящиеся у него на складе вещи. В данном случае, по мнению этого ученого, изменяется не местоположение рассматриваемого имущества в пространстве, а отношение к нему виновного, который юридически правомерное владение данными вещами трансформирует в противоправное обладание ими. При этом, как отмечает А. И. Бойцов, «несмотря на то, что фактически вещи продолжают лежать на тех же стеллажах, на которых они лежали, юридически для собственника их уже не существует, ибо они числятся как изъятые с места их нахождения и уничтоженные по акту за своей непригодностью. Следовательно, и в действиях лица, присвоившего или растратившего вверенное ему чужое имущество, также можно усмотреть изъятие этого имущества у собственника» (Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 230). Однако применительно к рассматриваемому примеру можно было бы сказать, что произошло не формальное изъятие, а скорее обращение чужого имущества в свою собственность. Хотя и в данном случае это больше характеризует замещение собственника (владельца имущества) при сохранении местоположения имущества в пространстве.

⁴ Следует обратить внимание на одно обстоятельство применительно к пониманию приобретения права на имущество. В указанном разъяснении высшей судебной инстанции речь все же идет о том, что право на имущество отождествляется с имущественным правом. Но тогда непонятен сам механизм отнесения иных имущественных прав (безналичных денег, электронных средств) к предмету такого преступного посягательства, как имущество. Иначе говоря, почему и в каких случаях имущественные права должны признаваться *имуществом или правом на имущество* в предмете такого состава преступления, как мошенничество (и не только)? Подробно данный аспект рассмотрен нами в работе: Хиллута В. В. Предмет преступления в судебной практике по делам о вымогательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 5. С. 75–81.

ственника, замещает его собой⁵. И здесь характеристика объективной стороны хищения распадается на два элемента: хищение — изъятие (обращение); хищение — приобретение права. То есть если мы ведем речь о том, что хищение возможно толковать как замещение собственника или иного владельца в формате «юридического изъятия» чужого имущества, то тогда замещение невольно отождествляется с приобретением права и разграничить указанные понятия уже практически невозможно.

Причинение ущерба без изъятия

Вторая обсуждаемая нами ситуация связана с тем, что изъятие или отчуждение чужого имущества может не сопровождаться одновременным завладением этим же имуществом виновным или другими лицами.

В этой связи классическая формула хищения связана с тем, что, изымая чужое имущество, виновное лицо этим же имуществом непременно должно завладеть, т.е. обратить его в свою собственность или владение иных лиц. Однако практика свидетельствует о том, что могут быть и обратные ситуации. Они указывают на то, что лицо, отчуждая чужое имущество, не завладевает им, а обращает в свою собственность совсем иное, однако за счет этого отчуждаемого (изымаемого) имущества. При этом в подобных ситуациях конечный результат хищения не связывается исключительно с предметом «похищаемых благ» (изымаемого имущества). А это могут быть различные объекты гражданских прав: вещи, имущественные права, результаты работ, оказанных услуг и т.д.

Например, если виновный нашел бесконтактную банковскую платежную карту и использует ее посредством платежного терминала, переводя деньги со счета ее владельца на свои нужды, то виновное лицо этими денежными средствами фактически не завладевает, а переводит их со счета потерпевшего на счет торговой организации, если приобретает некие товары. То есть возлагает бремя своих расходов за приобретенный товар на владельца (держателя)

карты). Подобный механизм совершения преступления имеет прямое сходство с причинением имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 165 УК РФ). Так, лицо может противоправно использовать ту же чужую найденную банковскую платежную карту не для приобретения товаров, а для оплаты услуг.

Следует сказать, что рассматриваемые ситуации подталкивают к двум диаметрально противоположным выводам. Первый указывает на то, что если хищение считать совершенным с момента причинения ущерба собственнику или владельцу имущества, то его следует признавать таковым с момента списания денежных средств со счета владельца. И в данном случае приходится констатировать наличие признаков изъятия чужого имущества. При таком понимании хищение уже имеет некий полупоформальный состав преступления, т.к., как только владелец лишился своего имущества, мы вынуждены указывать на то, что имеет место оконченный состав преступления, безотносительно цели, которую ставил перед собой виновный. В этой связи достижение цель уже как бы и не имеет значения (равно как и мотив) — достигло ли ее лицо или нет, и неважно, в чью пользу перешло имущество. Это первый вывод.

Второй вывод связан с тем, что если конструировать наличие признаков хищения с момента завладения чужим имуществом, то важно установить именно факт реальной возможности пользоваться и распоряжаться чужим имуществом. Проблема состоит только в том, что в данных случаях изымаемое имущество может не совпадать с обретаемым виновным или обращаемым им в свою собственность. Например, должностное лицо повредило личный автомобиль и желает его отремонтировать за счет денежных средств возглавляемой им организации. С этой целью оно незаконно дает распоряжение об оплате стоимости ремонта якобы служебного автомобиля и ремонтирует, таким образом, за счет денежных средств организации свой личный автомобиль⁶.

Здесь завладение чужим имуществом мы связываем с моментом перечисления денег со счета одного юридического лица на счет

⁵ Примечательно, что об этом же, однако совсем в ином ракурсе пишет С. Складов, указывая, что мошенничество, предметом которого выступает право на имущество, «предполагает завладение имуществом, не сопряженное с перемещением этого имущества в пространстве (изъятием)» (Складов С. Обман при хищении // Уголовное право. 2020. № 5. С. 109).

⁶ Данный пример мы рассматриваем именно как хищение чужого имущества. По крайней мере по такому пути сегодня идет правоприменительная практика Российской Федерации. Если же предметом пре-

другого юридического лица. В прямом смысле виновное лицо никак не завладевает этими безналичными денежными средствами. Здесь очень трудно, практически невозможно, установить реальную возможность виновного лица пользоваться или распоряжаться чужим имуществом. А это связано с тем, что виновное лицо не завладевает чужим имуществом (изымает, обращает его), а фактически отчуждает его.

Однако если мы ведем речь об отчуждении (а это так и есть), то оно не может быть отождествлено с концепцией «реальной возможности пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом», потому что такой возможности априори нет. Она фактически появляется лишь тогда, когда взамен отчуждаемого имущества лицо незаконно получает иное. А если это в конечном итоге не имущество (даже в самом широком смысле этого слова), а результаты работ или услуг, объекты интеллектуальной собственности и т.д., то вопрос о соразмерности экономических благ и предмете преступления должен ставиться уже совсем иным образом.

Понятно, что в этой ситуации изъятие (или обращение) подменяется термином «отчуждение». В широком словоупотреблении и расширительном толковании норм уголовного закона такой способ может быть применен. Однако с теоретической точки зрения необходимо решать вопрос о границах способа деятельности при толковании объективной стороны хищения и смысла, вкладываемого в данное понятие. Иначе говоря, старые конструкции типа «изъятие», «обращение», «завладение» и т.п. не в полной мере подходят к сегодняшним ситуациям, где отчуждаемое и завладеваемое имущество не совпадают и не составляют единого целого.

Если мы говорим о том, что лицо отчуждает (расходует) имущество, то, во-первых, у него должны быть соответствующие полномочия на определение «судьбы» этого имущества, оно должно быть ему вверено или должно находиться в его ведении. Во-вторых, не всякое отчуждение имущества должно признаваться хищением. Потому что если мы придерживаемся классических постулатов о хищении чужого имущества, то отчуждение должно быть

ограничено корыстной целью, а иначе — корыстным мотивом совершения преступления. Так как лицо желает получить выгоду за счет отчуждаемого имущества. Если же лицо желает просто причинить ущерб организации и не преследует при этом цели личного обогащения или обогащения иных лиц, в судьбе которых оно заинтересовано, то, на наш взгляд, нельзя вести речь о хищении. Цели такого отчуждения чужого имущества могут быть разные: альтруистические, выполнение ведомственных показателей и задач, сокрытие неудачного ведения дел и т.д. Однако все эти случаи подлежат дифференциации. Нельзя любое израсходование имущества юридического лица приравнивать к преступному завладению им (его изъятию, обращению) — хищению.

Может ли «обращение» претендовать на универсальный признак объективной стороны хищения?

В принципе, в ситуации ограниченности толкования термина «изъятие» и его крайней уязвимости при посягательствах на нетелесные объекты гражданских прав, на роль генерального (или универсального) понятия, отражающего ключевые характеристики способа деятельности при совершении хищения, мог бы претендовать термин «обращение». Тем не менее приходится констатировать ранее озвученный тезис: обращение в таком ракурсе непременно сливается с приобретением права на имущество и фактически разграничить их не представляется возможным. Понятно, что обращение имущества имеет свою специфику и оно в большей степени отождествляется с противоправным переходом имущества в пользу виновного или другого лица. И в некотором роде «обращение» сродни юридическому (а равно и фактическому) замещению собственника или иного владельца. Причем очень часто обращение в этом контексте связывают только с присвоением или растратой⁷ либо же, наоборот, рассматривают обращение как составную часть «изъятия», по-

ступления считать услугу, то она не может являться предметом хищения, и тогда можно также сказать о том, что отсутствует изъятие имущества, т.к. лицо извлекает для себя имущественную выгоду. Следовательно, при наличии всех признаков (и в зависимости от субъекта преступления) можно ставить вопрос о квалификации таких действий по ст. 165 или 285 УК РФ.

⁷ Так, А. В. Архипов указывает, что «когда речь идет о хищении имущества, имеющего материальную форму, результатом обращения принято понимать появление у виновного возможности распоряжаться

следующий элемент данного понятия, который является завершающим этапом преступного завладения чужим имуществом (обращение следует за изъятием)⁸. Связывается это с тем, что изъятые имущество не может автоматически поступить во владение виновного лица, его еще нужно обратить в свою собственность или пользу иных лиц. Об этом и может свидетельствовать термин «обращение».

Тем не менее если мы говорим о широком значении и понимании термина «обращение» чужого имущества, то вполне понятно, что нельзя обращение увязывать исключительно с вещью как материальным признаком предмета хищения. Разумно было бы это понятие, отражающее признак объективной стороны хищения, распространять и на преступные посягательства на нетелесные блага (имущественные права). Однако в данном случае возникает ряд вопросов, требующих своего пояснения и возможного разрешения.

Если крайне широко толковать термин «обращение», фактически как любое приобщение похищенного, то с объективной точки зрения обращение будет неотделимо от присвоения находки, причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 165 УК РФ) и т.д., т.к. в подобных ситуациях получение выгоды равнозначно обращению имущественных благ в чью-либо пользу, уклонению от исполнения обязательств (лицо обращает имущество в свою пользу или оставляет его за собой, не передавая при этом должного).

Вместе с тем традиционно отмечается, что обращение тесно связано с имуществом как предметом материального мира при определении объектных признаков хищения. Однако цивилисты указывают, что «никакое, даже самое широкое, толкование признаков хищения не позволяет считать, что имущественное право,

каким бы ни был его объект, может подвергнуться изъятию или обращению в пользу виновного»⁹. И в такой ситуации безотносительно к имуществу понятие «обращение» лишено всякого смысла. При этом, если продолжать связывать обращение исключительно с добровольностью передачи имущества самим его владельцем при мошенничестве, присвоении или растрате, то сфера действия данного объективного признака хищения значительно сужается.

Суть объективной стороны хищения

Вывод, который следует из всего сказанного, напрашивается сам за собой. Он заключается в уяснении того, что же представляет собой сегодня хищение. То есть хищение — это всё же причинение вреда собственнику или иному владельцу либо обогащение виновного или иных лиц за счет изъятых имущества? Ответы на данные вопросы предопределяют сущность хищения и позволяют акцентировать внимание на его содержательной стороне, т.к. это прямым образом касается и предмета хищения, и момента окончания хищения и его субъективной составляющей.

Пока что вырисовывается следующая картина. Если хищение отождествлять с причинением ущерба собственнику или иному владельцу имущества, то такое преступление является окончательным с момента изъятия имущества безотносительно возможности дальнейшего владения, пользования им (что в большей степени характерно для бестелесного имущества). Наглядно это демонстрирует сегодняшняя правоприменительная практика на примере изъятия безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг, электронных денег и т.д.¹⁰ Возможность пользоваться, распо-

ся похищенной вещью как своей собственной» (Архипов А. В. Указ. соч. С. 90). Однако здесь возникает следующий вопрос: а если речь идет о нематериальных объектах (нетелесных благах, которые практика сегодня склонна относить к предмету хищения), то применим ли термин «обращение»?

⁸ По этой причине в юридической литературе отмечается ненужность данного термина — обращение как способ совершения хищения. Так, А. И. Бойцов прямо заявляет, что «выделение в понятии хищения наряду с изъятием обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц не столь уж необходимо, так как невозможно обратить чужое имущество в свою пользу, не изъяв его из фонда собственника» (Бойцов А. И. Указ. соч. С. 230). Очевидно, что именно такая постановка вопроса заставляет крайне широко рассматривать термин «изъятие» (раз уж обращение излишне в его определении) и толковать его с позиций «физического», «юридического», «формального» захвата чужого имущества.

⁹ См.: Лаверов Д. Г. Мошенничество глазами цивилиста. М., 2019. С. 86.

¹⁰ См. об этом п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором сказано, что «если предметом пре-

ряжаться изъятым имуществом уже не имеет принципиального значения и фактически никак не учитывается, что влечет в дальнейшем нивелирование цели совершения хищения. Корыстная цель отодвигается на второй план. Такая конструкция характерна для нематериальных благ имущественного характера.

В случае же, когда мы связываем хищение с обогащением виновного за счет изъятого имущества, мы акцентируем внимание не на причинении ущерба собственнику (он здесь уходит на второй план), а на обретении виновным возможности распоряжаться или пользоваться похищенным имуществом¹¹. Соответственно, такая возможность у него должна возникнуть в определенный момент (что характерно для кражи, грабежа, разбоя, присвоения). Однако имущество может изыматься, но не переходить в обладание виновного (причем он и не преследует такой цели). За счет изъятого имущества

виновный получает иную выгоду в виде другого имущества или оказанных ему услуг, выполнения работ и т.д. Как определить момент окончания преступления (при изъятии), если фактически у виновного вообще не возникает возможности пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом?

В аспекте сказанного приведем следующий пример.

Должностное лицо при проведении процедуры закупки для организации собирается приобрести 100 дверей и договаривается с поставщиком о том, чтобы тот немного повысил цену за одну дверь и по условленной стоимости (которая не меняется) продал на три двери больше, то есть не 100, а 103. Эти три двери руководитель организации забирает себе, а оплата идет за установленные по документам 100 дверей для нужд организации. По факту организация оплачивает 103 двери, а по до-

ступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб». Данный пункт разъяснения весьма спорный, и в уголовно-правовой литературе не раз высказывались сомнения в его правильности.

¹¹ Об этом речь идет в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)». Наряду с этим, момент окончания присвоения и растраты в судебной практике определяется иначе (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства). Растрату следует считать оконченным преступлением с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения).

Вот здесь и возникает далее ряд вопросов. Если лицо при данной форме совершает хищение безналичных денежных средств с использованием служебного положения, то оно совершает присвоение или растрату? Если присвоение, то лицо может и не обращать безналичные денежные средства в свою пользу. Перечисляя деньги со счета на счет, виновное лицо взамен может получать иное имущество или извлекать имущественную выгоду. Если же растрату связывать с отчуждением, то мы вынуждены констатировать, что при отчуждении виновное лицо просто причиняет имущественный ущерб. Однако нужно ли, чтобы это его действие было связано с корыстной целью (целью обогащения)? Последние тенденции правоприменительной практики указывают на то, что корыстная цель понимается крайне широко в уголовном праве, и каким образом и в чью именно пользу было обращено имущество, не имеет решающего значения. При такой постановке вопроса выходит, что хищение есть извлечение имущественной выгоды посредством причинения ущерба собственнику. Следовательно, статья 165 УК РФ входит в прямое противоречие с понятием хищения.

кументам — 100. В этом случае происходит изъятие или обращение чужого имущества? Руководитель организации противоправным образом подписывает документы с завышенной стоимостью и за счет изъятых таким образом денежных средств организации приобретает для себя необходимое имущество. Выходит, что, как только денежные средства были списаны со счета организации, ей был причинен ущерб, и факт конечного завладения иным имуществом за счет оплаченных денежных средств уже не имеет значения. Понятно, что ни о каком моменте, связанном с обретением реальной возможности пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом, говорить не приходится. Потому что такая возможность возникает в отношении приобретенного противоправным образом имущества, оплаченного за счет средств организации. И именно эти денежные средства являются предметом хищения, а не полученный товар (в описываемом примере — двери). В рассматриваемом случае лицо не совершает действия, «направленные на обращение указанного имущества в свою пользу» (что характерно для присвоения), поскольку им не завладевает, не изымает его в прямом смысле слова, а отчуждает имущество организации (что характерно для растраты). Таким образом, здесь способ деятельности связан с отчуждением. А если это так, то понятие «юридическое изъятие имущества» здесь не совсем срабатывает.

В материалах уголовных дел это находит свое отражение посредством подобного указания.

Так, М. было предъявлено обвинение в хищении денежных средств МЧС, совершенном путем мошенничества. Согласно обвинению, М., действуя умышленно, из корыстных побуждений, направленных на завладение денежными средствами МЧС, используемыми на закупку запасных частей и расходных материалов для служебного транспорта за счет средств республиканского бюджета, вступил в преступный сговор с инженером транспортно-хозяйственной

части МЧС — А. Совместно с ним для конспирации своих преступных действий и создания условий для хищения денежных средств (их противоправного отчуждения) М. разработал и осуществил преступный план. Он вносил в служебные документы (рапорты) заведомо ложные сведения о нуждаемости МЧС в закупке автомобильных запчастей для служебного транспорта, в приобретении которых не было необходимости. С этой целью М. подготавливал документы и предоставлял соответствующим службам МЧС. Далее происходила процедура закупки товаров для нужд МЧС. Запчасти покупались по завышенным ценам, а в последующем различными способами изымались у организации. Органы предварительного следствия констатировали, что завладение денежными средствами МЧС происходило путем их отчуждения, хотя Уголовный кодекс Республики Беларусь не предусматривает такого признака хищения¹².

Однако завладение (как и изъятие) и отчуждение все-таки разные понятия и несут различную смысловую нагрузку. Отчуждение характеризуется передачей имущества в пользу другого лица, при этом виновное лицо не завладевает этим имуществом¹³.

Обозначенную проблему можно проиллюстрировать на примере кредитного скоринга (система потребительского кредитования, основанная на том, что решение о выдаче кредита принимает не сотрудник банка, а компьютерная система, основываясь на представленных онлайн сведениях). Предположим, сотрудник банка вносит фиктивные данные о физическом лице, якобы намеревающемся получить кредит. Причем это физическое лицо не знает, что на него оформляется кредит. Одобренный кредит зачисляется на счет вымышленного клиента, привязанный к платежной карте, ПИН-код которой известен сотруднику банка. В дальнейшем происходит перевод денежных средств, полученных в качестве кредита, оплата ими товаров или услуг либо их обналичивание.

При анализируемом способе хищения, полагает С. А. Петров, нет такого обязательного при-

¹² См.: Уголовное дело 20125190151. Архив Управления Следственного комитета по Гродненской области за 2021 г.

¹³ См.: Хилюта В. В. Вопросы квалификации преступлений против собственности, не являющихся хищением. Минск, 2013. С. 92.

В этой связи следует обратить внимание, что статья 217 УК Беларуси специально устанавливает самостоятельную уголовную ответственность за «незаконное безвозмездное отчуждение в значительном размере чужого имущества, вверенного виновному, при отсутствии корыстной цели». То есть имеет место разделение хищения как акта преступного завладения чужим имуществом и его отчуждения.

знака кражи, как изъятие чужого имущества, поскольку сотрудник банка не изымает имущество, а скоринговая программа перечисляет деньги. При этом, если сотрудник банка введет неправильные ответы от имени подставного лица, без одобрения программы он деньги получить не сможет — он не самостоятелен в этом деянии. Кроме того, как полагает указанный ученый, сотрудник банка получает деньги не напрямую с расчетного счета банка, а с лицевого счета, открытого на имя фиктивного получателя кредита, куда их переводит скоринговая программа¹⁴. Вводя в скоринговую программу не соответствующие действительности ответы на вопросы от псевдополучателя кредита, виновный осуществляет ввод компьютерной информации, что является компьютерным мошенничеством¹⁵. Иначе говоря, предлагается, по сути, любой ввод информации в компьютерную систему идентифицировать с хищением путем использования компьютерной техники (компьютерное мошенничество), что вряд ли выглядит правильным в условиях дифференциации способов, а не средств (обеспечивающих доступ) совершения имущественных преступлений.

Кроме того, в обсуждаемом примере изъятие (именно в широком смысле слова) следует усматривать тогда, когда, получая доступ к счету (тайно или с использованием обмана, это не имеет принципиального значения, потому что такой прием представляет собой лишь средство совершения дальнейшего хищения), лицо начинает совершать действия, направленные на списание этих денежных средств (перевод на другой счет, оплату товаров и т.д.). Именно в данном случае он совершает активные действия по выводу безналичных денежных

средств или их обналичиванию. Это делает не программа; человек задает условия и параметры совершения той или иной операции. Как раз в этом случае мы констатируем юридическое изъятие чужого имущества как перемещение вещи в пространстве, замещение собственника или владельца имущества (имущественных прав).

Вместо заключения

Вышесказанные рассуждения заставляют нас поднимать вопрос о корректировке способа деятельности (действия) при хищении, о наполнении его элементами, которые бы максимально полно охватывали всевозможные ситуации и были универсальны. Конечно, это вопрос весьма деликатный, требующий широкого обсуждения. Однако для нас очевидно, что сегодня нельзя избрать и зафиксировать единый способ, который бы характеризовал единое преступное посягательство на телесные и нетелесные материальные блага и в конечном счете отражал хищение как деяние, причиняющее ущерб собственнику. Сегодня это невозможно сделать, потому что механизм преступных посягательств на вещные и обязательственные отношения не однотипен, он имеет свою специфику. По этой причине законодатель должен не стремиться к унификации и упрощению отражения имущественных посягательств на общественные отношения, а проводить четкую линию дифференциации возможных способов совершения преступлений, будь то в едином понятии хищения или в рамках самостоятельных составов преступлений, примыкающих к хищению.

¹⁴ См.: Петров С. Проблемы квалификации хищений при кредитном скоринге // Законность. 2019. № 6. С. 47.

Наверное, исследователя в этом отношении смутил п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором сказано, что «как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них». То есть изъятие при таком толковании рассматривается как сугубо физическое перемещение вещи в пространстве.

¹⁵ Петров С. Указ. соч. С. 10–51.

Примерно об этом же говорят некоторые белорусские коллеги, полагая, что при вводе в систему онлайн-кредитования не соответствующих действительности сведений о ее использовании иным лицом осуществляется введение в компьютерную систему ложной информации, что является компьютерным хищением (см.: Харчейкина Ю. В. Проблемы квалификации хищений в сфере онлайн-кредитования // Противодействие киберпреступности: современное состояние и пути повышения эффективности : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша [и др.]. Минск, 2020. С. 279–280).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов А. В. Квалификация мошенничества по уголовному законодательству России. — М., 2020. — 232 с.
2. Бойцов А. И. Преступления против собственности. — СПб., 2002. — 775 с.
3. Лавров Д. Г. Мошенничество глазами цивилиста. — М., 2019. — 168 с.
4. Петров С. Проблемы квалификации хищений при кредитном скоринге // Законность. — 2019. — № 6. — С. 47–51.
5. Скляр С. Обман при хищении // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 105–112.
6. Харчейкина Ю. В. Проблемы квалификации хищений в сфере онлайн-кредитования // Противодействие киберпреступности: современное состояние и пути повышения эффективности : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конференции / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша [и др.]. — Минск, 2020. — С. 276–280.
7. Хилюта В. В. Вопросы квалификации преступлений против собственности, не являющихся хищением. — Минск, 2013. — 150 с.
8. Хилюта В. В. Предмет преступления в судебной практике по делам о вымогательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2017. — № 5. — С. 75–81.
9. Хилюта В. В. Хищение как причинение ущерба и как противоправное изъятие: доктринальные и правоприменительные проблемы // Российский журнал правовых исследований. — 2020. — № 3. — С. 72–82.

Материал поступил в редакцию 10 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Arkhipov AV. Kvalifikatsiya moshennichestva po ugovnomu zakonodatelstvu Rossii [Fraud qualification under the criminal law of Russia]. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Boytsov AI. Prestupleniya protiv sobstvennosti [Property crimes]. St. Petersburg; 2002. (In Russ.).
3. Lavrov DG. Moshennichestvo glazami tsivilista [Fraud through the eyes of a civilist]. Moscow; 2019. (In Russ.).
4. Petrov S. Problemy kvalifikatsii khishcheniy pri kreditnom skoringe [Problems of qualification of theft in credit scoring]. *Legality*. 2019;6:47-51. (In Russ.).
5. Sklyarov S. Obman pri khishchenii [Deception in theft]. *Criminal Law*. 2020;5:105-112. (In Russ.).
6. Kharcheykina YuV. Problemy kvalifikatsii khishcheniy v sfere onlayn-kreditovaniya [Problems of qualification of embezzlement in the field of online lending]. In: Azemsh SYa et al, editors. *Countering cybercrime: current state and ways to improve efficiency: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Investigations. Com. of the Rep. of Belarus*. Minsk; 2020.
7. Khilyuta V. V. Voprosy kvalifikatsii prestupleniy protiv sobstvennosti, ne yavlyayushchikhsya khishcheniem [Issues of qualification of crimes against property that are not theft]. Minsk; 2013. (In Russ.).
8. Khilyuta VV. Predmet prestupleniya v sudebnoy praktike po delam o vymogatelstve [The subject of crime in judicial practice in extortion cases]. *Criminal Law and Criminology Library*. 2017;5:75-81. (In Russ.).
9. Khilyuta VV. Khishchenie kak prichinenie usherba i kak protivopravnoe izyatie: doktrinalnye i pravoprimeritelnye problemy [Theft as causing damage and as unlawful seizure: doctrinal and law enforcement problems]. *Russian Journal of Legal Research*. 2020;3:72-82. (In Russ.).

О связи правопонимания с политикой и экономикой

Аннотация. Статья посвящена фундаментальным вопросам современного правового регулирования, в частности его основаниям и пределам. Автор обосновывает позицию, согласно которой отсутствие определенных сущностных императивов права, позволяющих направлять и ограничивать функционирование публичных органов власти, иных субъектов, осложняет деятельность последних, допускает ее непоследовательность и стихийность, создает условия для восприятия права как своего рода «оформителя» экономических, политических и других отношений. Кроме того, по мнению автора, отсутствие единых концептуальных критериев при определении сущности права приводит к дисбалансу в общественных отношениях, к их турбулентности на всех уровнях (национальном, международном и др.) и в итоге пагубно отражается на жизнедеятельности и безопасности человека, общества и государства.

Отмечается, что на современном этапе развития цивилизации именно экономика с ее интересами и принципами выступает «нервом», главным движущим механизмом в вопросе признания статутности субъекта-государства. С точки зрения автора, экономические интересы и отношения сегодня формируют мировую повестку, задают тон политическим, правовым отношениям, а нередко и прямо корректируют ценностные основы иных социальных регуляторов.

Автор резюмирует, что в целом сложившаяся на международно-правовом пространстве ситуация, связанная с отсутствием общепризнанной доктрины правопонимания, а также с изменчивостью и противоречивостью взглядов в области прав и свобод человека, базирующихся на естественно-правовом подходе, дает возможность некоторым субъектам в процессе их политической деятельности произвольно толковать и навязывать те или иные решения и позиции, исходя из собственных ресурсов и потенциала, то есть позволяет узурпировать право, сделать его инструментом манипуляций и шантажа в области политики, экономики, культуры, экологии и т.д. с целью создания наиболее выгодных условий и получения ожидаемых результатов.

Таким образом, естественно-правовой подход к праву, с одной стороны, нуждается в переосмыслении, трансформации, с другой — в доработке либо в детальном анализе с целью его учета при построении оригинальной концепции правопонимания.

Ключевые слова: правопонимание; экономика; право; политика; философия права; сохранение природы человека; естественное право; толкование права; публичная власть.

Для цитирования: Гильмуллин А. Р. О связи правопонимания с политикой и экономикой // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 80–88. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.080-088.

© Гильмуллин А. Р., 2021

* Гильмуллин Айнура Разифович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008

gilmullinainur@yandex.ru

On the Connection between Legal Understanding and Politics and Economics

Aynur R. Gilmullin, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
gilmullinainur@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the fundamental issues of modern legal regulation, in particular, its grounds and limits. The author substantiates the position according to which the absence of certain essential imperatives of law that help direct and restrict the functioning of public authorities and other subjects, complicates the activities of the latter, concedes its inconsistency and spontaneity, creates conditions for the perception of law as a kind of "designer" of economic, political and other relations. According to the author, the lack of unified conceptual criteria in determining the essence of law leads to an imbalance in public relations, to their turbulence at all levels (national, international, etc.) and as a result has a detrimental effect on the life and security of a person, society and the state.

The author notes that at the present stage of civilization development, it is the economy with its interests and principles that acts as the "nerve", as the main driving mechanism in recognizing the status of the subject state. From the author's point of view, economic interests and relations today form the world agenda, set the tone for political and legal relations, and often directly correct the value bases of other social regulators.

The author summarizes that in general, the current situation in the international legal space, associated with the lack of a generally recognized doctrine of legal understanding alongside the variability and inconsistency of views in the field of human rights and freedoms based on the natural law approach, allows some subjects to arbitrarily interpret and impose certain decisions and positions in the course of their political activities, based on their own resources and potential. This supports law usurpation, making it an instrument of manipulation and blackmail in the field of politics, economics, culture, ecology, etc. in order to create the most profitable conditions and obtaining the expected results.

Thus, the natural law approach, on the one hand, needs to be rethought, transformed, on the other hand, it needs to be refined or analyzed in detail when building an original concept of legal understanding.

Keywords: legal understanding; economics; law; politics; philosophy of law; preservation of human nature; natural law; interpretation of law; public power.

Cite as: Gilmullin AR. O svyazi pravoponimaniya s politikoy i ekonomikoy [On the Connection between Legal Understanding and Politics and Economics]. *Lex russica*. 2021;74(8):80-88. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.080-088. (In Russ., abstract in Eng.).

Отсутствие в теории и практике общего подхода к пониманию права в целом является негативным фактором, допускающим произвольное принятие, применение и толкование юридических актов представителями органов публичной власти, а также усложняющим процесс право-реализации в отношении иных членов общества и государства.

Данная проблема не только актуальна в рамках национального правового регулирования, но и прямо транслируется на международные отношения и внешнюю политику государств. Отсутствие единых концептуальных критериев при определении сущности права приводит к дисбалансу в общественных отношениях, их турбулентности на всех уровнях (национальном, международном и др.) и в итоге пагубно отражается на жизнедеятельности и безопасности человека, общества и государства.

Как показывает международная правовая практика, в процессе межгосударственного регулирования общественных отношений и разрешения тех или иных конфликтных, спорных ситуаций в первую очередь между государствами возникают принципиальные разногласия по тем или иным концептуальным вопросам в различных областях (экономика, законодательство, экология, безопасность и пр.). Разумеется, в таких ситуациях каждая из сторон старается исходить из собственных интересов, потенциала и сил (могущества), своего понимания права и отстаивать те или иные категории и принципы. Аналогичные негативные подходы распространены и в области применения, толкования юридических документов в процессе международной судебной деятельности. В целом, как отмечает В. Н. Жуков, «современную международную жизнь определяет не культура в форме права или высокой гуманистической

морали, а примитивные животные механизмы, приправленные респектабельной политической пропагандой»¹.

В настоящее время в практике международного взаимодействия вопрос правопонимания, а точнее место и роль «прав человека», государственная система их признания и защиты, является своего рода лакмусовой бумажкой при вступлении, интегрировании того или иного государства в содружество развитых демократических стран. Официально от того, какое содержание и значение имеют права человека в государственном образовании, каково в нем отношение к международным ценностям, подкрепляющим международное право в области прав человека (values underpinning international human rights law), и каков уровень свободного развития личности, непосредственно зависит место государства на международной политической, экономической и культурной арене, его роль в процессе взаимодействия стран. Кроме того, как показала практика международной экономической интеграции в некоторых локациях, именно наличие таких ценностей, как права человека, уровень демократического устройства и управления, доступность правосудия, верховенство закона, является определяющим фактором при выстраивании стратегических отношений между государствами, союзами и т.д. Иллюстрациями к данному утверждению могут служить Копенгагенские критерии вступления стран в Европейский Союз (ЕС), основанные на принципах демократии, свободы и уважения прав человека, правового государства, защиты прав меньшинств, рыночной экономики и т.д., а также преамбула Договора о Евразийском экономическом союзе, в которой отмечено, что члены Союза договорились действовать, в том числе «руководствуясь принципом суверенного равенства государств, необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина...»². То есть проводимая европейскими и евразийскими государствами социальная, правовая, экономическая и культурная политика, наряду с другими положениями, требует от государств, претендующих на место в ряду вышеназванных стран,

а также на включение в европейское или евразийское экономическое сообщество, наличия связанных с правами человека ценностей, их признания, соблюдения и защиты. Наглядным примером является ситуация с приобретением Украиной полноправного членства в ЕС. Как отмечали средства массовой информации, «для вступления в ЕС Украина должна соответствовать политическим и экономическим условиям, общеизвестным как Копенгагенские критерии: стабильное демократичное правительство, признающее верховенство закона и соответствующих свобод и институтов»³.

Стоит отметить, что следствием рассмотренных выше особенностей международно-правовой интеграции являются как позитивные, так и негативные сценарии развития общественных отношений. К позитивным тенденциям можно отнести то, что система обеспечения и защиты прав человека устанавливается на высоком международном уровне; международные интеграции создают ценностные стимулы и принципы, задают правовые стандарты защиты прав человека и побуждают другие страны разделить выработанную в ходе такого взаимодействия точку зрения на права человека. Следовательно, они ориентируют страны-кандидаты на человекоцентристское правопонимание и демократическое, либеральное устройство общества и государства.

В качестве негативного фактора в первую очередь стоит выделить абстрактно-декларативную форму выражения прав человека. То есть из-за отсутствия общепризнанной концепции правопонимания, во-первых, возрастают риски произвольного толкования прав человека и монополизма в вопросе их понимания с опорой на силу, ресурсы и т.д., во-вторых, имеет место нерациональное (произвольное), в ряде случаев популистское расширение прав человека, не имеющее никакого научного обоснования и целесообразности. Данные негативные факторы могут проявляться как на уровне международных отношений, так и на уровне национальных государств. В качестве примера можно привести критику А. Дайси, который, анализируя требование о закреплении в законе свободы слова, говорил, что в таком случае

¹ Жуков В. Н. Философия права : учебник для вузов. М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. С. 407.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: eec.eaeunion.org (дата обращения: 09.04.2021).

³ Одни проблемы: что мешает Украине попасть в ЕС // URL: https://news.rambler.ru/world/43575853/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.04.2021).

можно прийти до требования закрепить в законе право завязывать шнурки на ботинках⁴.

Кроме того, как известно, в основном процессы международно-правовой интеграции опосредованы стремлением государств к установлению международной экономической интеграции, то есть к сотрудничеству и взаимодействию для создания взаимовыгодного «общего рынка» с целью развития региональной экономики, повышения благосостояния и конкурентоспособности своих государств, создания противовесов для государств-конкурентов и т.д. Тенденция применения ко всему так называемого экономического подхода именуется в науке «экономическим империализмом»⁵. Стремление к экономическому доминированию в мире одной страны или интеграционного образования продиктовано их желанием приобрести превалирующий статус, играть ключевую роль в мировой политике. Как указывает экономист Р. Франк, «многое из относимого нами к экономическому интересу на самом деле есть требование признания статуса, или того, что он называет позиционными благами»⁶.

Именно в таких случаях, на наш взгляд, возрастают риски произвольного (в том числе неправового) принятия решений и совершения действий. В целях легализации (узаконивания) экономические отношения, решения и действия, независимо от их уровня (национальные, международные), неизменно нуждаются во взаимодействии с правом. В борьбе за лидерство в мировой экономике некоторые страны, экономические интеграции и глобальные корпорации в целях сохранения и наращивания своего экономического могущества и статуса прибегают к различным интерпретациям международного права, манипулируют

им либо вовсе игнорируют его. Очевидно, что доминирование страны в мировой экономике и, соответственно, преимущество, вытекающее из такого доминирования, позволяют заранее переводить переговорный процесс на совершенно другой, неравный, преимущественный уровень. Как отмечают эксперты, «Америка располагает доминирующей переговорной позицией в торговых спорах с любой страной мира (или группой стран). Во многом это следствие того, что экономическая зависимость США от внешнего мира существенно ниже, чем у других государств»⁷. Такое доминирование позволяет властным структурам США прямо высказывать свои амбиции: «Я верю в исключительность Америки всеми фибрами души»⁸, тем самым, по мнению В. Д. Зорькина, объявляя американцев и Америку «гораздо более равными», чем всё остальное население и все страны нашей планеты⁹. Американский профессор Школы государственного управления имени Кеннеди при Гарвардском университете Стивен М. Уолт, рассуждая об исключительности Америки, заметил следующее: «Рональд Рейган говорил согражданам, что Америка появилась на свете по “Божьему промыслу”, и как-то процитировал слова Папы Пия XII: “Америке вручил Господь судьбы многострадального человечества”. Однако американцам стоило бы прислушаться и к предостережению Авраама Линкольна, который говорил: “Больше всего нас должен волновать вопрос: ‘А сами мы на стороне Бога?’”»¹⁰, тем самым давая понять американцам, что следует начать с куда более скептического взгляда на саму идею «американской исключительности».

Таким образом, сегодня наравне с вопросами обороны и безопасности, культурно-этниче-

⁴ См.: Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. М. : Норма, 2004. 832 с.

⁵ См.: Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003 ; Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993 ; Он же. Природа фирмы. М., 2001.

⁶ Цит. по: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ : Люкс, 2004. С. 46.

⁷ Королев И. С. Америкоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты) // Анализ и прогноз. 2020. № 1. С. 13.

⁸ Цит. по: Воробьев В. Какой покой несет миру Обама: США берут на себя исключительную роль нации — создателя нового миропорядка // Российская газета. 2014. № 133 (6405). URL: <https://rg.ru/2014/06/18/obama.html> (дата обращения: 09.04.2021).

⁹ Зорькин В. Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2019. С. 131.

¹⁰ Минин Д. Вера американцев в свою исключительность: от Обамы до Маккейна // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2013/09/22/vera-amerikancev-v-svoju-iskluchitelnost-ot-obamy-do-makkejna-22978.html> (дата обращения: 11.03.2021).

ской близости в первую очередь именно экономика с ее интересами и принципами выступает «нервом», главным движущим механизмом в вопросе признания статности субъекта-государства. Экономические интересы и отношения формируют мировую повестку, задают тон политическим, правовым отношениям, а нередко и прямо корректируют ценностные основы иных социальных регуляторов. Рассуждая о современном миропорядке, первый президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали в своей книге «Краткая история будущего» лаконично констатирует: «Ситуация проста: нашим миром правят рыночные механизмы».

На наш взгляд, сложившаяся экономическая конъюнктура, а именно ее отношение к праву как нормативному средству для оформления тех или иных экономических и политических отношений, не может не вызывать вопросов и опасения, и, самое главное, обусловлена она не отказом от права как элемента культуры всей цивилизации, а отсутствием системного, концептуального понимания сущности права, его меры (границ). То есть существующие формальные права человека не позволяют идентифицировать право как онтологический, гносеологический феномен, имеющий собственное, присущее только ему содержание. Отсутствие определенных сущностных императивов права (и, следовательно, концепции правопонимания), предоставляющих возможность направлять, ограничивать функционирование публичных органов власти и других субъектов, осложняет деятельность последних, допускает ее непоследовательность и стихийность, позволяет им относиться к праву как к своего рода «оформителю» экономических, политических и иных отношений.

Кроме того, «правильная» с точки зрения экономических принципов (законов) интерпретация абстрактных естественных прав позволяет субъектам создать выгодные, необходимые им юридические условия, обосновать те или иные принимаемые в области экономики решения как на уровне частного партнерства, так и на уровне публичных отношений.

Как известно, еще К. Маркс рассматривал экономику как базис общества, а право — как часть его надстройки. Совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка», писал К. Маркс¹¹. Соответственно, право признавалось вторичным по сравнению с экономическими отношениями; масштабные изменения в экономике неизбежно влекли за собой изменения в правовом регулировании¹². По мнению Г. А. Гаждиева, в XX в. экономистами был брошен сильнейший вызов нашей догматической юриспруденции: «Мы смотрим на право с нашей экономической точки зрения и видим, что надо извлечь из права основной стержень. Надо извлечь вашу ориентировку только на идеи справедливости. А вместо справедливости вставить другой основополагающий стержень — экономическую эффективность. И тогда все встанет на место. И тогда право станет более совершенным»¹³.

Большинство современных государств в вопросах установления и развития экономики исходят из построения свободных рыночных отношений с минимальной ролью государства, которое якобы посредством юридических средств (поддержка конкуренции, равенство форм собственности, запрет монополизации и т.д.) должно выступать в роли «ночного сторожа», то есть обеспечивать лишь функционирование рыночной экономики (Дж. Хикс, Ф. Хайек). Как отмечается в литературе, «в рыночной модели экономики государственное регулирование сферы производства и распределения товаров и услуг сведено до минимума. Это обеспечивает простор личной инициативы и развивает в гражданах творческое отношение к созидательной деятельности, а заинтересованность в ее результатах позволяет повысить ответственность индивидуума за свои решения. Автономия производителей от государства и личная ответственность за результаты заставляет их работать с полной отдачей сил, на свой страх и риск»¹⁴. В целом позитивно оценивая

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 6–7.

¹² Пашенцев Д. А., Залозило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: ИЗИСП: Норма: Инфра-М, 2021. С. 6.

¹³ Цит. по: Пути развития философии права в России: круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН (Москва, 7 декабря 2016 г.) // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 13.

¹⁴ Алпатов А. А. Право и экономика: вопросы соотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 6–7.

экономические отношения, важно подчеркнуть, что экономическое развитие является своего рода локомотивом прогресса, ресурсным инструментарием для повышения качества и уровня жизни человека и общества, а также способствует достижению высокого уровня конкурентоспособности государства, расширяет его трудовой потенциал. Как известно, экономические отношения базируются в том числе на так называемых экономических законах (принципах) роста производительности труда, экономии времени, денежного обращения и т.д., выступающих своего рода привычными образцами поведения в данной области. При этом, как отмечается в литературе, «экономическими теоретиками современности пишется множество исследований, доказывающих, что единственная забота актора-предпринимателя — это прибыльность его деятельности... и что он будет тем успешнее, чем меньше станет вспоминать о морали и каких-либо социальных последствиях своих действий»¹⁵. Как пишет немецкий философ Юрген Хабермас, «рыночный язык проник сегодня во все поры, он загоняет все межчеловеческие отношения в схему эгоистической ориентации на собственные предпочтения каждого»¹⁶. Таким образом, нельзя не отметить тот факт, что произвольные (то есть никак не контролируемые императивами права) экономические отношения, их интересы и принципы формируют непредсказуемые ценности и нормы поведения.

Казалось бы, естественно-правовые принципы и ценности, одобренные большинством мирового сообщества и принятые однажды (как ответ произволу и несправедливости) в форме фундаментальных документов (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах) на самом высоком международном уровне (ООН), должны: преграждать путь к узурпации права, правовой дискриминации; содержать эффективные юридические механизмы и институты, не позволяющие переходить границы правовых установлений, и выступать эффективным регулятором; обеспечивать равенство и побуждать к устройству справедливого общества и государства. Вместо этого, как отмечается в правовой доктрине,

права и свободы человека, базирующиеся на естественно-правовом подходе, под влиянием глобализации, интеграции, унификации и постмодернизма переживают очередную трансформацию своего содержания, наблюдается дезинтеграция и разобщенность позиций в вопросах их понимания.

На наш взгляд, для доктрины естественного права характерна изменчивость, противоречивость. В процессе исторического развития содержание и перечень естественных прав видоизменялись и пополнялись новыми доктринальными положениями и выводами, содержащими представления о новых свободах (принципах, ценностях), что осложняло идентификацию сущности естественного права как самостоятельного нормативного (общеобязательного) социального регулятора. Указанные проблемы стали следствием отсутствия концептуально-теоретического подхода к пониманию сущности и формы естественного права (как известно, авторы концепции естественного права также оставили открытым вопрос о формальном выражении естественного права). Как точно отметил в этой связи Г. Кельзен, «представители этого учения провозглашали не одно естественное право, но множество разных, противоречащих друг другу естественных прав»¹⁷. Кроме того, отсутствие единой стержневой идентичности и научной консолидации в вопросах определения сущности и формы естественного права и в целом правопонимания в конечном итоге создало сумбур прав и привело к хаосу, что на современном этапе позволяет произвольно и спекулятивно подходить к их содержанию и, следовательно, к официальному установлению, применению и толкованию. В частности, философы и юристы обращают внимание на следующие тревожные факторы, обусловленные феноменом прав человека. Так, академик А. В. Смирнов в одном из интервью справедливо задается вопросом: «Международное право, которое олицетворял собой Запад, в то время как коммунистические страны, говорили нам, действуют вразрез с международным правом. А сегодня разве этот правовой дискурс в ходу у наших западных друзей? Нет, конечно. Сегодня говорят не о праве, а о правилах поведения — кто себя хорошо ведет, кто плохо. Россия “должна изменить свое

¹⁵ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. М. : Весь мир, 2002. С. 126.

¹⁷ Цит. по: Хабермас Ю. Указ. соч. С. 277.

поведение”, говорят нам. А кто будет определять, какое поведение хорошее, а какое дурное? В результате того, что мир перестал быть биполярным, мы переживаем очень опасный, мне кажется, период, когда возможна узурпация права на истину со всеми вытекающими последствиями»¹⁸. Академик В. Н. Руденко отмечает, что «ранее стабильные согласительные политические системы были ввергнуты в полосу глубокого кризиса, создавшего благодатную почву для современного европейского популизма»¹⁹. «Популистские сценарии защиты прав человека в условиях этого кризиса являются по большей части экстремистскими модернизационными проектами со смутными перспективами реализации»²⁰.

Отсутствие концептуальной, общепризнанной доктрины естественного права и наличие разобщенных, противоречащих друг другу позиций относительно естественных прав закладывает целый ряд угроз для человека и общества. В частности, посредством произвольной интерпретации не исключены: дискредитация первоначального, исходного смысла и назначения естественного права; создание очередных субъективистских, нерациональных (неправовых) свобод, новых прецедентных практик под эгидой естественного права, не имеющих ничего общего с подлинными правами человека и нарушающих их.

Монополизация понимания и толкования прав человека может являться своего рода основанием для манипуляций и шантажа в области политики, экономики, культуры, экологии и т.д. с целью создания наиболее выгодных условий и достижения ожидаемых результатов, что не имеет ничего общего с соблюдением подлинных прав человека. Об этом, в частности, еще в конце XX в. говорил американский правовед Г. Дж. Берман: «Право, раньше казавшееся “естественным”, оказывается всего лишь “западным”»²¹.

Таким образом, не исключено, что для некоторых субъектов в процессе их политической деятельности отсутствие доктрины правопонимания может быть «удобным», и это обстоя-

тельство оценивается ими позитивно (с позиции «нет закона — нет греха»), поскольку позволяет произвольно толковать и навязывать те или иные решения и позиции, исходя из собственных ресурсов и потенциала, то есть узурпировать право, сделать его инструментом для манипуляций.

Вышеприведенные факторы, являющиеся небольшой частью современных вызовов, возникающих с правовой точки зрения, а точнее с позиции теории и философии права, обусловлены, как было отмечено в самом начале анализа, отсутствием признанной на глобальном (международном) уровне концепции (теории) правопонимания. Доминирующий, согласно основополагающим документам международного уровня, естественно-правовой подход к праву как фундаментальному инструменту для построения мирного, гуманного миропорядка сегодня, с одной стороны, нуждается в переосмыслении, трансформации, с другой — в доработке либо в детальном анализе с целью его учета при построении оригинальной концепции правопонимания.

На наш взгляд, оригинальная концепция правопонимания должна содержать правовые императивы, выраженные в равной форме свободы ответственности, способные сдерживать появление негативных факторов, опосредованных в том числе экономическими отношениями. Вне зависимости от значения экономического эффекта, экономической эффективности, прибыльности и пользы (в том числе частной или публичной) недопустимо пренебрегать (игнорировать, квазиинтерпретировать) императивами права. Иначе это приведет к произволу, дискредитации принципов верховенства и господства права. Право императивно, общеобязательно и непоколебимо, оно должно выступать правовым критерием для позитивного закона государства, а также для всех экономических, политических и иных категорий, таких как «польза», «правила», «эффективность», «востребованность» и пр. В этом заключается стабильность и эффективность правовой системы общества. Как точно наставлял И. Кант, «право

¹⁸ Цит. по: Новое измерение в науке // В мире науки. 2020. № 1–2. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/novoe-izmerenie-v-nauke-v-mire-nauki-1-2-2020> (дата обращения: 02.03.2021).

¹⁹ Руденко В. Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 144.

²⁰ Руденко В. Н. Указ. соч. С. 149.

²¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : Инфра-М — Норма, 1998. С. 48.

человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой); всей политике следует преклонять колени перед правом»²².

Безусловно, речь не идет о тотальном контроле за экономическим развитием, в том числе за материальным состоянием человека. Подобное регулирование являлось бы неправовым, поскольку право как равная форма сво-

боды и ответственности должно обеспечивать и, более того, поддерживать добросовестную конкуренцию как фактор и стимул для всеобщего развития и прогресса, как естественное проявление природы человека. Однако в целях недопущения установления произвольного правового регулирования закон, выраженный в равной форме свободы и ответственности, должен основываться на императиве сохранения природы человека, то есть форма равенства должна быть рациональной, а не в виде «сплошной» уравниловки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алпатов А. А. Право и экономика: вопросы соотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 4. — С. 3–22.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — 2-е изд. — М. : Изд-во МГУ : Инфра-М — Норма, 1998. — 624 с.
3. Жуков В. Н. Философия права : учебник для вузов. — М. : Мир философии ; Алгоритм, 2019. — 559 с.
4. Зорькин В. Д. Право против хаоса. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2019. — 368 с.
5. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. — М., 1994. — Т. 1. — 584 с.
6. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. — М. : Норма, 2004. — 832 с.
7. Королев И. С. Американцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты) // Анализ и прогноз. — 2020. — № 1. — С. 12–22.
8. Новое измерение в науке // В мире науки. — 2020. — № 1–2.
9. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. — М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2021. — 184 с.
10. Пути развития философии права в России: круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН (Москва, 7 декабря 2016 г.) // Российский журнал правовых исследований. — 2017. — № 1 (10). — С. 9–49.
11. Руденко В. Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. — 2019. — Т. 19, вып. 4. — С. 138–155.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее : Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. — М. : АСТ : Люкс, 2004. — 352 с.
13. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. — М. : Весь мир, 2002. — 144 с.
14. Чанг Ха-Джун. Как устроена экономика / пер. с англ. Е. Ивченко ; науч. ред. Э. Кондукова. — 7-е изд., доп. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 21 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Alpatov AA. Pravo i ekonomika: voprosy sootnosheniya [Law and economics: Issues of correlation]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2010;4:3-22. (In Russ.).
2. Berman GJ. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [The Western tradition of law: the age of formation]. Moscow: MSU: Infra-M — Norma; 1998. (In Russ.).
3. Zhukov VN. Filosofiya prava: uchebnik dlya vuzov [Philosophy of Law: A textbook for universities]. Moscow: The world of philosophy; Algoritm; 2019. (In Russ.).

²² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. Т. 1. С. 461.

4. Zorkin VD. Pravo protiv khaosa [Law against chaos]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: Infra-M; 2019. (In Russ.).
5. Kant I. Sochineniya na nemetskom i rusском yazykakh [Essays in German and Russian]. Moscow; 1994. Vol. 1. (In Russ.).
6. Baglaya MV, Leybo Yul, Entin LM, editors. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: uchebnyk dlya vuzov [Constitutional law of foreign countries: A textbook for universities]. Moscow: Norma; 2004. (In Russ.).
7. Korolev IS. Amerikanotsentrizm i mnogopolyarnost v globalnoy ekonomike (torgovo-politicheskiy i finansovyy aspekty) [Americanocentrism and multipolarity in the global economy (trade, political and financial aspects)]. *Analiz i prognoz [Analysis and forecasting]*. 2020;1:12-22. (In Russ.).
8. Novoe izmerenie v nauke [A new dimension in science]. *V mire nauki [In the world of science]*. 2020;1-2. (In Russ.).
9. Pashentsev DA, Zaloilo MV, Dorskaya AA. Smena tekhnologicheskikh ukhlovov i pravovoe razvitiye Rossii [The change of technological patterns and the legal development of Russia]. Moscow: IZiSP: Norma: Infra-M; 2021. (In Russ.).
10. Puti razvitiya filosofii prava v Rossii: kruglyy stol Mezhdistsiplinarnogo tsentra filosofii prava Instituta filosofii RN (Moskva, 7 dekabrya 2016 g.) [Ways of development of the philosophy of law in Russia: Round table of the Interdisciplinary Center for the Philosophy of Law of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, December 7, 2016)]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Research]*. 2017;1(10):9-49. (In Russ.).
11. Rudenko VN. Populistskiy kontsept zashchity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitelnykh politicheskikh sistem [Populist concept of human rights protection in the context of the crisis of conciliatory political systems]. *Antinomii [Antinomies]*. 2019;19(4):138-155. (In Russ.).
12. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii [Our Posthuman Future: The Consequences of the Biotechnological Revolution]. Transl. by Levin MB. Moscow: AST: Lux; 2004. (In Russ.).
13. Habermas J. Budushchee chelovecheskoy prirody [The future of human nature]. Transl. from Germ. Moscow: Ves mir; 2002. (In Russ.).
14. Chang Ha-Joon. Kak ustroena ekonomika [How the economy works]. Transl. from Eng. by Ivchenko E. 7th ed., suppl. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2020. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.089-098

О. Ю. Котов*

Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда

Аннотация. Статья посвящена отдельным положениям чистого учения о праве (нормативизма) Ганса Кельзена. На основе анализа правовых и доктринальных источников предпринята попытка поиска наиболее точного понятия статуса решений конституционного суда как судебного органа конституционного контроля; предпринята попытка также рассмотреть логику Ганса Кельзена, его опыт работы. Хотя в отдельных случаях в рассмотренных работах Ганс Кельзен не дает прямого ответа на обозначенной проблематике. Автором изучены труды Ганса Кельзена, в частности «Частое учение о праве, справедливость и естественное право» (1987). Здесь речь идет о разделе 5 «Динамический аспект права». Раздел был включен в качестве приложения ко второму изданию Чистого учения о праве... «Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция)» (2007). И ряд его зарубежных изданий.

Выявление теоретических основ для четкого определения границы между нормотворчеством и правоприменением является одной из важнейших проблем права. Особый интерес вызывает положение органов конституционного контроля. Статус конституционного суда как судебного органа конституционного контроля предполагает общеобязательность его актов на всей территории государства. Внимания заслуживает вопрос о юридической природе этих решений, который в российской науке изначально относился к числу дискуссионных. Многолетние споры, однако, не дали положительных результатов, не выявили фундаментальных основ, опираясь на которые можно было бы развивать учение о гарантиях конституции. Так, решения конституционного суда приравниваются и к правоприменительным актам, и к источникам права, существующим в форме прецедента или даже в форме особого нормативного акта.

Ключевые слова: конституционный суд; гарантия конституции; статический и динамический принципы; трансцендентально-логическое явление; процесс создания права; независимость; централизация; неподчиненность; право; закон; законодательство.

Для цитирования: Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 89–98. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.089-098.

Hans Kelsen's Normative Theory as a Basis for Understanding the Legal Nature of the Constitutional Court Acts

Oleg Yu. Kotov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
extra31@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to certain provisions of the Hans Kelsen's pure doctrine of law (normativism). Based on an analysis of legal and doctrinal sources, the author attempts to find the most accurate concept for the status of decisions of the constitutional court as a judicial body of constitutional control.

© Котов О. Ю., 2021

* Котов Олег Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
extra31@yandex.ru

The identification of the theoretical foundations for a clear definition of the boundary between rule making and law enforcement is one of the most important problems of law. The situation of the constitutional control bodies is of particular interest. The status of the constitutional court as a judicial body of constitutional control implies that its acts are generally binding on the entire territory of the state. The question of the legal nature of these decisions, which in Russian science initially belonged to the number of debatable ones, deserves attention. Long-term disputes, however, have not yielded positive results; have not revealed the fundamental foundations on which it would be possible to develop the doctrine of the guarantees of the constitution. Thus, the decisions of the constitutional court are equated with both law enforcement acts and sources of law that exist in the form of a precedent or even in the form of a special normative act.

Keywords: constitutional court; guarantee of the constitution; static and dynamic principles; transcendental-logical phenomenon; the process of creating law; independence; centralization; insubordination; law; law; legislation.

Cite as: Kotov OYu. Normativistskaya teoriya Gansa Kelzena kak osnova dlya ponimaniya pravovoy prirody aktov konstitutsionnogo suda [Hans Kelsen's Normative Theory as a Basis for Understanding the Legal Nature of the Constitutional Court Acts]. *Lex russica*. 2021;74(8):89-98. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.089-098. (In Russ., abstract in Eng.).

Выявление теоретических основ для четкого определения границы между нормотворчеством и правоприменением является одной из важнейших проблем права. А расположение органов конституционного контроля вызывает особый интерес.

Статус конституционного суда (далее также — КС, суд) как судебного органа конституционного контроля предполагает общеобязательность его актов на всей территории государства. Внимания заслуживает вопрос о юридической природе этих решений, который в российской науке изначально относился к числу дискуссионных¹. Многолетние споры, однако, не дали положительных результатов. Они не выявили тех общепризнаваемых фундаментальных основ, опираясь на которые можно было бы развивать учение о гарантиях конституции.

Так, решения КС приравниваются и к правоприменительным актам, и к источникам права, существующим в форме прецедента, или даже к форме особого нормативного акта².

Подобное многообразие точек зрения существует благодаря отсутствию общих методологических подходов к объекту исследования. У исследователей нет единой базы, акты суда исследуются с разных позиций, к ним применяются разные термины, иногда авторы вкладывают в термины свое, «новое» содержание³.

В данной статье предлагается посмотреть на сущность решений КС глазами теории, детищем которой он является, т. е. нормативизма.

Институт судебного конституционного контроля был впервые нормативно закреплен Конституцией Австрии 1920 г.⁴, отдельные проекты закона были подготовлены профессором

¹ См., например: *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1998. С. 206; *Власенко Н. А., Гринева А. В.* Судебные правовые позиции (основы теории). М., 2009. С. 140–149; *Гаджиев Г. А.* Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации. М., 1995. С. 216–217; *Гаджиев Х. И.* Проблемы толкования Конституции и законов Конституционным Судом. М., 2001. С. 186–203; *Ершов В. В.* Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // *Российское правосудие*. 2006. № 5. С. 9; *Зорькин В. Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2004. № 12; *Котов О. Ю.* Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. М., 2002. С. 47–58; *Кряжков В. А., Лазарев Л. В.* Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998. С. 236–246; *Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева*. М., 2005. С. 184–185; *Теория государства и права / под общ. ред. проф. О. В. Мартышина*. М., 2007. С. 285; *Лучин В. О., Доронина О. Н.* Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М., 1998. С. 124–126; *Морщакова Т. Г.* Разграничение компетенции между Конституционным Судом РФ и другими судами Российской Федерации // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1996. № 6. С. 29; *Хабриева Т. Я.* Толкование Конституции: теория и практика. М., 1998. С. 10–15, 23–25, 31, 64; *Эбзеев Б. С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 162–165.

² См., например: *Бондарь Н. С.* Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // СПС «Гарант».

³ Об этом подробнее см.: *Котов О. Ю.* Влияние решений Конституционного Суда России ... С. 47–58.

⁴ Конституционному суду посвящены ст. 137–148 Конституции Австрии от 10.11.1920 (см.: URL: https://constitutionnet.org/sites/default/files/Austria%20_FULL_%20Constitution.pdf (дата обращения:

Гансом Кельзеном, виднейшим представителем нормативизма, или чистой теории права⁵. Г. Кельзен был членом этого первого в мире конституционного суда⁶.

Для выявления сущности актов конституционного суда попытаемся разобраться в природе самого этого органа. Нас, в частности, интересует, почему для охраны конституции Г. Кельзен выбрал именно судебную форму и какое содержание ученый вкладывал в выбранную им форму⁷.

Охрана конституции судом была выбрана Г. Кельзеном неслучайно. Из всех гарантий защиты конституции судебная, по его мнению, является самой эффективной.

В работе «Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция)»⁸ он предъявляет ряд требований к суду:

1. Независимость. Только суд является органом, независимым от исполнительной и законодательной власти. Суд при исполнении своих функций⁹ не связан никакими приказами других органов — как вышестоящих, так и принадлежащих к другой группе власти. Суд связан только законами и актами органов исполнительной власти, т. е. общими нормами.

2. Неподчиненность. Вопрос о правомерности или неправомерности актов публичной

власти должен решать субъект права, на которого эти акты не распространяются. Это может быть орган публичной власти, который издал этот акт, либо иной орган, решения которого можно добиться с помощью определенной процедуры¹⁰.

Кельзен возражает против возможности отмены акта органом, его издавшим¹¹, отмечая, что обращение о проверке акта к автору этого акта обязывает этот орган лишь начать процедуру проверки, но не обязывает такую процедуру заканчивать. Отмена автором своего неправомерного акта зависит только от усмотрения самого автора.

Симбиоз двух указанных случаев, когда вопрос о неправомерности решает один орган, а отмену совершает другой, Г. Кельзен тоже не считает достаточной гарантией. Надлежащая гарантия есть только тогда, когда независимый орган может проверить акт и по итогам такой проверки его отменить.

3. Централизация. Власть по отмене неправомерных актов должна принадлежать централизованному органу. В этом смысле передача полномочий обычным судебным органам чревата недостатками единства судебных решений и непредсказуемостью права. Иными словами, один суд отказывает в применении неправомерных актов.

06.12.2020)). Историю КС Австрии см.: URL: https://www.vfgh.gv.at/verfassungsgerichtshof/geschichte/geschichte_ueberblick.de.html (дата обращения: 01.01.2020).

«В реформе Кельзен с 1918 по 1921 г. принимает деятельное участие в разработке Основного закона Австрии. Он подготавливает несколько проектов конституционных законов, элементы которых частично вошли в принятый... Основной закон Австрии... Одним из таких элементов стал параграф главы «О гарантиях конституции и управления», где была закреплена предложенная Кельзеном идея и схема судебного конституционного надзора. В 1921 г. Кельзен назначается на должность судьи Конституционного суда Австрии, на которой он состоит до 15 февраля 1930 г.» (см.: Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1, январь — март).

⁵ См.: Дидикин А. Б. Философское и правовое наследие Ганса Кельзена : сборник статей и материалов. Издательские решения, 2018 // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34109210 (дата обращения: 02.07.2020).

⁶ См.: Нешвара Х. Кельзен — судья конституционного суда. Его роль в спорных вопросах о браках, заключенных с особым разрешением // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Мы понимаем, что Г. Кельзен был знаком с отдельными проектами конституционной юстиции в мире. Так, в начале 1790-х гг. во Франции был подготовлен, но не был принят закон о «стражах конституции» (см.: Крутоголовов М. А. Конституционный Совет Франции. Организация и правовые аспекты деятельности // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=663> (дата обращения: 05.03.2021)). Верховный суд США своим решением 1803 г. ввел исключительно важное полномочие по толкованию Конституции (см., например: Левчук С. В. Роль Верховного суда в развитии основ конституционного строя в США // Вестник РГГУ. Серия : Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 102).

⁸ Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. № 8, 9 (автор перевода — Д. В. Даниленко).

⁹ См.: Кельзен Г. Судебная гарантия конституции. С. 9.

¹⁰ См.: Кельзен Г. Судебная гарантия конституции. С. 10.

¹¹ См.: Кельзен Г. Судебная гарантия конституции. С. 12.

мерного закона в конкретном деле, а другой в сходном случае его применяет. Г. Кельзен считает, что отмена общей нормы обычным судом должна быть ограничена конкретным случаем. Суды могут отказать в применении нормы только в конкретном деле. Но в том, что касается остального, норма остается в силе и должна быть применена к другим случаям.

Если же орган централизован, то его право по отмене акта может и не ограничиваться его отменой в конкретном случае. В этой ситуации возможно установить полную отмену, т. е. в отношении всех случаев, к которым такая норма может быть применена. Такая власть может принадлежать только высшим центральным органам¹².

Итак, эти рассуждения и привели Г. Кельзена к выводу, что наилучшей гарантией конституции будет специальный судебный орган — конституционный суд¹³.

На вопрос о решениях конституционного суда, или же о сущности КС, сам Кельзен, мы так понимаем, ответа прямо не дает. Г. Кельзен касается его только вскользь, высказав противоречивые мысли относительно места конституционного суда в системе разделения властей. Автор утверждает: «...отмена закона есть установление общей нормы, то эта функция имеет такой же общий характер, как и его создание, и отличается только своим негативным значением, то есть она является также законодательной функцией. Суд, имеющий право отменять законы, является вследствие этого законодательным органом». Однако в другой части этой работы Кельзен утверждает: «Деятельность негативного законодателя (конституционного суда), напротив, абсолютно определена конституцией. Именно здесь его функция похожа на функцию любого другого суда. Она заключается в применении и лишь в узкой (!) степени в создании права, являясь таким образом действительно судебной»¹⁴.

Итак, только общий анализ взглядов Кельзена может нам дать пищу для размышления. Чтобы лучше представлять себе объект исследования, необходимо уяснить некоторые понятия чистой теории права Ганса Кельзена.

1. Правопорядок в понимании нормативистской теории права

Правопорядок — это система норм. Нормативизм пытается объяснить, почему некая совокупность норм является системой. Теория ставит вопрос, откуда каждая конкретная норма черпает свою действительность?¹⁵ Действительность дает нам ответ на вопрос, почему конкретная норма должна соблюдаться и применяться¹⁶. В работе «Чистое учение о праве»¹⁷ Кельзен отмечает, что причина действительности нормы не может быть объяснена каким-либо бытийным фактом. Норма действует не потому, что она установлена определенной властной инстанцией. Причина действительности одной нормы всегда кроется в другой норме. Эта вторая именуется нормой вышестоящей, а первая — нижестоящей. Логическая цепочка такой иерархии ведет нас от низшей нормы к норме высшей. Каждая вышестоящая норма при этом является источником для нормы нижестоящей. И когда мы находим норму, действительность которой нельзя вывести из нормы еще более высокого уровня, мы находим так называемую основную норму (Grundnorm).

Все нормы, составляющие правопорядок, черпают свою действительность именно из основной нормы. Она, как самая высшая, не может быть установлена никакой инстанцией. Кельзен определяет ее как трансцендентально-логическое явление. Выявить содержание этой нормы возможно только путем аналитической юридической деятельности. Основная норма нигде не закрепляется, она постулируется. Однако чистое учение не отрывает эту норму от реальности, т.к.

¹² Как в этой связи не вспомнить ту полемику, которая появилась после принятия КС РФ постановления от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126, 127 Конституции РФ». Подробнее см.: *Котов О. Ю.* Влияние решений Конституционного Суда России ... С. 19–47.

¹³ Отметим еще раз, что идею создания судебного органа для охраны конституции предложили еще во времена Великой французской революции, но в связи с некоторыми историческими особенностями Франции эта идея не реализовалась (см. об этом подробнее: *Крутоголовов М. А.* Указ. соч.).

¹⁴ *Кельзен Г.* Судебная гарантия конституции. С. 15, 23.

¹⁵ См.: *Kelsen H.* General theory of law and state. N. J., 2007. P. 110.

¹⁶ См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. Вып. 1. М. : АН СССР ИНИОН, 1987. С. 106.

¹⁷ Точнее, речь идет о разд. 5 «Динамический аспект права». Этот раздел был включен в качестве приложения ко второму изданию «Чистого учения о праве» 1960 г. (см.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 194).

основная норма всегда привязана к конкретной конституции, ее не изобретают¹⁸. Сам автор постулирует ее следующим образом: «Должно поступать, как предписано конституцией»¹⁹.

Таким образом, иерархическую структуру национального правопорядка²⁰ Кельзен представляет следующим образом:

1. Конституция — вершина национального права.
2. Общие нормы права, которые могут найти закрепление в законе (статуте) или обычае.
3. Общие нормы права, закрепленные в постановлениях исполнительной власти (ордонансах)²¹.
4. Индивидуальные нормы, создаваемые судами и административными органами в процессе разрешения конкретных дел²².

Вышестоящая и нижестоящая нормы могут быть связаны между собой по-разному. Для определения видов связей Кельзен вводит термины «статическая система» и «динамическая система»²³, или статический и динамический принципы²⁴.

В статической системе вышестоящая норма определяет содержание нижестоящей нормы. Процесс создания права — это конкретизация содержания, идущая от одной ступени к другой, т.е. от вышестоящей нормы к норме нижестоящей²⁵.

«Динамический принцип характеризуется тем, что в содержание основной нормы входит лишь определение некоторого нормотворческого фактора, уполномочивание нормоустанавливающей инстанции...»²⁶. Иными словами, в динамической системе вышестоящая норма устанавливает орган и/или процедуру, в кото-

рой могут создаваться нижестоящие нормы, т.е. норма предусматривает определенный способ создания норм. Нормативная система «имеет в основном динамический характер»²⁷.

В итоге Кельзен приходит к выводу, что право формирует само себя, т.к. одна норма определяет способ создания и в некотором смысле содержание другой нормы²⁸. Низшая норма выводится из высшей как частное из общего. Высшая норма является причиной низшей, низшая норма соответственно следствием высшей.

Для правильного понимания нормативистского процесса создания права важно учитывать, что нормы права и применяются, и создаются на каждой ступени иерархии. «Норма, регулирующая создание другой нормы, была применена в процессе создания этой нормы»²⁹. Кельзен отмечает: «Создание права есть одновременно применение права, как прямое следствие того факта, что каждый правотворческий акт должен быть определен правопорядком»³⁰. Таким образом, с «динамической точки зрения индивидуальная норма, созданная судебным решением, — это стадия в правотворческом процессе, который берет свое начало от... конституции и продолжается в законодательной деятельности и ведет к судебному решению»³¹.

Так, парламент является и правотворческим, и правоприменительным органом, т.к. он создает общие нормы, применяя нормы конституции. Суды и административные органы применяют общие нормы, но при этом они создают нормы индивидуальные. «Индивидуальная норма соотносится с общей нормой точно так же, как закон соотносится с конституцией»³².

По Кельзену, общая норма отличается от нормы индивидуальной не по действию от-

¹⁸ См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 205.

¹⁹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 206.

²⁰ Вопрос о месте и значении для национального правопорядка международных норм в данном случае мы не рассматриваем. Проблеме международного права Г. Кельзен уделял особое внимание (см.: например: *Kelsen H. Sovereignty and International Law // The Georgetown Law Journal. 1960*).

²¹ См.: *Kelsen H. General theory of law and state. P. 130*.

²² См.: *Kelsen H. General theory of law and state. P. 134*.

²³ *Kelsen H. General theory of law and state. P. 122*.

²⁴ См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 196.

²⁵ См.: *Кельзен Г. Судебная гарантия конституции. С. 3*.

²⁶ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 198–199.

²⁷ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 201.

²⁸ См.: *Kelsen H. General theory of law and state. P. 133*.

²⁹ *Kelsen H. General theory of law and state. P. 133*.

³⁰ *Kelsen H. General theory of law and state. P. 134*.

³¹ *Kelsen H. General theory of law and state. P. 134–135*.

³² *Kelsen H. General theory of law and state. P. 134*.

носителем круга лиц. Он пишет, что «всякая общая норма устанавливает отношение между двумя фактическими составами, которое можно описать в суждении: “При определенных условиях должно наступить определенное последствие”»³³. Иными словами, общие нормы всегда имеют гипотетический характер. Индивидуальные же нормы почти всегда являются категорическими в том смысле, что «они предписывают... определенное поведение... не связывая его ни с каким определенным условием»³⁴.

Итак, любое решение суда есть источник права, т.к. суд создает нормы права. Однако эти нормы имеют индивидуальный характер, и они существенно отличаются от общих норм, содержащихся в нормативных актах (статутах, ордонансах).

2. Содержание актов конституционного суда

Процесс создания права — это процесс конкретизации положений вышестоящих норм нормами нижестоящими. Данное утверждение верно для российской правовой системы. Многие общие нормы законов конкретизируют содержание норм Конституции РФ. Лучшим тому примером будет связь Конституции РФ и Федерального конституционного закона. Так, ст. 118, 125, 126 Конституции РФ устанавливает основы системы судебной власти. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в свою очередь, конкретизирует норму; этот Закон выводится из нормы Основного закона как частное из общего. Так же действует Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³⁵.

В этой связи проанализируем отношение между актами конституционного суда и конституцией. Почти во всех случаях увидим, что орган конституционной юстиции конкретизирует положения Основного закона³⁶. Норма конституции является причиной, акт же конституционного суда следствием — мы наблюдаем процесс выведения частного из общего.

Связь такого же типа можно определить и в процессе образования общей нормы закона. Конституция является причиной общей нормы, общая норма — следствием. Общая норма закона, выведенная из конституции как частное из общего, конкретизирует положение нормы конституции.

Итак, статические связи типа «конституция — акт конституционного суда» и «конституция — закон» с нормативистской точки зрения, видимо, идентичны.

Стоит обратить внимание, что в некоторых случаях содержание акта конституционного суда может конкретизироваться в содержании закона. Закон может быть вторичен по отношению к акту суда, т.е. закон будет только «дублировать» то, что уже закреплено.

Поясним. Принятие любого постановления конституционного суда, особенно постановления, признающего нормативный акт недействительным, дает нам конкретизацию конституции применительно к возникшему случаю. Считается, что законодатель должен восполнить норму, ликвидированную конституционным судом, путем принятия соответствующей нормы. Эта «новая» норма должна в той или иной степени воспроизводить позицию органа конституционного контроля. Законодатель, следовательно, создавая «новую» норму, т.е. конкретизируя норму конституции, ограничен теми рамками, которые ему дал конституционный суд³⁷.

В этой связи возникает вопрос, какого характера норму создает конституционный суд в процессе применения конституции: индивидуальную или общую?

Это весьма сложный вопрос, нельзя дать ответ на него, анализируя только содержание акта. Не всякая конкретизация высшей нормы есть процесс создания новой правовой нормы.

Необходимо учитывать, что в любой правовой системе статические и динамические связи между нормами иерархии переплетены, и первый тип связи отнюдь не является основным. В «Чистом учении о праве» Кельзен прямо указывает: «Правовая норма действительна не потому, что она имеет определенное содержа-

³³ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 134.

³⁴ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 135.

³⁵ СПС «Гарант».

³⁶ См.: *Котов О. Ю.* Влияние решений Конституционного Суда России ... С. 56.

³⁷ Примеры такого влияния решений КС на закон можно посмотреть в работе: *Котов О. Ю.* Влияние решений Конституционного Суда России...

³⁸ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. С. 201.

ние, т.е. не потому, что ее содержание можно вывести логическим путем из содержания постулируемой основной нормы, а потому, что она создана определенным... способом»³⁸.

Это означает следующее: необходимо выяснить, определяется ли конституционный суд как орган, уполномоченный создавать общие нормы, а процедура его работы как процедура создания этих общих норм?

Иными словами, анализа исключительно связей статических недостаточно для оценки. Необходимо также проанализировать связи динамические.

3. Форма актов конституционного суда

Орган конституционного контроля действует в форме суда, т.е. итогом его работы является судебное решение. Решение суда выступает источником общих норм в двух основных случаях: во-первых, когда создается прецедент; во-вторых, когда путем многократного повторения закрепляется обычай. Последний случай для конституционного суда нехарактерен.

Итак, если предположить, что акты конституционного суда содержат общие нормы, значит, его решения имеют прецедентный характер. Следует выяснить, как нормативистская теория определяет прецедент.

Неверно представление о том, что нормативизм источником права считает только нормативный акт³⁹. Нормативистская теория рассматривает и прецедент как источник права, теория не признает лишь то, что до судебного решения права вообще не существовало. Кельзен пишет: «Наш анализ юридической функции (речь идет о правотворчестве. — Прим. О. К.) показывает, что точка зрения, согласно которой суд только применяет право, не основана на фактах. С другой стороны, тем не менее противоположная позиция, что до судебного решения никакого права не существует, что всё право создано только судами, также ложна»⁴⁰. Автор конста-

тирует: «Судебные решения могут также создавать общие нормы»⁴¹, «суды являются законотворческими органами... суды — создатели общих правовых норм»⁴². Под прецедентом он понимает решение суда, которое имеет силу не только для конкретного дела, но и для всех сходных дел, т.е. решением можно обосновывать решения по другим делам⁴³.

Кельзен утверждает: «Там, где суды уполномочены (!) не только применять вышестоящую материально-правовую норму в своих решениях, но также и создавать новое право в конкретном деле... решение суда приобретает характер прецедента»⁴⁴.

Итак, на создание прецедента суд необходимо уполномочить, т.е. должна быть норма, являющаяся источником прецедента. В иерархии нет места норме, которая не черпает свою действительность из вышестоящей нормы.

Кто же может уполномочить суд на создание прецедентов и каков характер этой связи? Именно в контексте ответа на этот вопрос и раскрывается динамический тип связи в иерархии правовой системы. Кельзен пишет: «Суд уполномочен законом... не только применять вышестоящие в иерархии общие нормы материального права, но также изменять их согласно сложившимся обстоятельствам», — и далее: «Вышестоящее в иерархии право должно уполномочивать суд идти дальше имеющихся предписаний материального закона»⁴⁵. Таким образом, закон или обычай (!) должны придавать судебному решению характер прецедента, т.е. они должны уполномочивать суд создавать право.

К сожалению, автор не приводит конкретных примеров закона или обычая, которые, с его точки зрения, давали бы суду полномочия «идти дальше писаного права». Видимо, можно вести речь о следующем общеизвестном случае: в силу ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Швейцарии⁴⁶ при отсутствии применимого закона судья решает дело согласно обычному праву, за неимением обычая — согласно прави-

³⁹ См.: например: Бондарь Н. С. Указ. соч.

⁴⁰ Kelsen H. General theory of law and state. P. 150.

⁴¹ Kelsen H. General theory of law and state. P. 149.

⁴² Kelsen H. General theory of law and state. P. 150.

⁴³ См.: Kelsen H. General theory of law and state. P. 149.

⁴⁴ Kelsen H. General theory of law and state. P. 149–150.

⁴⁵ Kelsen H. General theory of law and state. P. 151.

⁴⁶ Статья 6 ГК РФ ориентирует суд не создавать новую норму в случае отсутствия общей материальной нормы, а искать существующую материальную норму, регулирующую сходные правоотношения, либо применять общие начала и смысл гражданского закона. Но в любом случае речь идет о том, что применится некое существующее регулирование.

лам, которые он установил бы, если бы выступал в качестве законодателя⁴⁷.

В указанном примере можно предположить, что речь идет о способе преодоления пробелов в праве. Но, по Кельзену, никаких пробелов в правопорядке быть не может, т.к. единственная цель теории пробелов в праве — это ограничение законодательной власти суда⁴⁸.

Итак, связь рассматриваемой нормы с решением суда, столкнувшегося с отсутствием регулирования, надо рассматривать не со статической точки зрения, а с динамической⁴⁹. Исследуемая динамическая связь не раскрывает нам конкретного содержания прецедентного решения, т.е. прецедент нельзя вывести из ст. 1 ГК Швейцарии как частное из общего. Норма указывает только на орган, уполномоченный создавать право, — суд; ситуацию, при которой возможно создание права, — отсутствие закона или обычая, а также частично на процедуру создания права — судебный процесс.

Таким образом, чтобы определиться с прецедентным значением актов конституционного суда, необходимо найти конституционную норму, которая бы, как высшая, придавала действительность общей норме, содержащейся в судебном постановлении. Иными словами, на вопрос, почему мы должны считать решение конституционного суда прецедентом, нужно ответить, что есть общая норма или обычай, устанавливающая, что конституционный суд

может создавать прецеденты. Более того, норма должна уполномочивать конституционный суд создавать прецеденты только в том случае, если в конституции нет соответствующей нормы, на основе которой он мог бы дело разрешить. Ведь прецедентное значение решение суда приобретает тогда, когда нет применения существующей вышестоящей нормы. Такой ситуации не может быть в принципе, конституционный суд не может формулировать для себя новые конституционные нормы. Все нормы, которые он может применять, уже определены. Они и составляют объект его охраны, именно ради этих существующих норм он и был создан. И поскольку с нормативистской точки зрения акт конституционного суда прецедентом (источником общих норм права) считать нельзя⁵⁰, решение конституционного суда общую норму создавать не может.

Подытоживая вышеизложенное, несмотря на отдельные, по нашему мнению, нюансы высказываний Г. Кельзена, его точку зрения следует считать системным толкованием созданной им теории.

Анализ применимых положений нормативизма показывает, что, как и решение обычного суда, решение суда конституционного создает индивидуальную норму. Наделять его особым значением в качестве аргумента в концептуальном споре о правотворческой функции судов нет оснований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — М., 1998.
2. Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — № 1, январь — март.
3. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // СПС «Гарант».

⁴⁷ Titre préliminaire. Livre premier. Art. 1. A défaut d'une disposition légale applicable, le juge prononce selon le droit coutumier et, à défaut d'une coutume, selon les règles qu'il établirait s'il avait à faire acte de législateur (см.: URL: <http://www.admin.ch/ch/f/rs/210/a1.html>).

⁴⁸ См.: Kelsen H. General theory of law and state. P. 149.

⁴⁹ Вообще, по теории Кельзена вопрос о «преодолении» пробелов и вопрос о допустимости прецедентов нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, ведь прецедент появляется там, где нет другого источника материального права. Кельзен утверждает: «Если судья уполномочен разрешать дело как законодатель... он не преодолевает пробелы в действующем праве, он дополняет действующее право...» (Kelsen H. General theory of law and state. P. 147). Разумеется, решение поставленного вопроса во многом зависит от проблемы правопонимания. Подробнее о соотношении пробела и прецедента см., например: Котов О. Ю. Влияние решений Конституционного Суда России ... С. 51 ; Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М., 2008. С. 123–145.

⁵⁰ Разумеется, можно сказать, что акт КС — не обычный прецедент, а конституционно-правовой, т.е. специфический. Наша задача в данном случае состоит в том, чтобы показать, как понимает прецедент Г. Кельзен. Ни о каких специфических прецедентах в изученных нами источниках автор не говорит.

4. Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции (основы теории). — М., 2009.
5. Гаджиев Г. А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации. — М., 1995.
6. Гаджиев Х. И. Проблемы толкования Конституции и законов Конституционным Судом. — М., 2001.
7. Дидикин А. Б. Философское и правовое наследие Ганса Кельзена : сборник статей и материалов. — М., 2018.
8. Ершов В. В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. — 2006. — № 5.
9. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. — 2004. — № 12.
10. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. — 2006. — № 8, 9 (перевод Д. В. Даниленко).
11. Котов О. Ю. Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. — М., 2002.
12. Крутоголовов М. А. Конституционный Совет Франции. Организация и правовые аспекты деятельности // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=663> (дата обращения: 05.03.2021).
13. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. — М., 1998.
14. Левчук С. В. Роль Верховного суда в развитии основ конституционного строя в США // Вестник РГГУ. Серия : Экономика. Управление. Право. — 2009. — № 11. — С. 97–106.
15. Лучин В. О., Доронина О. Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. — М., 1998.
16. Морщакова Т. Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом РФ и другими судами Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. — 1996. — № 6.
17. Нешвара Х. Кельзен — судья конституционного суда. Его роль в спорных вопросах о браках, заключенных с особого разрешения // СПС «КонсультантПлюс».
18. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. — М., 2005.
19. Петров А. А. Решения Конституционного Суда РФ в механизме правового регулирования. — Иркутск, 2007.
20. Петрова Д. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам его деятельности и конституционного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
21. Теория государства и права / под общ. ред. проф. О. В. Мартышина. — М., 2007.
22. Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. — М., 2008.
23. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции: теория и практика. — М., 1998.
24. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. — Вып. 1. — М. : АН СССР ИНИОН, 1987.
25. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. — М., 1997.
26. Kelsen H. General theory of law and state. — N. J., 2007.
27. Kelsen H. Sovereignty and International Law // The Georgetown Law Journal. — 1960.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Avakyan SA. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost [The Constitution of Russia: Nature, evolution, modernity]. Moscow; 1998. (In Russ.).
2. Antonov MV. Gans Kelzen (1881–1973): osnovnye vekhi intellektualnogo puti [Hans Kelsen (1881–1973): The main milestones of the intellectual path]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2013;1. (In Russ.).
3. Bondar NS. Normativno-doktrinalnaya priroda resheniy Konstitutsionnogo Suda RF kak istochnikov prava [Normative doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law]. Legal reference system "Garant". (In Russ.).
4. Vlasenko NA, Grineva AV. Sudebnye pravovye pozitsii (osnovy teorii) [Judicial legal positions (fundamentals of theory)]. Moscow; 2009. (In Russ.).
5. Gadzhiev GA. Zashchita osnovnykh ekonomicheskikh prav i svobod predprinimateley za rubezhom i v Rossiyskoy Federatsii [Protection of the basic economic rights and freedoms of entrepreneurs abroad and in the Russian Federation]. Moscow; 1995. (In Russ.).
6. Gadzhiev HI. Problemy tolkovaniya Konstitutsii i zakonov Konstitutsionnym Sudom [Problems of interpretation of the Constitution and laws by the Constitutional Court]. Moscow; 2001. (In Russ.).

7. Didikin AB. Filosofskoe i pravovoe nasledie Gansa Kelzena: sbornik statey i materialov [The philosophical and legal heritage of Hans Kelsen: Collected papers and materials]. Moscow; 2018. (In Russ.).
8. Ershov VV. Sudebnoe pravoprimerenie: aktualnye teoreticheskie i prakticheskie problemy [Judicial law enforcement: Topical theoretical and practical issues]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2006;5. (In Russ.).
9. Zorkin VD. Precedentnyy kharakter resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Precedent nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2004;12:3-9. (In Russ.).
10. Kelsen G. Sudebnaya garantiya konstitutsii (konstitutsionnaya yustitsiya) [Judicial guarantee of the Constitution (constitutional justice)]. Transl. by Danilenko DV. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2006;8-9. (In Russ.).
11. Kotov OYu. Vliyanie resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossii na grazhdanskoe sudoproizvodstvo [The influence of the decisions of the Constitutional Court of Russia on civil procedure]. Moscow; 2002. (In Russ.).
12. Krutogolovov MA. Konstitutsionnyy Sovet Frantsii. Organizatsiya i pravovye aspekty deyatel'nosti [The Constitutional Council of France. Organization and legal aspects of activity]. Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=663> [cited 2021 March 05]. (In Russ.).
13. Kryazhkov VA, Lazarev LV. Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii [Constitutional justice in the Russian Federation]. Moscow; 1998. (In Russ.).
14. Levchuk SV. Rol Verkhovnogo suda v razvitii osnov konstitutsionnogo stroya v SShA [The role of the Supreme Court in the development of the foundations of the constitutional system in the United States]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo [RGGU Bulletin. Series: Economics. Upravlenie. Law]*. 2009;11:97-106. (In Russ.).
15. Luchin VO, Doronina ON. Zhaloby grazhdan v Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii [Citizens' complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow; 1998. (In Russ.).
16. Morshchakova TG. Razgranichenie kompetentsii mezhdru Konstitutsionnym Sudom RF i drugimi sudami Rossiyskoy Federatsii [Differentiation of competence between the Constitutional Court of the Russian Federation and other courts of the Russian Federation]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 1996;6. (In Russ.).
17. Neshvara H. Kelzen — sudya konstitutsionnogo suda. Ego rol v spornykh voprosakh o brakakh, zaklyuchennykh s osobogo razresheniya [Kelsen is a judge of the Constitutional Court. His role in controversial issues about marriages concluded with special permission]. Legal reference system "Konsultant Plus" [Electronic resource]. (In Russ.).
18. Lazarev VV, editor. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva [General theory of law and the state]. Moscow; 2005. (In Russ.).
19. Petrov AA. Resheniya Konstitutsionnogo Suda RF v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of legal regulation]. Irkutsk; 2007. (In Russ.).
20. Petrova DV. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po voprosam ego deyatel'nosti i konstitutsionnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues of its activity and constitutional legal proceedings. Author's abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2008. (In Russ.).
21. Martyshin OV, editor. Teoriya gosudarstva i prava [The theory of state and law]. Moscow; 2007. (In Russ.).
22. Tumanov DA. Probely v grazhdanskom protsessualnom prave [Gaps in civil procedural law]. Moscow; 2008. (In Russ.).
23. Khabrieva TYa. Tolkovanie Konstitutsii: teoriya i praktika [Interpretation of the Constitution: Theory and practice]. Moscow; 1998. (In Russ.).
24. Chistoe uchenie o prave Gansa Kelzena: sbornik perevodov [Hans Kelsen's pure doctrine of law: Collection of translations]. Issue 1. Moscow: USSR Academy of Sciences INION; 1987. (In Russ.).
25. Ebzeev BS. Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionnyy Sud [The Constitution. Legal state. The Constitutional Court]. Moscow; 1997. (In Russ.).
26. Kelsen. H. General theory of law and state. N.J.; 2007. (In Eng.).
27. Kelsen H. Sovereignty and International Law. *The Georgetown Law Journal*. 1960. (In Eng.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109

Н. Н. Тарусина*

Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии

Аннотация. Ограничение прав и свобод объективно неизбежно. Однако критерии принятия соответствующих решений на уровне федерального законодательства, хотя и установленные в норме ст. 55 Конституции Российской Федерации, весьма разнородны и требуют различных технологий и границ. Среди них в наиболее тонкой настройке нуждаются такие основания, как интересы защиты нравственности и здоровья. Обстоятельства пандемии коронавирусной инфекции это подтвердили, явившись предпосылками для введения пакета ограничений и запретов — наряду с позитивными мерами поддержки граждан в сложной жизненной ситуации. Значительная часть охранительных мер имеет в своей основе явное оправдание. Однако часть из них, как федерального, так и особенно регионального уровня, включая правоприменительную практику, подвергается справедливой критике в юридической доктрине, политологии и социологии. Наибольшее сосредоточение критики должно быть направлено на ограничения и запреты для пожилых людей. По сути, требования жесткой самоизоляции привели к появлению нового вида дискриминируемых меньшинств. Притом что результаты социологических исследований свидетельствуют о нежелательности, вредности (пусть и относительной) избыточного патерналистского подхода к проблемам пожилых людей, который снижает их потенциал сопротивления возрасту. Ориентация на самооценку своих сил и добровольное осознанное самоограничение более соответствует особенностям и смыслу «серебряного возраста» (в этом плане более преуспели основные религиозные конфессии). Государству необходимо на основе полученного опыта и общественного запроса скорректировать нормативистику своих действий в чрезвычайных ситуациях относительно населения в целом и отдельных его групп.

Ключевые слова: пандемия; ограничение прав; запреты; пожилые люди; дискриминация; уважение; права и свободы; чрезвычайные ситуации.

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 99–109. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109.

© Тарусина Н. Н., 2021

* Тарусина Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, заслуженный юрист Российской Федерации
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Several Arguments on Restrictions on the Rights and Freedoms of Citizens in Pandemic Emergencies

Nadezhda N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Abstract. The restriction of rights and freedoms is objectively inevitable. However, the criteria for making appropriate decisions at the level of federal legislation, although established in the norm of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, are very diverse and require different technologies and boundaries. Among them, such grounds as the interests of protecting morality and health need the most fine-tuning. The circumstances of the coronavirus pandemic confirmed this, being the prerequisites for the introduction of a package of restrictions and prohibitions along with positive measures to support citizens in a difficult life situation. A significant part of the protective measures is based on a clear justification. However, some of them, both at the federal and especially at the regional level, including law enforcement practice, are justly criticized in legal doctrine, political science and sociology. The greatest concentration of criticism should be directed at restrictions and prohibitions for the elderly. In fact, the requirements of strict self-isolation have led to the emergence of a new type of discriminated minorities. Moreover, the results of sociological research indicate the undesirability and harmfulness (albeit relative) of an excessive paternalistic approach to the problems of older people, which reduces their potential for resistance to age. The orientation towards self-assessment of one's strength and voluntary conscious self-restraint is more consistent with the features and meanings of the "silver age" (In this regard, the main religious denominations have succeeded more). The state needs to adjust the standards of its actions in emergencies regarding the population as a whole and its individual groups based on the experience gained and public demand.

Keywords: pandemic; restriction of rights; prohibitions; elderly people; discrimination; respect; rights and freedoms; emergencies.

Cite as: Tarusina NN. Neskolko tezisev ob ogranicheniyakh prav i svobod grazhdan v chrezvychaynykh obstoyatelstvakh pandemii [Several Arguments on Restrictions on the Rights and Freedoms of Citizens in Pandemic Emergencies]. *Lex russica*. 2021;74(8):99-109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109. (In Russ., abstract in Eng.).

Положение ст. 55 Конституции РФ о допущении ограничения прав и свобод граждан в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обороны и безопасности страны, прав и законных интересов других лиц, с одной стороны, совершенно необходимо — уже в силу двух весьма простых и очевидных идей: об относительности всякой свободы, тем более онормативленной правом, во-первых, при соприкосновениях с правами и свободами другого человека, во-вторых, в рамках взаимодействия (и возможного противоречия) частного интереса индивида, интереса гражданского общества и публичного интереса государства¹. С другой стороны, в указанной норме заложена объективная опасность чрезмерно широкого ее применения, усиливаемая субъективным ее истолкованием законодателем и правоприменителем.

Поскольку задача статьи с точки зрения охвата проблематики существенно уже, в преамбульной части мы ограничимся лишь некоторыми констатациями из разных областей ограничительного юридического бытия прав и свобод граждан для повышения градуса общих смыслов — с последующим обострением восприятия новых ограничений.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 32 Конституции РФ граждане, находящиеся в местах лишения свободы, не имеют права избирать и быть избранными в представительные органы государственной и муниципальной власти. Запрет является абсолютным и универсальным. Между тем в означенных отдаленных и неотдаленных местах могут содержаться лица, совершившие, например, неосторожные преступления или преступления незначительной тяжести.

¹ См., например: *Кокотов А. Н.* Конституционный Суд России и защита прав и свобод // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 10. С. 9–20.

Насколько соразмерен установленный для них запрет содеянному?

Данное ограничение было предметом разбирательства Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ — по жалобе граждан Анчугова и Гладкова, осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления. ЕСПЧ в постановлении от 04.07.2013 счел рассматриваемую норму Конституции РФ избыточно запретительной и в этом смысле не соответствующей конвенционным положениям, призвав российское государство к соблюдению принципа соразмерности наказания содеянному.

Что касается названных заявителей, то они персонально получили вполне по заслугам. Однако правовая позиция ЕСПЧ была декларативно настойчива и в этой связи вынуждала Конституционный Суд РФ на нее реагировать². По запросу Минюста РФ КС РФ в постановлении от 19.04.2016 № 12-П сформулировал до удивления осторожное суждение, допустив, без изменения конституционной нормы, решение проблемы на уровне федерального законодательства, в том числе в контексте декриминализации части уголовно-правовых составов либо исключения для этих случаев такого сурового наказания, как лишение свободы.

Декриминализируем и исключаем. А затем — расширяем сферу уголовного преследования и сферу применения лишения свободы за счет новых уголовно-правовых составов.

И так — до бесконечности. (Впрочем, справедливости ради следует констатировать всё же существенное снижение контингента осужденных к лишению свободы. Видимо, ситуацию улучшит и внедрение в уголовное законодательство конструкции уголовного проступка.)

Значительное число ограничений, наряду с льготированием, установлением преимуществ («позитивной дискриминацией», или, что точнее, дифференциацией)³, приходится на сферу трудового права. Они характеризуются, с одной стороны, массивом преференций для женщин в известных состояниях (беременности и материнства) и гендерной нейтрализацией (в рамках конструкции «лица с семейными обязанностями», не достигшей, впрочем, в своем развитии оптимальных значений⁴), с другой — махровой дискриминацией. Ярким, длящимся во времени образцом последней являются запреты на профессию для женщин⁵. И это притом, что всякая женщина, несмотря на свое специально-биологическое и социальное предназначение стать (а желательно — и быть) матерью, имеет абсолютное право решать данный вопрос самостоятельно (вплоть до приверженности идее чайлдфри⁶), а кроме того, далеко не всякая женщина объективно-биологически способна к материнству. В последнем случае запреты на профессию (и отнюдь не только шахтера или металлурга) выглядят особенно издевательски.

Особняком «отсвечивают» попытки «прорвать оборону» классического брака со сто-

² Мы далеки от обожествления решений ЕСПЧ, который периодически позволяет себе увидеть в толкуемых им нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод то, чего там либо нет, либо появляется на основе «эволютивного» подхода, либо сформулировано в рамках идеи о широком усмотрении национального законодателя. (Более того, мы скорее за то, чтобы, по мысли К. Богомолова, «отцепить вагон от безумного поезда»...) В данном случае мы лишь предлагаем и комментируем линейку образцов ограничения прав и свобод (обоснованных, недостаточно обоснованных или необоснованных), введенных в рамках прямого конституционно-правового предписания или же отраслевого ответа норме ст. 55 Конституции РФ. Подробнее см., например: Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 1. С. 64–75.

³ См., например: Тарусина Н. Н., Исаева Е. А. Гендер в законе: ограничения, преференции, нейтрализация // Социально-юридическая тетрадь. 2016. № 6. С. 9, 20.

⁴ См. знаменитое во всех отношениях дело «К. Маркин против Российской Федерации». Подробности: Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. С. 226–227.

⁵ Ограничительный перечень состоит из более 450 профессий. Конституционный Суд РФ не оценивает ситуацию как дискриминационную (см. определение от 22.03.2012 № 617-О-О по жалобе А. Клевцев). О данном виде дискриминации см.: Сыченко Е. В. «Законная» дискриминация: запрет применения труда женщин на некоторых видах работ // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 59–62.

⁶ Которую мы не разделяем и полагаем антигуманитарной и общественно опасной, но, принимая инакомыслие (в пределах адекватно понимаемой законности), не можем требовать ее исключения из мировоззренческого оборота.

роны ЛГБТК-сообщества, на которые давались конституционно-правосудные ответы. Так, в определении от 16.12.2006 № 496-О (по жалобе Е. Мурзина) Конституционный Суд РФ указал, что требование гетеросексуальности супружеского союза соответствует биологической природе человека, целевому предназначению данного союза и российским национальным и культурным традициям. Если до 2020 г. у означенного вида меньшинств еще оставалась надежда на благоприятное разворачивание событий, то конституционная поправка о браке как союзе мужчины и женщины (п. «ж» ст. 72) ее исчерпала. Ограничения в праве на семейную жизнь представителей ЛГБТК-сообщества в весьма отдаленной перспективе могут быть лишь ослаблены с помощью конструкции гражданско-правовых партнерств (правда, в этом мы не уверены), но не институтов брака, усыновления/удочерения и родительства⁷.

Ограничения и приоритеты содержатся и в других институтах означенных нами отраслей, в иных «регулятивных» отраслях — социально-обеспечительном, финансовом, налоговом праве, а также и охранительных, каковые весьма подробно проанализированы в доктрине⁸. Поэтому удовлетворимся ранее приведенными иллюстрациями и перейдем к пандемическим ограничениям и прежде всего — к «новообразованиям» в пространстве меньшинств.

«Антивирусное» законодательство — «новое» российского депутатского корпуса (в меньшей степени), правительства (в степени большей, ибо следовало оперативно управлять ситуацией) и региональных властных структур — проявило себя весьма разнообразно. С одной стороны, оно содержало много позитива: льготы и выплаты семьям с детьми, предпринимателям; поддержка медиков; экстренное финансирование научных разработок в области фармации — лекарственных препаратов и вакцины; поощрение добровольчества и благотворительности и т.д. С другой — ориентировало граждан на самоограничение, вплоть

до самоизоляции, удаленную форму работы и обучения, устанавливало прямые запреты (на собрания и митинги, передвижение по городу, пользование рядом услуг и пр.). При этом федеральные власти расширили полномочия региональных властных структур, которыми в большинстве случаев те и воспользовались, — не только на основании особенностей разворачивания пандемии на своей территории, но и вследствие избыточно панических настроений, неполной способности реагировать на чрезвычайные обстоятельства (как части неполной способности управлять территорией), а также традиционной бюрократической хватки, столь же традиционно не учитывающей гуманитарные составляющие аспектов руководства социальными процессами. Следует заметить, что означенные региональные полномочия нормативно были предоставлены с некоторым опозданием, когда антипандемические действия уже разворачивались⁹.

Конечно, в значительной мере запаздывание с «антивирусной» нормативистикой и определенная избыточность ограничений и запретов могут быть объяснены и даже оправданы новизной и чрезвычайностью ситуации. Воистину так — будем справедливы. Тем более что предварительный анализ демонстрирует относительно эффективную работу российских властных структур. Однако к означенным действиям всё же есть и будут вопросы, а также — критика (один из «движителей» оптимизации работы).

Следует заметить, что в России не была применена норма ст. 56 Конституции РФ (и соответствующий федеральный конституционный закон) о чрезвычайном положении. Некоторые юристы видят в этом заботу государства о собственных финансовых резервах, которые и так были напряжены и ориентированы на «антипандемические» затраты: норма ст. 27 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» предусматривает возмещение гражданам ущерба, причиненного

⁷ См. размышления по данной проблематике, например, социологов и правоведов: *Щелкин А. Г.* Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–160; *Тарусина Н. Н.* О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (28). С. 48–52; *Она же.* Семейному кодексу — 25: состояние здоровья и пути его улучшения // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 38–51.

⁸ См.: *Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н.* Гендер в законе. М.: Проспект, 2015.

⁹ См.: *Пьянкова А. Ф.* Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. 2020. № 5. С. 53–59.

действиями власти¹⁰. Полагаем всё же, что к тому были и другие причины: неизведанность степени опасности, а частично — ее недооценка в момент принятия первых решений, отсутствие прямого опыта по введению ЧП. Как показало последующее развертывание событий, включая фактические (не юридической природы), возможно, ситуация до ЧП и не дотягивала, хотя качалась на «лезвии бритвы»¹¹.

При этом ограничения, конечно же, вводились значительные и даже экстраординарные: цифровые пропуска и отслеживание перемещений (там, где это позволяли технические и финансовые возможности), приостановление работы «всего и вся», кроме жизненно значимых организаций, отмена льготного проезда, «замораживание» возврата гражданам средств, потраченных на запланированные и отмененные авиаперелеты, турпоездки, посещения театров; перевод в дистанционную форму работы судов, частично — адвокатской помощи и т.д.

В юридической доктрине в этой связи звучали вопросы и острые констатации: вирус уйдет, когда и сможем ли мы вернуть право (?); мир не больница, право на жизнь (фундаментальное право первого поколения в системе прав и свобод человека) предполагает и право распоряжаться ею¹², в том числе рисковать своей жизнью; кроме сохранения жизни и здоровья имеются и другие ценности¹³. Воистину так. Но поищем компромиссы.

С одной стороны, разумные ограничения передвижения, собраний, соблюдение карантинных мер (для заболевших коронавирусной инфекцией и контактировавших с ними), вы-

полнение санитарно-эпидемиологических требований (ношение защитных масок, перчаток, пользование санитайзерами, забота о чистоте рук, сануборка помещений и т.п.) — приемлемые условия выживания в пандемической ситуации¹⁴. Однако, с другой стороны, например, конструкция «самоизоляции», не будучи исключительно российским изобретением, распространившаяся по «цивилизованному миру», всё же заслуживает отдельных критических замечаний.

Так, в отличие от термина «карантин», термин «самоизоляция» вроде бы подчеркивает факт сознательного выбора гражданами типа поведения. Уже в этом заложена большая доля лицемерия: данная конструкция, по крайней мере в контексте антивирусного законодательства, является сугубо принудительной мерой. Возможно, руководствуясь требованием об адекватности «юридической филологии», на будущее следует найти иное обозначение такого поведения и состояния.

Введение данного режима сопровождалось не всегда оправданной дифференциацией подходов: например, в Магаданской области и Республике Алтай он был объявлен еще до появления первого больного, а в Амурской, Белгородской, Тверской, Тульской, Ярославской областях и Санкт-Петербурге отказались от тотальной самоизоляции (для всех)¹⁵.

Единственное, в чем в рассматриваемом плане территории оказались единодушными¹⁶, так это в распространении данного режима на пожилых людей — группу «65+». Разумеется, официально власти руководствовались сообра-

¹⁰ См.: Пьянкова А. Ф. Указ. соч. С. 56.

¹¹ Как отмечается в доктрине, в отличие от ряда европейских стран (например, Франции), российский законодатель «подогнал» для этих целей Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (наше уточнение: природного, если источником коронавируса были животные, техногенного, если он был сконструирован в лабораторных условиях...) (см.: Агальцова М. В., Иманова Т. В. Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 70).

¹² Подробно об этом см., например: Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 2. С. 167–181.

¹³ См.: Филиппова С. Ю. Коронавирус ушел. Как нам теперь вернуть право? // Закон. 2020. № 5. С. 46.

¹⁴ «Ковиддиссиденты», активные, сознательно избравшие этот вариант поведения, либо «пассивные», по недомыслию или приверженности к «пофигизму» и «шапкозакидательству», у автора симпатии (и даже понимания, да простят мне нарушение интеллигентской традиции «пытаться понять инакомыслящего» — в мягком противоречии с ранее означенным тезисом) не вызывают. Мы им — не судьи, но и не агрегаторы всепрощения.

¹⁵ Агальцова М. В., Иманова Т. В. Указ. соч. С. 66.

¹⁶ Как покажет дальнейший текст — бездушными (с нашей точки зрения).

жениями заботы о здоровье и даже сохранении самой жизни возрастных граждан¹⁷. Однако, во-первых, упомянутое нами право распоряжаться своей жизнью никто пока не дезавуировал: судя по действующим в мире регламентам, можно лезть на Эверест, заниматься хай-дайвингом, прыгать с парашютом (ради развлечения, а не по долгу службы), кувыркаться на сноуборде и плавать в компании акул — перечень открыт... Кроме того, противопоставление праву распоряжаться своей жизнью обязанности гражданина заботиться о сохранении своего здоровья, на которую, в том числе и в рассматриваемом случае, опирается государство (дополнительно к своему конституционному праву вводить ограничения), не вполне надежно: хотя такая обязанность и предусмотрена частью 1 ст. 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», она облечена в декларативную форму и лишь фрагментарно, в нормах ч. 2 и 3, конкретизируется для определенных случаев (медицинский осмотр как условие занятия некоторыми видами профессиональной и иной деятельности, а также в связи с диагностированием опасного заболевания, и соблюдение режима лечения на период временной нетрудоспособности). Расширенное толкование означенных норм проблематично¹⁸, ибо чревато доведением их понимания (и применения) до крайностей: обязанности делать утреннюю гимнастику, принимать зимой витамины, надевать шипованную обувь, дабы не поскользнуться на ледяном тротуаре, и далее — до пределов фантазии, которая, впрочем, пределов не имеет.

Во-вторых, граждане 65+ — не легкомысленные «оторвыши»: среди них немало политиче-

ских деятелей (пусть и не всегда адекватных, но ведь и среди особой помоложе неадекватность встречается, возможно, даже чаще), академиков, профессоров, изобретателей ракет, самолетов и вакцины, талантливых музыкантов, литераторов и др., а иногда — и танцовщиков/танцовщиц¹⁹. В-третьих, даже если не опираться на «цвет серебряного возраста», то и в общей массе пожилых людей большинство разумно и ответственно проживают дарованные им судьбой годы — вопреки концепции «геронтологического эйджизма»²⁰. Причем эти черты усилены советской биографией каждого из них: привычка прислушиваться к призывам государства еще себя не исчерпала. В-четвертых, как показывают результаты новейших социологических исследований, излишний патернализм отнюдь не способствует сохранению этой «возрастной популяции», а, напротив, снижает энергетический потенциал пожилых людей, ослабляет их сопротивляемость возрасту; навязываемая им «инфантилизация» усугубляет индифферентность к жизни — вместо поощрения самооценки своих физических и психических возможностей и добровольного самоограничения²¹. Заметьте — добровольного²². При этом вред от режима принудительной самоизоляции также вполне очевиден — как для физического, так и для психического здоровья именно (и прежде всего) граждан 65+.

Как показала практика Ярославской области, хотя режим самоизоляции пожилыми людьми соблюдался с изъятиями²³ (дачные грядки и цветники не бросишь, в «ближайшем магазине» не всегда можно купить необходимое, а прогулки всё же нужны), в целом он имел место и дал результаты. Однако наблюдалось немало

¹⁷ Сеем предположить, что и тревожными размышлениями о коечном фонде, неблагоприятной статистике и другими организационно-техническими соображениями.

¹⁸ См.: Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 81–89.

¹⁹ Вспомним добрым словом Майю Плесецкую.

²⁰ См.: Колпина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик старшего поколения // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Том. 14. № 2. С. 32–45.

²¹ См.: Колпина Л. В., Бояринова Е. В., Реутова М. Н., Реутов Е. В. Инфантилизация представителей старшего поколения как фактор их самоограничительных установок и практик // Теория и практика общественного развития. 2020. № 10 (152). С. 23–28.

²² И заметьте: даже психически нездоровый человек может быть принужден к медицинскому освидетельствованию/изоляции в медицинском учреждении только на основании решения суда.

²³ Советско-российская традиция смягчать *durā lex* и здесь очень пригодилась. Правда, в некоторых регионах (Москва и др.) она почти не срабатывала: особенности управления и степень цифровизации сыграли свою роль.

примеров и бюрократического недомыслия: так, поскольку требования обязательного медосмотра для заключения трудового договора в сфере образования (в том числе в вузе) не были приостановлены, представители группы 65+ стояли в очередях для получения соответствующего медицинского документа (с теми самыми молодыми, без масок, от контактов с которыми их пытались уберечь)²⁴; в октябре 2020 г. пожилым преподавателям вуза Х было предписано дистанционное проведение учебных занятий — с обязательным размещением электронных ресурсов в электронной информационно-образовательной среде (притом что преподавателям, проводившим в этот период занятия в аудиториях, такой обязанности не предписывалось; таким образом, преподаватели возраста 65 лет и старше выполняли двойную нагрузку²⁵); московские власти в весенние месяцы через СМИ озвучили пикантную в своей двусмысленности информацию о праве пожилых выехать на дачу «в один конец»²⁶. И т.д.

Всё это свидетельствовало и свидетельствует о появлении новой группы дискриминируемых меньшинств — граждане 65 лет и старше. Если

дополнить перечисленное фактами возрастной дискриминации при приеме на работу или увольнении в связи с сокращением штатов²⁷, отказом в индексации пенсий работающим гражданам²⁸ и т.п., то означенную группу можно включить не в видовую систему меньшинств, статус которых выравнивается через дополнительные возможности и льготы — с целью сохранения и развития группы, а в меньшинства дискриминируемые (при официальной цели заботы о...). Сеем надеяться, что пандемический опыт направит законодательство и управленческие решения не в сторону фиксации обсуждаемой технологии, а в пространство поиска соразмерных и гуманитарных подходов.

Отдельного внимания заслуживает проблематика, связанная с реализацией религиозных прав и свобод. В самом начале пандемического цикла патриарх Кирилл занял прогосударственную позицию, подтвердив правомочность самоизоляции с точки зрения Русской православной церкви и благословил верующих на «подвиг неотлучного пребывания в своих жилищах»²⁹. Как отмечается в доктрине, данная позиция означала акт социальной солидарности, при-

²⁴ Причем это распространялось и на случаи оформления внутреннего совместительства — при наличии продолжаемого трудового договора по основной должности (например, 0,5 ставки профессора для заведующего кафедрой).

²⁵ Особенное удивление это вызывало в части лекций. Принудительная отправка лекторов возраста 65 лет и старше в онлайн (в противовес остальным) весьма жестко ударила по их мироощущению, а значит, нанесла вред здоровью. Если и когда дистанционно работают все возрастные категории, вредоносная аура принудительности рассредоточивается, дискриминации как таковой не возникает. Ее не возникает и в ситуации самостоятельного принятия решения о самоограничении. Впоследствии, впрочем, подход был смягчен — в сторону взаимного учета позиций и на основе регионального допущения к работе сотрудников, даже и 65+, необходимых для обеспечения деятельности организации. (А доценты и профессора «серебряного возраста» вузам действительно необходимы.) Примечательно, что в социологическом исследовании «пандемического дистант-обучения», проведенном на основе обобщения мнений членов общероссийского профессорского собрания, анализ возрастных предпочтений отсутствует (см.: *Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаршвили А. Т., Крухмалева О. В.* Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 611–621).

²⁶ Но еще более восхитило решение в рамках ослабления ограничений на передвижение о порядке прогулок москвичей: по четным дням разрешено гулять жителям домов с четными номерами, по нечетным — с нечетными номерами.

²⁷ См.: *Менкенов А. В.* К вопросу дискриминации пожилых трудящихся // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 54–57.

²⁸ Как известно, часть из них прибегает к технологии временного увольнения, дабы соответствующую надбавку получить. Интересно, будет ли осуществлено аутентичное толкование конституционной поправки об индексации пенсий (ч. 6 ст. 75) или же толкование останется в пределах сиюминутных смыслов и причин?

²⁹ Патриаршее послание Преосвященным архипастырям, священнослужителям, монашествующим и мирянам епархий на территории России. 3 апреля 2020 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5616517> (дата обращения: 15.02.2021).

том что Церковь привыкла «ставить интересы общества выше своих собственных в условиях секулярного XX в.», а «осознание ценности человеческой жизни является неотъемлемой частью христианского богословия (которое и стало источником либеральной концепции прав и достоинства человека)»³⁰.

Однако, как и в светском пространстве, в православной среде к лету начало проявляться и «диссидентское» мировоззрение: верующие сподвиглись публично заявлять об ущемлении своих прав. Их поддержал и Совет по правам человека при Президенте РФ, квалифицировав ситуацию как дискриминацию в сфере религии. И всё же постепенно формировалась разумная симфония между ограничениями и уважением чувств верующих — при сохранении и десцендентствующих позиций. В доктрине отмечается, что последние в сложившейся ситуации, в принципе, естественны, так как ограничения затрагивали и затрагивают «само существо и смысл церковной жизни»³¹ (приоритетом для верующих в чрезвычайной ситуации становится сохранение религиозной идентичности³²). Одновременно обострились и социально-экономические разногласия внутри РПЦ: часть архиереев не отказывалась от планов по взиманию налогов с приходов, другая часть, напротив, не только освободила их от обременения, но и оказала материальную поддержку семьям священнослужителей³³.

Исламские религиозные деятели также поддержали ограничительные меры российского государства. Более того, политологи отмечают, что в среде муфтиев и мусульман в целом «ковидного диссидентства» почти не было замечено, муфтии с пониманием принимали решения об ограничении религиозной обрядности, вплоть до закрытия мечетей, не оставляя верующих своим попечением в других формах³⁴.

Воистину, сочетание реализации конституционной свободы вероисповедания (при относительной отстраненности государства от «священнодействия») и применения к верующим «мягкой силы», в принципе, помогли и помогают последним пережить притеснения других свобод³⁵.

Конечно же, пандемия явилась предпосылкой и для других политических, экономических и социальных композиций. И они, безусловно, еще станут предметом пристального внимания доктрины, интеллектуальной оценки и эмоциональных переживаний российских граждан. Мы же на данном этапе осмысления проблематики антивирусных мер и их последствий, эффективных или не вполне адекватных, ограничимся предложенными размышлениями.

Возвращаясь к констатациям о появлении нового вида меньшинств (65+) как следствия антивирусного законодательства и правоприменительной практики, что и подвигло нас к данному эмоционально окрашенному акту сочинительства, подчеркнем: ограничения и запреты прав граждан должны быть соразмерными, должны отвечать ценностным ориентирам общества, сопровождаться большим объемом позитивных решений и информации, поощрением к самоограничению, а не прямым принуждением (если только речь не идет о карантине и тому подобной очевидной необходимости). Ибо поражение в правах (или кажущееся таковым для граждан, иницирующих конституционное правосудие), будь то избирательное право, право на свободу труда, право на семейную жизнь и др., — дело исключительно серьезное. В этом смысле основные конфессиональные позиции, ориентирующие верующих именно на сознательное самоограничение, гармоничнее по содержанию и ближе нам по духу. Если, конечно, можно надеяться на проявление гар-

³⁰ См.: Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия : Политология, 2020. Т. 22. № 4. С. 551.

³¹ См.: Лункин Р. Н. Указ. соч. С. 556.

³² См.: Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. С. 334–338.

³³ См.: Лункин Р. Н. Указ. соч. С. 554–555.

В качестве наиболее достойного примера приводится благотворительно-организующая деятельность митрополита Псковского Тихона (Шевкунова), кстати, автора известной книги «Несвятые святые», в коей он предстает человеком тонким и широкого кругозора.

³⁴ См.: Почта Ю. М. Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы // Вестник РУДН. Серия : Политология. Т. 22. № 4. С. 569–570.

³⁵ Поскольку мы не являемся объектом данного благого воздействия, то высказываем лишь предположение.

монии в чрезвычайных ситуациях. Впрочем, надежда, как известно, умирает последней или не умирает вовсе. Что касается такого частного случая ее проявления, как упование на правовую позицию Конституционного Суда РФ о несоразмерности введенных ограничений, в

том числе в адрес новоявленного меньшинства, то оно вряд ли имеет перспективу. Однако и в этом смысле некоторая надежда теплится, ибо профессиональность означенного Суда является аксиомой — при этом содержательно не вполне предсказуемой юридическим сообществом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агальцова М. В., Иманова Т. В.* Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. — 2020. — № 5. — С. 60–70.
2. *Кокотов А. Н.* Конституционный Суд России и защита прав и свобод // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 9–20.
3. *Колпина Л. В., Бояринова И. В., Реутова М. Н., Реутов Е. В.* Инфантилизация представителей старшего поколения как фактор их самоограничительных установок и практик // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 10 (152). — С. 23–28.
4. *Колпина Л. В., Реутов Е. В.* Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик старшего поколения // Среднерусский вестник общественных наук. — 2019. — Т. 14. — № 2. — С. 32–45.
5. *Лункин Р. Н.* Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия : Политология. — 2020. — Т. 22. — № 4. — С. 547–558.
6. *Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н.* Гендер в законе. — М. : Проспект, 2015. — 480 с.
7. *Менкенов А. В.* К вопросу дискриминации пожилых трудящихся // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 3. — С. 54–57.
8. *Мчедлова М. М.* Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семенов. — М. : Весь мир, 2017. — С. 334–338.
9. *Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаришвили А. Т., Крухмалева О. В.* Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник РУДН. Серия : Социология. — 2020. — Т. 20. — № 3. — С. 611–621.
10. Патриаршее послание Преосвященным архипастырям, священнослужителям, монашествующим и мирянам епархий на территории России. 3 апреля 2020 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5616517> (дата обращения: 15.02.2021).
11. *Почта Ю. М.* Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы // Вестник РУДН. Серия : Политология. — Т. 22. — № 4. — С. 559–578.
12. *Пьянкова А. Ф.* Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. — 2020. — № 5. — С. 53–59.
13. *Сыченко Е. В.* «Законная» дискриминация: запрет применения труда женщин на некоторых видах работ // Трудовое право в России и за рубежом. — 2017. — № 4. — С. 59–62.
14. *Тарусина Н. Н.* Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 15. — № 1. — С. 64–75.
15. *Тарусина Н. Н.* О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (28). — С. 48–52.
16. *Тарусина Н. Н.* О судебном усмотрении: заметки семейноведа. — Ярославль, 2011. — 288 с.
17. *Тарусина Н. Н.* Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные знания. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 167–181.
18. *Тарусина Н. Н.* Семейному кодексу РФ — 25: состояние здоровья и пути его улучшения // Социально-юридическая тетрадь. — 2020. — № 10. — С. 38–51.
19. *Тарусина Н. Н., Исаева Е. А.* Гендер в законе: ограничения, преференции, нейтрализация // Социально-юридическая тетрадь. — 2016. — № 6. — С. 5–32.

20. Филиппова С. Ю. Коронавирус ушел. Как нам теперь вернуть право? // Закон. — 2020. — № 5. — С. 42–52.
21. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. — 2020. — № 10. — С. 81–89.
22. Щелкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. — 2019. — № 11. — С. 152–160.

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2021 г.

REFERENCES

1. Agaltsova MV, Imanova TV. Samoizolyatsiya: analiz zakonnosti i konstitutsionnosti antivirusnykh mer [Self-isolation: An analysis of the legality and constitutionality of anti-virus measures]. *Zakon [Law]*. 2020;5:60-70. (In Russ.).
2. Kokotov AN. Konstitutsionnyy Sud Rossii i zashchita prav i svobod [The Constitutional Court of the Russian Federation and Protection of Rights and Freedoms]. *Lex russica*. 2020;73(10):9-20. (In Russ.).
3. Kolpina LV, Boyarinova IV, Reutova MN, Reutov EV. Infantilizatsiya predstaviteley starshego pokoleniya kak faktor ikh samoogranichitelnykh ustanovok i praktik [Infantilization of representatives of the older generation as a factor of their self-limiting attitudes and practices]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2020;10(152):23-28. (In Russ.).
4. Kolpina LV, Reutov EV. Vliyaniye eydzhistskikh stereotipov na formirovaniye samoogranichitelnykh praktik starshego pokoleniya [The influence of ageist stereotypes on the formation of self-limiting practices of the older generation]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]*. 2019;14(2):32-45. (In Russ.).
5. Lunkin RN. Sotsialno-politicheskie posledstviya pandemii dlya Russkoy pravoslavnoy tserkvi: raskrytie vnutrennego potentsiala grazhdanskoj aktivnosti i sotsialnogo sluzheniya [Socio-political consequences of the pandemic for the Russian Orthodox Church: Revealing the inner potential of civic activity and social service]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [RUDN Journal. Series: Political Studies]*. 2020;22(4):547-558. (In Russ.).
6. Lushnikov AM, Lushnikova MV, Tarusina NN. Gender v zakone [Gender in law]. Moscow: Prospekt; 2015. (In Russ.).
7. Menkenov AV. K voprosu diskriminatsii pozhilykh trudyashchikhsya [On the issue of discrimination against older workers]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labour Law in Russia and Abroad]*. 2019;3:54-57. (In Russ.).
8. Mchedlova MM. Religioznaya i konfessionalnaya identichnost [Religious and confessional identity]. In: Semenenko IS, editor. *Identichnost: lichnost, obshchestvo, politika [Identity: personality, society, politics]*. Moscow: Ves mir; 2017. P. 334-338. (In Russ.).
9. Narbut NP, Aleshkovskiy IA, Gasparishvili AT, Krukhmaleva OV. Vynuzhdennoye distantsionnoye obuchenie kak stimul tekhnologicheskikh izmeneniy vysshey shkoly Rossii [Compulsory distance learning as an incentive for technological changes in higher education in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal Series: Sociology]*. 2020;20(3):611-621. (In Russ.).
10. Patriarshee poslanie Preosvyashchennym arkhiepiskopam, svyashchennosluzhitelyam, monashestvuyushchim i miryanam eparkhiy na territorii Rossii [Patriarchal message to the Right Reverend archbishops, clergymen, monastics and laity of dioceses on the territory of Russia]. [Internet]. 2020 April 3 [cited 2021 February 15]. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5616517>. (In Russ.).
11. Pochta YuM. Gosudarstvenno-konfessionalnye otnosheniya v Rossii v usloviyakh pandemii: vyzovy i otvety [State-confessional relations in Russia in the context of a pandemic: Challenges and responses]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [RUDN Journal. Series: Political Studies]*. 2020;22(4):559-578. (In Russ.).
12. Pyankova AF. Pravovye osnovaniya vvedeniya v regionakh Rossii mer, prepyatstvuyushchikh rasprostraneniyu novoy koronavirusnoy infektsii [Legal grounds for the introduction of measures in the regions of Russia that prevent the spread of a new coronavirus infection]. *Zakon [Law]*. 2020;5:53-59. (In Russ.).
13. Sychenko EV. "Zakonnaya" diskriminatsiya: zapret primeneniya truda zhenshchin na nekotorykh vidakh rabot ["Legitimate" discrimination: Prohibition of the use of women's labor in certain types of work]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labour Law in Russia and Abroad]*. 2017;4:59-62. (In Russ.).

14. Tarusina NN. Konstitutsionnoe pravosudie: o nekotorykh popravkakh v zakonodatelstvo [Constitutional justice: On some amendments to the legislation]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [P.G. Demidov Yaroslavl State University Bulletin. Series: Humanities]. 2021;15(1):64-75. (In Russ.).
15. Tarusina NN. O novom kontsepte braka, ili "pyatoy kolonne" v brachnom prostranstve [About the new concept of marriage, or the "fifth column" in the marriage space]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [P.G. Demidov Yaroslavl State University Bulletin. Series: Humanities]. 2014;2(28):48-52. (In Russ.).
16. Tarusina NN. O sudebnom usmotrenii: zametki semeynoveda [On judicial discretion: A family specialist notes]. Yaroslavl; 2011. (In Russ.).
17. Tarusina NN. Pravo rasporyazhatsya svoey zhiznyu: aktualizatsiya sotsialno-politicheskogo konteksta v usloviyakh pandemii COVID-19 [The right to dispose of one's life: Actualization of the socio-political context in the context of the COVID-19 pandemic]. *Sotsialnye i gumanitarnye znaniya*. 2021;7(2):167-181. (In Russ.).
18. Tarusina NN. Semeynomu kodeksu RF — 25: sostoyanie zdorovya i puti ego uluchsheniya [Family Code of the Russian Federation is 25: Health status and ways to improve it]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2020;10:38-51. (In Russ.).
19. Tarusina NN, Isaeva EA. Gender v zakone: ogranicheniya, preferentsii, neytralizatsiya [Gender in the law: Restrictions, preferences, neutralization]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2016;6:5-32. (In Russ.).
20. Filippova SYu. Koronavirus ushel. Kak nam teper vernut pravo? [The coronavirus is gone. How do we get the law back now?]. *Zakon [Law]*. 2020;5:42-52. (In Russ.).
21. Shishkov SN, Polubinskaya SV. Zabota o sokhranении svoego zdorovya kak yuridicheskaya obyazannost [Taking care of maintaining one's health as a legal obligation]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2020;10:81-89. (In Russ.).
22. Shchelkin AG. Legalizatsiya odnopolykh brakov: k voprosu o sotsialno-tsivilizatsionnykh posledstviyakh [Legalization of same-sex marriage: On the issue of socio-civilizational consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*. 2019;11:152-160. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.110-117

Е. Е. Якушева*

Раскрытие и предоставление информации эмитентами ценных бумаг в условиях санкций

Аннотация. Статья посвящена трансформации информационной прозрачности российских эмитентов ценных бумаг после введения иностранными государствами и международными организациями санкций в отношении значительного числа российских компаний. В ответ на внешнеполитическое давление российское государство вполне закономерно предприняло ряд шагов по защите пострадавших от санкций отечественных компаний, в том числе предоставив значительные послабления в области раскрытия и представления ими информации. Автор исследует вопрос о том, каким категориям компаний и в отношении какой информации предоставлены права по ее раскрытию/представлению в ограниченном объеме, рассматривает условия реализации данного права.

Необходимо подчеркнуть, что любое изменение в вышеуказанной сфере, направленное на снижение доступности информации о деятельности компаний для общественности и участников рынка, может в перспективе негативно сказаться на развитии российской экономики в целом, поэтому особенно важно уделять внимание происходящим в этой сфере законодательным изменениям и правоприменительной практике. Автором было проведено исследование источников информации о публичных компаниях, которые стали раскрывать и представлять информацию в ограниченном объеме. Были выявлены наиболее интересные примеры того, как общества стали злоупотреблять предоставленными им правами.

Учитывая, что санкции затрагивают существенные секторы российской экономики (в том числе финансовую, энергетическую, оборонную, горно-металлургическую отрасли), широкое распространение ненадлежащей практики в сфере представления и раскрытия информации может отрицательно сказаться на стоимости ценных бумаг инвесторов, оказавшихся в ситуации информационного вакуума в отношении деятельности эмитентов. В целях сохранения доверия между участниками рынка автор предлагает предоставить возможность инвесторам прибегнуть к такому способу защиты своих интересов, как право требовать выкупа принадлежащих им ценных бумаг тех эмитентов, которые радикальным образом ограничат доступ к информации о своей деятельности.

Ключевые слова: санкции; раскрытие информации; представление информации; государство; российские компании; доступность; участники рынка; правоприменительная практика; эмитенты ценных бумаг; прозрачность; деятельность; достоверность; полнота; корпоративное управление; санкционные списки; кредитные организации; органы управления; сделка; банковская группа; холдинг; конкуренция.

Для цитирования: Якушева Е. Е. Раскрытие и предоставление информации эмитентами ценных бумаг в условиях санкций // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 110–117. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.110-117.

© Якушева Е. Е., 2021

* Якушева Елена Евгеньевна, доцент департамента публичного права, руководитель направления научно-правовых экспертиз и консалтинга факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ), MBA (California State University), LLM (University of London), кандидат юридических наук

Б. Трехсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 109028

eeyakusheva@hse.ru

Disclosure and Provision of Information by Securities Issuers under Sanctions

Elena E. Yakusheva, Cand. Sci. (Law), MBA (California State University), Head of the Department of Scientific and Legal Expertise and Consulting; Associate Professor, Department of Public Law, Higher School of Economics,
per. Bolshoy Trekhsvyatitskiy, d. 3, Moscow, Russia, 123022
eeyakusheva@hse.ru

Abstract. The paper is devoted to the transformation of information transparency of Russian securities issuers after the implementation of sanctions by foreign states and international organizations against a significant number of Russian companies. In response to foreign policy pressure, the Russian state quite naturally took a number of steps to protect domestic companies affected by sanctions, including by providing significant concessions in the field of disclosure and presentation of information. The author examines the question of which categories of companies and in relation to which information the rights to disclose/present it in a limited scope are granted, considers the conditions for the implementation of this right. Any change in the above-mentioned area aimed at reducing the availability of information about the activities of companies to the public and market participants may in the future have a negative impact on the development of the Russian economy as a whole. That is why it is especially important to pay attention to legislative changes and law enforcement practice taking place in this area. The author conducted a study of sources of information about public companies that began to disclose and present information in a limited scope. The most interesting examples of how societies began to abuse the rights granted to them were identified.

Given that the sanctions affect significant sectors of the Russian economy (including the financial, energy, defense, mining and metallurgical industries), the widespread inappropriate practices in the field of presentation and disclosure of information may adversely affect the value of securities of investors who find themselves in a situation of an information vacuum regarding the activities of issuers. In order to preserve trust between market participants, the author proposes to give an opportunity for investors to resort to such a method of protecting their interests as the right to demand the redemption of securities belonging to them of those issuers that radically restrict access to information about their activities.

Keywords: sanctions; disclosure of information; presentation of information; state; Russian companies; accessibility; market participants; law enforcement practice; securities issuers; transparency; activity; reliability; completeness; corporate governance; sanctions lists; credit organizations; management bodies; transaction; banking group; holding; competition.

Cite as: Yakusheva EE. Raskrytie i predostavlenie informatsii emitentami tsennykh bumag v usloviyakh sanktsiy [Disclosure and Provision of Information by Securities Issuers under Sanctions]. *Lex russica*. 2021;74(8):110-117. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.110-117. (In Russ., abstract in Eng.).

Бурный рост российской экономики с начала 2000-х гг. привел к стремительному развитию финансового рынка, росту числа эмитентов ценных бумаг, а также повышенному интересу к российским компаниям со стороны российских и иностранных инвесторов.

В данной ситуации внимание государства вызвал вопрос выстраивания цивилизованного финансового рынка и защиты прав участников рынка, в том числе миноритарных акционеров и инвесторов.

Одним из основополагающих принципов функционирования финансового рынка, без обеспечения которого сложно представить его устойчивость и развитие, является доступность

информации и прозрачность деятельности корпораций. Достоверность и полнота раскрываемой информации о компании является необходимым условием для принятия обоснованных управленческих решений акционерами и инвесторами. Кроме того, информационная прозрачность способствует повышению внутренней дисциплины и эффективности управления компаниями, что в результате улучшает качество принимаемых решений. Таким образом, у общественности появляется возможность контролировать работу государственных компаний, кредиторы могут анализировать деятельность заемщиков, вкладчики «присматривают» за своими банками и т.д.¹

¹ Greuning H. van. International Financial Reporting Standards. A Practical Guide. Washington, DC, 2009. Chapter 1.1.

Согласно Принципам корпоративного управления Организации экономического сотрудничества и развития «инфраструктура корпоративного управления должна обеспечивать своевременное и точное раскрытие информации по всем существенным вопросам, касающимся корпорации, включая финансовое положение, результаты деятельности, собственность и управление компанией»².

В целях повышения стандартов корпоративного управления и обеспечения прав и законных интересов участников рынка в 2002 г. Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг России был принят Кодекс корпоративного поведения³ (в настоящее время утратил силу в связи с принятием Кодекса корпоративного управления⁴), в соответствии с принципами которого «практика корпоративного поведения должна обеспечивать своевременное раскрытие полной и достоверной информации об обществе, в том числе о его финансовом положении, экономических показателях, структуре собственности и управления в целях обеспечения возможности принятия обоснованных решений акционерами общества и инвесторами» (гл. 1, п. 5).

Однако в силу внешнеполитических обстоятельств тенденция к повышению информационной прозрачности деятельности участников финансовых рынков изменилась, возникла объективная необходимость отступления от вышеуказанных принципов и изменения нормативной базы и правоприменительной практики.

Начиная с июля 2014 г. санкции со стороны США, ЕС и ряда других иностранных государств и международных организаций стали реально-

стью для многих российских компаний, принося многомиллиардные потери экономике России⁵. Напрямую в санкционных списках фигурируют сотни зарегистрированных в России акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, но поскольку основные инициаторы введения санкций, США и Европейский Союз, применяют «правило 50 %»⁶, по которому ограничительные меры применяются и к дочерним обществам санкционных лиц, можно утверждать, что режим санкций применяется в отношении тысяч российских компаний из финансовой, энергетической, оборонной, горно-металлургической и других отраслей.

Многие наиболее крупные из указанных компаний являются эмитентами ценных бумаг и обязаны осуществлять публичное раскрытие информации, их акции и иные ценные бумаги распределены между тысячами владельцев, имеющих право на получение информации о компании.

Логично предположить, что публикация информации в сети Интернет является важным источником данных для институтов, принимающих санкции против российских юридических и физических лиц⁷.

В данной ситуации перед государством встала задача защитить интересы российского бизнеса и разработать механизмы, способствующие снижению риска введения новых ограничительных мер против компаний и их руководителей.

В 2018 г. в Федеральный закон «Об акционерных обществах»⁸ (п. 6 ст. 30.1) и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг»⁹ (ст. 92.2) были внесены изменения, позволив-

² Принципы корпоративного управления Организации экономического сотрудничества и развития // URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/g20_9789264252035-ru (дата обращения: 30.03.2021).

³ Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» // Вестник ФКЦБ России. 30.04.2002. № 4 (распоряжение).

⁴ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 18.04.2014. № 40.

⁵ Кнобель А. Ю., Лощенкова А. Н. Санкции и их последствия // Экономическая политика России. Турбулентное десятилетие 2008–2018. 2020. Т. 4. С. 176–196.

⁶ Решение Совета ЕС № 833/2014 от 31.07.2014 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014R0833> (дата обращения: 30.03.2021) ; Пересмотренное руководство Управления по контролю за иностранными активами казначейства США в отношении обществ, которые находятся во владении лиц, чьи активы и доли в активах заблокированы // URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/licensing_guidance.pdf (дата обращения: 30.03.2021).

⁷ Гландин С. В. Роль Интернета в отслеживании нарушителей режима санкций США в отношении России // Вестник московского университета. Серия 11 : Право. 2018. № 6. С. 96–112.

⁸ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

⁹ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

шие Правительству РФ определять условия и случаи, когда эмитенты вправе раскрывать и (или) предоставлять информацию в ограниченном составе.

4 апреля 2019 г. Правительство РФ приняло постановление № 400 «Об особенностях раскрытия и предоставления информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг»»¹⁰ (далее — Постановление), в соответствии с которым эмитентам предоставлено право осуществлять раскрытие и (или) предоставление информации в ограниченном объеме. Эта мера адресована компаниям, которым раскрытие и (или) предоставление информации в соответствии с российским законодательством о рынке ценных бумаг может причинить вред в виде введения (ужесточения) санкций. В то же время анализ практики применения Постановления эмитентами позволяет сделать вывод, что зачастую компании неправильно трактуют его нормы, что может идти вразрез с интересами акционеров и других участников рынка. Кроме того, Постановление вступает в противоречие с другими нормативными актами¹¹.

Итак, для начала стоит разобраться, кто именно может воспользоваться нормами указанного Постановления и ограничить объемы раскрытия и (или) предоставления информации;

- эмитенты, раскрывающие и (или) предоставляющие информацию о лицах, в отношении которых введены меры ограничительного характера, или если раскрытие информации может привести к введению санкций в отношении эмитента и иных лиц;
- эмитенты, в отношении которых введены санкции;
- эмитенты — кредитные организации, отнесенные к категории уполномоченных банков в соответствии с Федеральным законом «О государственном оборонном заказе»¹²;
- эмитенты, которые должны раскрыть и (или) предоставить информацию в отношении сделки, связанной с выполнением государственного оборонного заказа и реализацией военно-технического сотрудничества;

— эмитенты, которые должны раскрыть информацию о лице, являющемся работником или членом органов управления лица, в отношении которого действуют меры ограничительного характера, или кредитной организации, отнесенной к категории уполномоченных банков в соответствии с Федеральным законом «О государственном оборонном заказе».

Не менее важно упомянуть, что компании вправе не раскрывать и (или) не предоставлять информацию:

- о лицах, входящих в состав органов управления эмитента, заместителях единоличного исполнительного органа, главном бухгалтере эмитента и его заместителях, руководителях и главных бухгалтерах филиалов эмитента;
- о лицах, входящих в состав органов контроля за финансово-хозяйственной деятельностью эмитента;
- о сделках эмитента, его контролирующих лиц, подконтрольных ему лиц;
- о банковских группах, банковских холдингах, холдингах и ассоциациях, в которые входит эмитент, а также об их членах;
- об аффилированных лицах эмитента;
- о подконтрольных эмитенту организациях и лицах, входящих в состав их органов управления, лицах, контролирующих эмитента, и лицах, входящих в состав их органов управления;
- о лицах, являющихся участниками (акционерами) эмитента;
- о лицах, контролирующих участников (акционеров) эмитента;
- о лицах, являющихся номинальными держателями ценных бумаг эмитента;
- о связанных сторонах, с которыми эмитент осуществляет хозяйственные операции;
- о дочерних организациях эмитента (группы эмитента);
- о финансовых вложениях эмитента;
- о принимаемых эмитентом рисках, процедурах оценки рисков и управления ими;
- о споре, связанном с созданием эмитента, управлением им или участием в нем;
- об операциях и (или) объеме операций и (или) объеме средств эмитента — кредитной организации в иностранной валюте;

¹⁰ СЗ РФ. 2019. № 15. Ст. 1767.

¹¹ См.: Бирюков Д. О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности. М., 2020. С. 191.

¹² Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7600.

- об остатках и (или) объеме средств на счетах, открытых эмитентами — кредитными организациями разным типам клиентов;
- о сегментах деятельности эмитента — кредитной организации (в том числе в обобщенном виде);
- о контрагентах эмитента, об их отраслевой и географической структуре (в том числе в обобщенном виде).

Очевидно, что данная информация значима для владельцев ценных бумаг, без нее чрезвычайно сложно реализовать право на оспаривание сделок и доказать причинение убытков, поэтому важно не допустить злоупотребления правом на нераскрытие указанной информации.

Важно понимать, что Постановление не определяет конкретных способов предоставления и (или) раскрытия информации, соответственно, это могут быть любые формы, в том числе:

- протоколы заседаний совета директоров и протоколы общих собраний акционеров;
- ежеквартальные отчеты;
- годовые отчеты;
- сообщения о существенных фактах;
- эмиссионные документы;
- бухгалтерская и консолидированная финансовая отчетность;
- список аффилированных лиц;
- отчет об итогах голосования на общем собрании акционеров;
- раскрытие отдельных видов инсайдерской информации.

9 октября 2019 г. Банк России разъяснил условия применения предоставленных Постановлением прав на ограниченное раскрытие и (или) предоставление информации¹³. Так, если эмитент реализовал указанное право, он обязан направить в Банк России уведомление¹⁴, содержащее информацию, которая не раскрывается или не предоставляется, в объеме, установленном законодательством для ее раскрытия (предоставления). При этом важно отметить, что отдельное уведомление рекомен-

дуется направлять в Банк России по каждому случаю наступления события, повлекшего обязанность раскрыть (предоставить) информацию.

С начала действия Постановления и указанных разъяснений Банка России эмитенты стали активно пользоваться возможностью раскрывать и (или) предоставлять информацию в ограниченном объеме, в связи с чем сформировался значительный массив информации, проанализировав который можно сделать некоторые выводы о практике применения компаниями норм Постановления.

Особенно важно для целей настоящей статьи было изучить примеры использования эмитентами норм Постановления и выделить наиболее интересные случаи, которые можно отнести к ненадлежащей практике.

1. Отказ акционеру в предоставлении документов в связи с наличием в их составе информации, которую эмитент вправе не раскрывать в соответствии с Постановлением.

В связи с тем что взаимоотношения между акционером и обществом в рамках предоставления информации носят непубличный характер, примеры применения норм Постановления в данных правоотношениях можно подчерпнуть только из судебной практики.

На дату написания статьи предметом рассмотрения арбитражного суда стал всего один иск акционера¹⁵, связанный с неполучением от общества информации. Дело было рассмотрено Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, после чего решение прошло апелляционную и кассационную инстанции. Предметом рассмотрения стало прекращение управлением Центрального банка РФ производства по делу об административном правонарушении в отношении эмитента в связи с его малозначительностью.

Согласно судебным актам, акционерное общество отказало в представлении акционеру, владеющему более 1 % голосующих акций, документов (протоколов заседаний совета директоров и списка лиц, имеющих право на участие

¹³ Информационное письмо Банка России от 09.10.2019 № ИН-06-28/79 «О некоторых вопросах, связанных с ограничением эмитентами состава и (или) объема раскрываемой (предоставляемой) информации» // Вестник Банка России. 17.10.2019. № 68.

¹⁴ Форма такого уведомления приведена в указании Банка России от 21.03.2019 № 5096-У «О форме и порядке направления эмитентами в Банк России уведомления, содержащего информацию, которая не раскрывается и (или) не предоставляется» (Вестник Банка России. 30.05.2019. № 34).

¹⁵ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области 30.06.2020 по делу № А56-35841/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

в общем собрании акционеров) со ссылкой на Постановление, так как в тексте указанных документов содержалась информация, указанная в Постановлении.

Несмотря на прекращение производства по административному правонарушению, в судебных актах содержится вывод о наличии нарушения со стороны эмитента. То есть общество было вправе изъять информацию, указанную в Постановлении, однако документы все равно должны быть представлены акционеру.

Представляется, что в подобной ситуации эмитент должен предоставлять запрашиваемые документы в сокращенном объеме и указывать, какие его части подверглись изменению и какой именно вид информации был изъят, то есть у акционера должно быть полное понимание, что документ содержит неполную информацию в конкретных частях.

2. Нераскрытие информации о том, какие вопросы вынесены на рассмотрение органом управления.

Многие эмитенты восприняли положения Постановления как разрешение полностью отказать от раскрытия повесток дня заседаний совета директоров (общих собраний акционеров)¹⁶. Очевидно, что такое раскрытие информации не позволяет третьим лицам понять не только суть вопроса повестки дня, но и факт его рассмотрения; невозможно разобраться, одобрялась ли в рамках заседания органа управления какая-либо сделка, происходило ли избрание органов управления и т.д.

Представляется, что Постановление позволяет исключить из раскрытия конкретную информацию, например стороны сделки, фамилии членов органов управления и т.п., а не факт рассмотрения определенного вопроса повестки дня.

Предлагается частично раскрывать вопросы повестки дня, исключая только непосредственно ту информацию, которая указана в Постановлении как возможная к нераскрытию.

Например, если в повестке дня содержится вопрос об одобрении сделки, его можно изложить следующим образом:

О предоставлении согласия на совершение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.*

— Раскрытие информации о формулировке вопроса повестки дня заседания совета директоров ограничивается в соответствии с постановлением Правительства РФ от 04.04.2019 № 400.

3. Применение норм Постановления в случаях, не связанных с действующим санкционным режимом.

В связи с тем что ограниченное раскрытие информации в соответствии с Положением может быть не обусловлено фактическими ограничительными мерами иностранных государств и международных организаций, на практике можно столкнуться с ситуациями, когда эмитенты не раскрывают информацию, которая не несет каких-либо рисков для них с точки зрения санкционных ограничений, но является существенной для акционеров и участников рынка.

Наиболее яркий пример — нераскрытие эмитентами наименований аудиторских организаций, утверждаемых для проверки финансовой отчетности¹⁷. Очевидно, что у эмитентов действительно может быть формальное право не раскрывать своих аудиторов, ведь, согласно Постановлению, эмитенты вправе не раскрывать информацию о своих контрагентах.

В то же время санкции ЕС, США и других субъектов международного права не предусматривают ограничений на оказание аудиторских услуг, более того, большинство крупнейших российских эмитентов зачастую пользуются услугами иностранных аудиторских компаний в целях повышения доверия к достоверности отчетности со стороны инвесторов. На этом фоне нераскрытие эмитентами своих аудиторов представляется злоупотреблением предоставленными Постановлением правами, что при широком использовании данной практики может снизить доверие между участниками рынка и привлекательность компаний для инвестиций.

Кроме того, встречаются случаи, когда эмитенты не раскрывают информацию о сумме

¹⁶ URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=jrfWv6G92kiPAZviYw5eg-B-B&q=7%2b7x8uDt7uLr5e3o5SA0MDA%3d> (дата обращения: 30.03.2021) ; URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=bFSFEsIF00GCfOju561kiw-B-B&q=7%2b7x8uDt7uLr5e3o5SA0MDA%3d> (дата обращения: 30.03.2021).

¹⁷ <https://www.e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=w4hn7e4ORkuTM4Nn-ANw0yA-B-B&q=7%2b7x8uDt7uLr5e3o5SA0MDA%3d> (дата обращения: 30.03.2021).
<https://www.e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=SH4kUteT4kef9GWO2NR0bQ-B-B&q=7%2b7x8uDt7uLr5e3o5SA0MDA%3d> (дата обращения: 30.03.2021).

вознаграждения аудитора¹⁸, что, конечно, не соответствует нормам Постановления и не может быть объяснено соображениями защиты общества от санкций.

Представляется целесообразным принятие Банком России разъяснения, которым эмитентам была бы дана рекомендация учитывать цели издания Постановления и применять его положения в совокупности с действующими санкционными рисками, а не руководствуясь исключительно формальными критериями.

4. Нераскрытие консолидированной отчетности в связи с наличием в ней информации, указанной в Постановлении.

Консолидированная отчетность по международным стандартам финансовой отчетности, публикуемая эмитентами, может содержать информацию, нераскрытие которой существенно для эмитентов:

- об акционерах компании;
- о дочерних обществах эмитента;
- о некоторых сегментах и географии деятельности общества;
- о сделках со связанными сторонами.

5 марта 2020 г. в дополнение к рассматриваемому Постановлению Правительство РФ приняло постановление «Об особенностях раскрытия консолидированной финансовой отчетности»¹⁹, которое фактически подтвердило право эмитентов не включать в раскрываемую консолидированную финансовую отчетность информацию, указанную в Постановлении.

Как следует из нормативных актов, эмитент вправе исключить из раскрываемых документов определенную информацию, однако некоторые эмитенты восприняли данные положения как право полностью не раскрывать консолидированную финансовую отчетность²⁰. Очевидно, что подобный подход нельзя назвать надлежащей практикой применения норм Постановления и ее распространение среди эмитентов может стать препятствием для развития российского финансового рынка.

Считаем правильным в ситуации, когда эмитенту необходимо обеспечить нераскрытие какой-либо информации в отчетности, осуществлять раскрытие отчетности с изъятиями, сопровождая каждый случай нераскрытия информации заголовком о том, какой вид информации должен был содержаться в разделе, и ссылкой на Постановление.

Из анализа Постановления и вышеуказанной практики очевидно, что положения Постановления в значительной мере влияют на интересы владельцев ценных бумаг и участников рынка.

Если представить эмитента, который не публикует финансовую отчетность, информацию о принимаемых органами управления решениях; не раскрывает аудитора общества; не предоставляет информацию о ключевых сделках, контрагентах, об изменениях в составе акционеров, то логично сделать вывод, что ценные бумаги такого эмитента вряд ли можно назвать привлекательными для приобретения, ведь практически невозможно сделать вывод о финансовом состоянии, перспективах компании и рыночной стоимости ценных бумаг такого эмитента. Соответственно, действующие акционеры (участники, владельцы ценных бумаг) компании, оказавшись в ситуации информационного вакуума, почти наверняка понесут убытки в случае продажи принадлежащих им ценных бумаг, резко потерявших ликвидность.

Важно понимать, что решения инвесторов на финансовых рынках основаны на информации о возможных рисках и на отношении отдельного инвестора к этим рискам. Если такая информация является неполной, это приводит к нарушению рыночных механизмов конкуренции, а рынок становится менее привлекательным для инвесторов. Поэтому для стабильности и эффективности функционирования рынка столь важное значение имеет система раскрытия информации об участниках финансового рынка и рынка ценных бумаг, качество финансовой отчетности и организация контроля за ее достоверностью²¹.

¹⁸ <https://www.e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=htxsNKcrlkqXufvdZOE5Ew-B-B&q=7%2b7x8uDt7uLr5e3o5SA0MDA%3d> (дата обращения: 30.03.2021).

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 05.03.2020 № 232 «Об особенностях раскрытия консолидированной финансовой отчетности» // СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1353.

²⁰ URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=5c0ZKS71VkG2vvNy9WHDKg-B-B&q=7%2b7x8uDt7uLr5e3o5SA0MDA%3d> (дата обращения: 30.03.2021) ; URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=CXdAaoZbAEuoAStnAgUQiw-B-B&q=7%2b7x8uDt7uLr5e3o5SA0MDA%3d&attempt=1> (дата обращения: 30.03.2021).

²¹ *Мошенский С. З.* Рынок ценных бумаг: трансформационные процессы. М., 2010. С. 131.

Единственным способом защиты интересов инвесторов в вышеуказанной ситуации мог бы стать выкуп обществом ценных бумаг тех владельцев, кого такой порядок вещей не устраивает. Такое крайнее средство защиты интересов инвесторов уместно, когда общество совершает экстраординарные действия, которые влекут фундаментальные изменения в устройстве компании²².

Закрепить в законе такое право можно, например, путем отнесения решения о применении к компании норм Постановления к компетенции общего собрания акционеров (общего собрания участников). При этом акционеры (владельцы ценных бумаг), которые выразят несогласие с данным решением, должны получить право потребовать выкупа принадлежащих им ценных бумаг по рыночной стоимости, определенной независимым оценщиком.

Конечно, такой сценарий с выкупом может привести к негативным финансовым послед-

ствиям для эмитента, поэтому законодательно должны быть также предусмотрены ограничения количества денежных средств, которые эмитент может направить на выкуп своих ценных бумаг.

Представляется обоснованным использовать ограничение в размере 10 % от чистых активов на последнюю отчетную дату, по аналогии со ст. 76 Федерального закона «Об акционерных обществах».

Благодаря реализации указанного подхода будет соблюден баланс интересов эмитента и владельцев его ценных бумаг. Перед владельцами компаний встанет выбор: либо соблюдать информационную прозрачность, быть открытыми рынку и нести санкционные риски, либо ограничить доступ к информации о деятельности компаний, предоставив другим владельцам ценных бумаг возможность продать их активы по справедливой цене.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюков Д. О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности. — М., 2020.
2. Гландин С. В. Роль Интернета в отслеживании нарушителей режима санкций США в отношении России // Вестник московского университета. Серия 11 : Право. — 2018. — № 6. — С. 96–112.
3. Knobель А. Ю., Лощенкова А. Н. Санкции и их последствия // Экономическая политика России. Турбулентное десятилетие 2008–2018. — М., 2020. — Т. 4. — С. 176–196.
4. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 27 / под ред. В. М. Жуйкова. — М., 2019.
5. Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг: трансформационные процессы. — М., 2010.
6. Greuning H. van. International Financial Reporting Standards. A Practical Guide. — Washington, DC, 2009.

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Biryukov DO. Do minor: requiem dlya minoritariyev v mazhornoj tonalnosti [In C minor: Requiem for minor players in a major key]. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Glandin SV. Rol Interneta v otslezhivanii narushiteley rezhima sanktsiy SShA v otnoshenii Rossii [The role of the Internet in tracking violators of the US sanctions regime against Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11: Pravo [MSU Bulletin. Series 11: Law]*. 2018;6:96-112. (In Russ.).
3. Knobel AYU, Loshchenkova AN. Sanktsii i ikh posledstviya [Sanctions and their consequences]. *Ekonomicheskaya politika Rossii. Turbulentnoe desyatiletie 2008–2018 [The economic policy in Russia. The 2008–2018 turbulent decade]*. 2020;4:176-196. (In Russ.).
4. Zhuykov VM, editor. Kommentariy praktiki rassmotreniya ekonomicheskikh sporov (sudebno-arbitrazhnoy praktiki) [Commentary on the practice of consideration of economic disputes (judicial and arbitration practice)]. Issue 27. Moscow; 2019. (In Russ.).
5. Moshenskiy SZ. Rynok tsennykh bumag: transformatsionnye protsessy [The securities market: Transformation processes]. Moscow; 2010. (In Russ.).
6. Greuning H. van. International Financial Reporting Standards. A Practical Guide. Washington DC; 2009. (In Eng.).

²² Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 27 / под ред. В. М. Жуйкова. М., 2019.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.118-125

П. И. Дойников*

О качественном совершенствовании законодательства об охране животного мира

Аннотация. Российскую Федерацию населяет около 150 тысяч разновидностей животных, эта цифра составляет около 9 % мировой фауны, что, руководствуясь логикой утилитарно-хозяйственно-правового подхода, называемого рациональным использованием природных ресурсов, именуют совокупностью живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны России, являющихся только частью предмета формирующейся комплексной отрасли фаунистического права, вместе с дикими животными в неволе, служебными животными, домашними животными, сельскохозяйственными животными, живыми организмами, полученными в результате использования технологий генной инженерии. Высшие млекопитающие являются чувствующими существами, то есть способны испытывать страдания, боль, эмоции, а развитие интеллекта подтверждается решением сложнейших естественно-природных задач и головоломок, что позволяет считать их личностями нечеловеческой природы и нечеловеческого происхождения, в связи с чем некорректно ассоциировать часть объектов животного мира, относящихся к высшим млекопитающим, с объектами права собственности, то есть вещами. Промысловая, любительская и спортивная охота — это разновидности охоты в России, осуществляемые путем отлова или отстрела, выраженного в умерщвлении охотничьих ресурсов, то есть объектов животного мира, которые можно использовать для охоты. Охота в отечественном законодательстве представляет собой форму досуга, рекреации и хозяйственной деятельности, игнорирующую естественные права высших животных, в том числе право на жизнь. Характерной чертой Закона «Об ответственном обращении с животными» является то, что его нормы и принципы обращения с животными не распространяются на объекты животного мира, морских и водных млекопитающих, животных, отнесенных к охотничьим ресурсам, сельскохозяйственным животным, живым организмам, созданным в результате осуществления генно-инженерной деятельности, что существенно снижает его гуманистическую значимость.

Ключевые слова: животный мир; право собственности; морские и водные млекопитающие; зверобойный промысел; охота; естественные права животных; принципы обращения с животными; высшие млекопитающие; патронаж и покровительство; чувствующие существа.

Для цитирования: Дойников П. И. О качественном совершенствовании законодательства об охране животного мира // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 118–125. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.118-125.

© Дойников П. И., 2021

* Дойников Павел Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природо-ресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

pidoinikov@msal.ru

On the Qualitative Improvement of the Wildlife Protection Legislation

Pavel I. Doynikov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
pidoinikov@msal.ru

Abstract. The Russian Federation is inhabited by about 150 thousand species of animals and this figure accounts for 9% of the world's fauna. Guided by the logic of the utilitarian economic and legal approach called rational use of natural resources, this number includes a set of living organisms of all types of wild animals that permanently or temporarily inhabit the territory of the Russian Federation and are in a state of natural freedom, as well as related to the natural resources of the continental shelf and the exclusive economic zone of Russia, which are only part of the subject of the emerging complex branch of faunal law, together with wild animals in captivity, service animals, domestic animals, agricultural animals, and living organisms obtained as a result of the use of genetic engineering technologies. Higher mammals are sentient beings, that is, they are capable of experiencing suffering, pain, emotions, and the development of intelligence is confirmed by solving the most complex natural problems and puzzles, which allows us to consider them as individuals of non-human nature and non-human origin, and therefore it is incorrect to associate some of the objects of the animal world belonging to higher mammals with objects of property rights, that is, things. Commercial, amateur and sports hunting are types of hunting in Russia, carried out by trapping or shooting, expressed in the killing of hunting resources, that is, objects of the animal world that can be used for hunting. Hunting in the domestic legislation is a form of leisure, recreation and economic activity that ignores the natural rights of higher animals, including the right to life. A characteristic feature of the Law "On Responsible Treatment of Animals" is that its norms and principles for the treatment of animals do not apply to objects of the animal world, marine and aquatic mammals, animals classified as hunting resources, agricultural animals, living organisms created as a result of genetic engineering activities, which significantly reduces its humanistic significance.

Keywords: wildlife; property rights; marine and aquatic mammals; sea hunting industry; hunting; animal rights; principles of animal treatment; higher mammals; patronage and protection; sentient beings.

Cite as: Doynikov PI. O kachestvennom sovershenstvovanii zakonodatelstva ob okhrane zhivotnogo mira [On the Qualitative Improvement of the Wildlife Protection Legislation]. *Lex russica*. 2021;74(8):118-125. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.118-125. (In Russ., abstract in Eng.).

Исходя из современных естественно-научных концепций и бытийных представлений, животный мир в своем составе объединяет всех представителей Animalia (животных) на планете Земля. Россию населяют порядка 150 тысяч разновидностей животных, эта цифра составляет около 9 % мировой фауны¹. Руководствуясь логикой утилитарно-хозяйственно-правового подхода, называемого рациональным использованием природных ресурсов, законодатель в Федеральном законе от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (далее — Закон «О животном мире») определил животный мир как сово-

купность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации². Животный мир в данном понимании вместе с дикими животными в неволе, служебными животными, домашними животными, сельскохозяйственными животными, живыми организмами, полученными в результате использования технологий генной инженерии³ является частью

¹ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году». М., 2020. С. 207–212. URL: <http://www.sevin.ru/bioresrus/classification/animals/vertebrates.html> (дата обращения: 18.03.2021).

² Голиченков А. К. Экологическое право России : Словарь юридических терминов : учебное пособие. М., 2016. С. 121, 404.

³ Елисеев В. С. Фаунистическое право: расширительный взгляд // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов : XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

предмета фаунистического права — формирующейся комплексной отрасли права⁴, ценностным ядром которой должна являться цивилитарно-либертарная концепция прав животных⁵.

Неотъемлемой составляющей правового положения животного мира, то есть диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы и обитающих в пределах территории Российской Федерации или временно находящихся на ней⁶, является закрепленный в ст. 4 Закона «О животном мире» режим права государственной собственности на объекты животного мира⁷.

Доктринально дикие животные, изъятые из естественной среды обитания, могут находиться в частной, государственной, муниципальной или иных формах собственности.

Высшие млекопитающие являются чувствующими существами⁸, то есть они способны испытывать страдания, боль, эмоции, а развитие интеллекта подтверждается решением сложнейших естественно-природных задач и головоломок⁹, что позволяет считать их личностями нечеловеческой природы и нечеловеческого происхождения¹⁰, обладающими естественным правом на жизнь. В этой связи уместно провести параллели с зарубежным законодательством. Так, в 2008 г. парламентарии Испании признали право на свободу и жизнь человекообразных обезьян¹¹. В 2015 г. в США органы судебной власти

признали аналогичные права за шимпанзе¹² — обезьянам Геркулесу и Лео, используемым в медицинских экспериментах, была предоставлена личная свобода. В 2020 г. Федеральный суд Швейцарии вынес положительное решение по предложению общественности о закреплении в Конституции прав обезьян¹³.

Приведенные примеры из практики зарубежного законодательства рождают мысль о том, что некорректно признавать часть объектов животного мира, относящихся к высшим млекопитающим, объектами права собственности, то есть вещами.

Целесообразно в качестве гуманного и разумного компромисса предложить законодателю признавать высших млекопитающих, которые изъятые из естественных условий обитания и содержатся в условиях неволи, находящимися у своеобразного «опекуна», патрона на титуле «патронажа и покровительства», по правовой природе сходного с опекой и попечительством¹⁴.

Применение традиционных методов добычи объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности, если такие методы прямо или косвенно не ведут к снижению биологического разнообразия, не сокращают численность и устойчивое воспроизводство объектов животного мира, не нарушают среду их обитания и не представляют опасности для человека.

(МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета МГУ имени М. В. Ломоносова (МГУ) : в 5 ч. М., 2020. С. 178–186.

⁴ Дойников П. И. О предмете и методах фаунистического права России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 241–242.

⁵ Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001 ; Франсионе Г. Введение в теорию прав животных. Филадельфия, 2000.

⁶ Колбасов О. С. Право собственности на животный мир // Развитие аграрно-правовых наук. М., Изд-во ИГИП АН СССР, 1980. С. 56–70.

⁷ Крассов О. И. Право собственности на землю в странах Европы : монография. М., 2014. С. 180–182.

⁸ Под данным термином понимается сообщество (группа) представителей царства животных, способных руководствоваться в различных жизненных ситуациях не инстинктивным поведением (инстинктами), а преобразованным и приобретенным жизненным опытом.

⁹ Пайенсон Н. Наблюдая за китами. Прошлое, настоящее и будущее загадочных гигантов. М., 2020. С. 133–200 ; Продвинутый интеллект китов и дельфинов — эволюционная реакция на необходимость жить в обществе // URL: <https://habr.com/ru/post/407517/>.

¹⁰ Риган Т. В защиту прав животных. Киев, 2003. С. 3–5 ; URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/science/article6973994.ece> (дата обращения: 18.03.2021).

¹¹ URL: <https://lenta.ru/news/2008/06/26/right/> (дата обращения: 18.03.2021).

¹² URL: <https://www.newsru.com/world/21apr2015/chimps.html> (дата обращения: 18.03.2021).

¹³ URL: <https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/obschestvo/9479323> (дата обращения: 18.03.2021).

¹⁴ Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

Глава 6 Закона «О животном мире» содержит право коренных малочисленных народов Российской Федерации на применение традиционных методов добычи объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности¹⁵, включая охоту и собирательство, среди которых можно назвать такие, как: разведение зверей, переработка и реализация продукции звероводства, морского зверобойного промысла¹⁶, осуществляемого в форме добычи китов, моржей, тюленей и других водных млекопитающих, то есть рыболовства¹⁷, результатом осуществления которого является ежегодная добыча около 100 тыс. объектов животного мира¹⁸, относящихся к видам водных млекопитающих. Описываемый вид хозяйственной деятельности «унаследован» от эпохи дикости и варварства, то есть доисторических ступеней производственной культуры¹⁹. В связи с вышеизложенным представляется гуманно-целесообразным рекомендовать законодателю исключить звероводство и морской зверобойный промысел из традиционных методов пользования объектами животного мира.

Статья 34 Закона «О животном» мире содержит охоту и рыболовство наряду с другими видами пользования животным миром в Российской Федерации.

В статье 12 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении

охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержится любительская и спортивная охота как виды охоты в России²⁰, осуществляемые путем отлова или отстрела, выраженного в умерщвлении охотничьих ресурсов²¹, то есть объектов животного мира, которых можно использовать для охоты²². Результатом подобной рекреационной, досуговой и спортивной деятельности²³ явилось уменьшение численности популяции многих видов животных, в особенности пушных и кабанов, отнесенных к охотничьим ресурсам²⁴. В качестве разновидностей охоты стоит упомянуть промысловую охоту, представляющую собой хозяйственную деятельность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляемую в целях продажи, производства и заготовки продукции охоты путем добычи охотничьих ресурсов.

Наличие вышеописанных видов охоты в отечественном законодательстве представляет собой формы досуга, рекреации и хозяйственной деятельности, игнорирующие естественные права высших животных, в том числе право на жизнь. Подобные виды досуга и рекреации выражают «страсть», которая, «оставаясь... по силе привычки и врожденной наследственной потребности одним из главных

¹⁵ Полярное право : монография / Т. Б. Мордвинова, А. С. Скаридов, М. А. Скаридова ; под ред. А. С. Скаридова. М., 2020. С. 180–199.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации».

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2017 № 2569-р «Об утверждении перечней видов водных биоресурсов, в отношении которых осуществляются промышленное рыболовство и прибрежное рыболовство» // Морские охотники Чукотки. URL: huntportal.ru (дата обращения: 18.03.2021).

¹⁸ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году». С. 230–232.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 6 : Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Г. Моргана. С. 109–114.

²⁰ Комментарий к Федеральному закону от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / под ред. О. Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс», 2011.

²¹ Приказ Минсельхоза РФ от 20.01.2009 № 23 «Об утверждении Порядка регулирования численности объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Данилкин А. А., Краев Н. В. Воля, полуволя и неволя (проблемы правового регулирования разведения охотничьих животных) // Экологическое право. 2017. № 6.

²³ Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году». С. 212–224.

удовольствий»²⁵, сохранившихся в российском обществе с дореволюционных времен²⁶, не совместима с представлениями о гуманизме, морали и нравственности XXI в. В цивилизованном правовом государстве досуг и рекреация не могут осуществляться в форме умерщвления животных, так как их «естественное право на жизнь написано в сердце человека, а справедливость состоит в том, чтобы предоставить его!»²⁷ По мнению Ж. Эллюля, «естественное право существует как реальный феномен в природе, а человеческое право опосредует переход от божественного законодательства к позитивному праву (закону), который будет выражением естественного порядка, производного от божьей справедливости»²⁸. В этой связи целесообразно предложить законодателю исключить любительскую и спортивную охоту из видов охоты в Российской Федерации, а также исключить высших млекопитающих из состава охотничьих ресурсов при осуществлении промысловой охоты.

Рыболовство, согласно Закону «О животном мире», осуществляется через добычу, в том числе умерщвление, морских млекопитающих. Термин «морские млекопитающие» пересекается с термином «водные млекопитающие», включающим большее количество видов животных²⁹ по сравнению с содержащимся в Федеральном законе от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» в качестве составного компонента водных биологических ресурсов.

В 2010 г. зоолог Лори Марино из США и ее коллеги из университета Эмори в Атланте провели анатомические исследования китообраз-

ных, они использовали аппарат магнитно-резонансной томографии для сканирования мозга дельфинов. В результате выяснилось, что объем мозга дельфинов относительно размера тела гораздо больше, чем у шимпанзе, а наблюдения за их образом жизни свидетельствуют о высоком уровне умственного развития. Исследователи предположили, что китообразных следует рассматривать как чувствующих существ, как личности нечеловеческой природы и нечеловеческого происхождения, равно как и всех водных млекопитающих, с предоставлением им права считаться индивидуумами³⁰. У них должно быть естественное право на жизнь, то есть «содержащийся в правосознании образ справедливого права, возникающий в результате диалектического развития духа»³¹, выраженного в качественном развитии представлений о естественных правах животных³². В правовой системе Новой Зеландии, в Marine Mammals Protection Act 1978, закреплено право на жизнь, право на защиту от жестокого обращения, право не быть подвергнутым медицинскому или научному эксперименту³³.

Тем не менее морские и водные млекопитающие, киты, тюлени, моржи и другие животные представляют собой важнейший компонент биосферы Российской Федерации, включенный в хозяйственную деятельность, используемый в культурно-просветительских и предпринимательских целях³⁴. В настоящий момент количество добываемых, то есть умерщвляемых, морских и водных млекопитающих по официальным данным доходит до 80–90 тысяч в год³⁵, не считая того количества, которое добыто в результате браконьерской

²⁵ Охота // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907.

²⁶ *Сабанев Л. П.* Все об охоте. По изданиям 1892–1899 гг. М., 2019.

²⁷ *Wolf E.* Recht des Nächsten. Frankfurt a. M., 1958.

²⁸ *Ellul J.* The theological foundation of law. Garden City (N. Y.) 1960.

²⁹ *Сиваков Д. О.* Законодательство о водных биоресурсах // Экологическое право. 2006. № 4.

³⁰ <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/science/article6973994.ece> (дата обращения: 18.03.2021).

³¹ *Четвернин В. А.* Современные концепции естественного права. М., 1988. С. 51.

³² *Франсионе Г.* Введение в теорию прав животных. Филадельфия, 2000.

³³ URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1978/0080/latest/DLM25111.html> (дата обращения: 18.03.2021).

³⁴ *Каспрова Ю. А., Куделькин Н. С.* Актуальные проблемы правового регулирования вылова и содержания китообразных в учебных и культурно-просветительских целях // Экологическое право. 2020. № 3 ; Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права : учебное пособие / отв. ред. О. А. Зиновьева, Н. О. Ведышева. М., 2020. С. 189–199.

³⁵ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году». С. 230–232.

деятельности. Несмотря на то, что Э. Шпрангер видел «в естественном праве фактор, опосредующий воздействие развивающегося духа на позитивное право, исторически обусловленный образ права будущего»³⁶, представляемого в легализованных естественных правах высших животных!

В свете изложенных фактов сто́ит предложить законодателю исключить морских млекопитающих из объектов животного мира в Законе «О животном мире», подлежащих добыче при осуществлении рыболовства, исключить водных млекопитающих из состава водных биологических ресурсов в Федеральном законе № 166-ФЗ «О рыболовстве...», закрепить в специальном нормативном правовом акте за морскими и водными млекопитающими право не быть подвергнутыми медицинскому или научному эксперименту, право на защиту от жестокого обращения, право на жизнь.

В 2018 г. в России был принят Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон «Об ответственном обращении с животными»), закрепивший правовой режим обращения с домашними животными, служебными животными, дикими животными в неволе, животными без владельца, а также потенциально опасными породами собак³⁷, основанный на представлениях о том, что перечисленные животные являются чувствующими существами, способными испытывать эмоции и физические страдания, и на принципах ответственности людей за судьбы животных, а также формирования у граждан отношения к животным, основанного на гуманности и нравственности, сочетании обоснованных с научных позиций социальных, экономических,

нравственных интересов государства, общества, человека. Характерной чертой Закона «Об ответственном обращении с животными» является то, что его нормы и принципы обращения с животными не распространяются на объекты животного мира, морских и водных млекопитающих, животных, отнесенных к охотничьим ресурсам, сельскохозяйственных животных, живые организмы, созданные в результате генно-инженерной деятельности, что существенно снижает его гуманистическую значимость. По мнению М. Мюллера, «развитие права — результат исторического саморазвития свободы, проявляющегося в процессе осознания человеком своей сущности»³⁸ и в осознании сущности естественных прав высших животных!

В этой связи представляется назревшей необходимостью прямо или опосредованно распространить вышеназванные принципы обращения с животными на диких животных в состоянии естественной свободы, морских и водных млекопитающих, животных, отнесенных к охотничьим ресурсам, сельскохозяйственных животных, живые организмы, полученные в результате генно-инженерной деятельности, всех высших млекопитающих. Потому что естественное право, выраженное в свободе, как и в духе, имеет свое историческое воплощение в сознании человека. Формирующиеся в индивидуальном и общественном сознании убеждения выражаются в историческом процессе, правоведении, общественном сознании, а право, инициированное диалектическим саморазвитием, формирует устои человеческого существования, законы и организацию общественного бытия. Необходимость осознанных изменений отношения к животному миру, выраженных в легализации естественных прав животных, исходит из необходимости их защиты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права : учебное пособие / отв. ред. О. А. Зиновьева, Н. О. Ведышева. — М., 2020.
2. Голиченков А. К. Экологическое право России : Словарь юридических терминов : учебное пособие. — М., 2016.

³⁶ Spranger E. Zur Frage der Erneuerung des Naturrechts // NoR. S. 97. 100 ff.

³⁷ Хорьков В. Н., Курилех Ю. С. Новое законодательство об ответственном обращении с животными: достоинства и недостатки // Современное право. 2019. № 9.

³⁸ Muller M. Die ontologies Problematik des Naturrechts // OB. S. 461–468 ; Muller M. Philosophische Anthropologie. Freiburg ; Munchen, 1974. S. 182 ff.

3. Данилкин А. А., Краев Н. В. Воля, полуволя и неволя (проблемы правового регулирования разведения охотничьих животных) // Экологическое право. — 2017. — № 6.
4. Дойников П. И. О предмете и методах фаунистического права России // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 3 (183).
5. Елисеев В. С. Фаунистическое право: расширительный взгляд // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов : XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ) : в 5 ч. — М., 2020.
6. Каспровая Ю. А., Куделькин Н. С. Актуальные проблемы правового регулирования вылова и содержания китообразных в учебных и культурно-просветительских целях // Экологическое право. — 2020. — № 3.
7. Колбасов О. С. Право собственности на животный мир // Развитие аграрно-правовых наук — М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980.
8. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / под ред. О. Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс», 2011.
9. Крассов О. И. Право собственности на землю в странах Европы : монография. — М., 2014.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : в 9 т. — М., 1987. — Т. 6 : Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Г. Моргана.
11. Мордвинова Т. Б., Скаридов А. С., Скаридова М. А. Полярное право : монография / под ред. А. С. Скаридова. — М., 2020.
12. Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. — М., 2001.
13. Пайенсон Н. Наблюдая за китами. Прошлое, настоящее и будущее загадочных гигантов. — М., 2020.
14. Риган Т. В. защиту прав животных. — Киев, 2003.
15. Сабанеев Л. П. Все об охоте. По изданиям 1892–1899 гг. — М., 2019.
16. Сиваков Д. О. Законодательство о водных биоресурсах // Экологическое право. — 2006. — № 4.
17. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. — М., 1988.
18. Хорьков В. Н., Курилев Ю. С. Новое законодательство об ответственном обращении с животными: достоинства и недостатки // Современное право. — 2019. — № 9.
19. Франсионе Г. Введение в теорию прав животных. — Филадельфия, 2000.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. — СПб., 1890–1907.
21. Ellul J. The theological foundation of law. — Garden City (N. Y.), 1960.
22. Muller M. Die ontologies Problematik des Naturrechts // OB. — S. 461–468.
23. Muller M. Philosophische Anthropologie. — Freiburg; Munchen, 1974.
24. Wolf E. Recht des Nächsten. — Frankfurt a. M., 1958.

Материал поступил в редакцию 19 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Zinovev OA, Vedysheva NO, editors. Aktualnye problemy zemelnogo, gradostroitel'nogo i prirodoresurnogo prava: uchebnoe posobie [Topical issues of land, urban planning and natural resource law: A textbook]. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Golichenkov AK. Ekologicheskoe pravo Rossii: slovar yuridicheskikh terminov: uchebnoe posobie [Environmental law of Russia: Dictionary of legal terms: A textbook]. Moscow; 2016. (In Russ.).
3. Danilkin AA, Kraev NV. Volya, poluvolya i nevolya, problemy pravovogo regulirovaniya razvedeniya okhotnichikh zhivotnykh [Freedom, half-freedom and captivity, and problems of legal regulation of hunting animals breeding]. *Ekologicheskoe pravo [Environmental law]*. 2017;6. (In Russ.).
4. Doynikov PI. O predmete i metodakh faunisticheskogo prava Rossii [On the subject and methods of faunal law in Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and the State: Theory and practice]*. 2020;3(183). (In Russ.).

5. Eliseev VS. Faunisticheskoe pravo: rasshiritelnyy vzglyad [Faunistic law: An expansive view]. Prava i obyazannosti grazhdanina i publichnoy vlasti: poisk balansa interesov. XVII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskie chteniya) Moskovskogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni O.E. Kутафина (MGYu) i XX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya yuridicheskogo fakulteta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova (MGU) : v 5 ch. [The rights and obligations of a citizen and public authorities: The search for a balance of interests. 17th International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and the 20th International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (MSU). In 5 vols.]. Moscow; 2020. (In Russ.).
6. Kasprova YuA, Kudelkin NS. Aktualnye problemy pravovogo regulirovaniya vylova i sodержaniya kitoobraznykh v uchebnykh i kulturno-prosvetitskikh tselyakh [Topical issues of legal regulation of the catch and keeping of cetaceans for educational, cultural and educational purposes]. *Ekologicheskoe pravo [Environmental Law]*. 2020;3. (In Russ.).
7. Kolbasov OS. Pravo sobstvennosti na zhivotnyy mir [The right of ownership of the animal world]. *Razvitie agrarno-pravovykh nauk [Development of agrarian and legal sciences]*. Moscow: IGIP of the USSR Academy of Sciences Publishing House; 1980. (In Russ.).
8. Dubovik OL, editor. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 24 iyulya 2009 g. № 209-FZ "Ob okhote i o sokhranении okhotnichikh resursov, i o vnesenii izmeneniy v otдельnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii" (postateynny) [Commentary to Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2009 "On Hunting and on Conservation of Hunting Resources, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (article by article)]. Legal reference system "Konsultant Plus" [Electronic resource]. 2011. (In Russ.).
9. Krassov OI. Pravo sobstvennosti na zemlyu v stranakh Evropy: monografiya [The right to ownership of land in the countries of Europe: A monograph]. Moscow; 2014. (In Russ.).
10. Marx K, Engels F. Proiskhozhdenie semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami G. Morgana. T. 6 [The origin of the family, private property and the state. In connection with the research of G. Morgan. Vol. 6]. In: *Izbrannye sochineniya: v 9 t.* [Selected works: in 9 vols.]. Moscow; 1987. (In Russ.).
11. Mordvinova TB, Skaridov AS, Skaridova MA. Polyarnoe pravo: monografiya [Polar law: A monograph]. Moscow; 2020. (In Russ.).
12. Nersesyants VS. Natsionalnaya ideya Rossii vo vseмирno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti. Manifest o tsivilizme [The national idea of Russia in the world historical progress of equality, freedom and justice. A manifesto about civilism]. Moscow; 2001. (In Russ.).
13. Payenson N. Nablyudaya za kitami. Proshloe, nastoyashchee i budushchee zagadochnykh gigantov [Watching the whales. The past, present and future of the mysterious giants]. Moscow; 2020. (In Russ.).
14. Rigan T. V zashchitu prav zhivotnykh [In defense of animal rights]. Kiev; 2003. (In Russ.).
15. Sabaneev LP. Vse ob okhote. Po izdaniyam 1892–1899 gg. [All about hunting. According to the 1892–1899 editions]. Moscow; 2019. (In Russ.).
16. Sivakov DO. Zakonodatelstvo o vodnykh bioresursakh [Legislation on aquatic bioresources]. *Ekologicheskoe pravo [Environmental Law]*. 2006;4. (In Russ.).
17. Chetvernin VA. Sovremennye kontseptsii estestvennogo prava [Modern concepts of natural law]. Moscow; 1988. (In Russ.).
18. Khorkov VN, Kurilekh YuS. Novoe zakonodatelstvo ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi: dostoinstva i nedostatki [New legislation on responsible treatment of animals: Advantages and disadvantages]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2019;9. (In Russ.).
19. Francione G. Vvedenie v teoriyu prav zhivotnykh [Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?]. Philadelphia: Temple University Press; 2000. (In Russ.).
20. Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona: v 86 t. [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 vols.]. St. Petersburg; 1890–1907. (In Russ.).
21. Ellul J. The theological foundation of law. New York: Garden City; 1960. (In Eng.).
22. Muller M. Die ontologies Problematik des Naturrechts. OB. P. 461–468. (In Germ.).
23. Muller M. Philosophische Anthropologie. Freiburg: Munchen; 1974. (In Germ.).
24. Wolf E. Recht des Nachsten. Frankfurt a. M.; 1958. (In Germ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.126-132

А. В. Ярош*

Эксперимент по государственному регулированию программы суррогатного материнства

Аннотация. В погоне за семейным счастьем супружеские пары, столкнувшись с семейным бесплодием, зачастую обращаются к суррогатным матерям — либо напрямую, либо через посредников. Столкнувшись на практике с большим количеством негативных факторов со стороны участников этого процесса, автор приходит к выводу о необходимости в рамках пилотного государственного эксперимента на базе определенной медицинской организации создать площадку для эффективной реализации программы суррогатного материнства под государственным контролем и с использованием новых (экспериментальных) правовых механизмов. Использование частноправовых средств направлено на создание комфортных и безопасных условий для реализации программы суррогатного материнства. Введение специальных кредитных условий (новых видов кредитов, выдаваемых на особых условиях, с дополнительными гарантиями), с возможностью досрочного погашения за счет материнского (семейного) капитала позволит стабилизировать финансовую сторону и обезопасить потенциальных родителей.

Цели и задачи исследования состоят в освещении проблемных вопросов, связанных с реализацией программы суррогатного материнства, а также в моделировании экспериментальной площадки, которая позволит создать благоприятный правовой климат открытости и безопасности для потенциальных родителей, суррогатных матерей и медицинских организаций. В статье также проанализированы преимущества участников этой площадки.

Методы исследования: анализ, синтез, моделирование, сравнительно-правовой, системного анализа, а также дедуктивный и индуктивный методы.

Результатом проведенного исследования является аргументированный вывод автора о том, что реализация эксперимента по государственному регулированию программы суррогатного материнства в России не только позволит создать благоприятные правовые условия, направленные на эффективную реализацию программы суррогатного материнства, но и решит ряд важных социальных, в том числе демографических, задач.

Ключевые слова: экспериментальная площадка; медицинская организация; медицинское заключение; вспомогательные репродуктивные технологии; программа суррогатного материнства; потенциальные родители; суррогатная мать; договор; вознаграждение/гонорар; целевой кредит; материнский (семейный) капитал.

Для цитирования: Ярош А. В. Эксперимент по государственному регулированию программы суррогатного материнства // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 126–132. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.126-132.

© Ярош А. В., 2021

* Ярош Артур Валерьевич, кандидат юридических наук, аналитик ГБУЗ «Центр крови имени О. К. Гаврилова Департамента здравоохранения города Москвы» ул. Поликарпова, д. 14, корп. 2, г. Москва, Россия, 125284 Hsoray@yandex.ru

Surrogacy Program State Regulation Experiment

Artur V. Yarosh, Cand. Sci. (Law), Analyst, O. K. Gavrillov Blood Center of the Moscow City Health Department
ul. Krzhizhanovskogo, d. 15, str. 2, Moscow, Russia, 117997
Hsoray@yandex.ru

Abstract. In the pursuit of family happiness, married couples, faced with family infertility, often turn to surrogate mothers either directly or through intermediaries. Having experienced a large number of negative factors on the part of the participants in this process, the author concludes that it is necessary to create a platform for the effective implementation of the surrogacy program under state control using new (experimental) legal mechanisms within the framework of a pilot state experiment within a certain medical organization. The use of private legal means aims at creating comfortable and safe conditions for the implementation of the surrogacy program. The introduction of special credit conditions (new types of loans issued on special conditions, with additional guarantees), with the possibility of early repayment at the expense of maternal (family) capital will help to stabilize the financial side and protect potential parents.

The goals and objectives of the study are to highlight problematic issues related to the implementation of the surrogacy program, as well as to model an experimental platform that will create a favorable legal climate of openness and security for potential parents, surrogate mothers and medical organizations. The paper also analyzes the advantages of the participants of this platform.

Research methods are analysis, synthesis, modeling, comparative legal, system analysis, as well as deductive and inductive methods.

The result of the conducted research is the author's reasoned conclusion that the implementation of the experiment on state regulation of the surrogacy program in Russia will not only create favorable legal conditions aimed at the effective implementation of the surrogacy program, but also solve a number of important social, including demographic, tasks.

Keywords: experimental site; medical organization; medical certificate; assisted reproductive technologies; surrogacy program; potential parents; surrogate mother; contract; remuneration/fee; target loan; maternal (family) capital.

Cite as: Yarosh AV. Eksperiment po gosudarstvennomu regulirovaniyu programmy surrogatnogo materinstva [Surrogacy Program State Regulation Experiment]. *Lex russica*. 2021;74(8):126-132. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.126-132. (In Russ., abstract in Eng.).

Прошло 25 лет с момента закрепления понятия «суррогатное материнство» в нормативных правовых актах Российской Федерации¹. Однако дальнейшего развития законодательного регулирования отношений, связанных с реализацией этой программы, не последовало, хотя по таким социально этическим вопросам законодатель не должен выступать в роли договорящего.

Вместе с тем на практике депутаты, представители отраслевых ведомств, Следственный комитет РФ и другие чиновники активно начинают действовать лишь после того, как произойдет какое-нибудь трагическое событие.

Таким событием стала в начале 2020 г. смерть мальчика, рожденного суррогатной матерью для супружеской пары из Республики Филиппины², которая привела к возбуждению Следственным комитетом РФ уголовного дела по ч. 1 ст. 109 (причинение смерти по неосторожности) и ч. 3 ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми)³, в том числе в отношении медицинских работников.

Сама по себе программа суррогатного материнства является благом, направленным на преодоление последствий бесплодия потенциальных родителей через использование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Это очень чувствительная тема, поскольку

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Ст. 51, 52 // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Обвиняемые в торговле младенцами врачи арестованы // Vademecum. URL: <https://vademecum.ru/news/2020/07/16/obvinyaemye-v-torgovle-mladentsami-vrachi-arestovany/> (дата обращения: 23.02.2021).

³ Следователи просят арестовать еще четырех подозреваемых по делу о торговле младенцами // Vademecum. URL: <https://vademecum.ru/news/2020/07/16/sledovатели-prosyat-arestovat-eshche-chetyrekh-podozrevaemykh-po-delu-o-torgovle-mladentsami/> (дата обращения: 23.02.2021).

затрагивает не только вопросы нормативно-правового регулирования, но и социальные вопросы.

Однако без должного законодательного регулирования правовых отношений, возникающих при использовании ВРТ, сделать это направление безопасным, открытым и прозрачным не представляется возможным.

На практике возникают ситуации, когда суррогатные матери, исполнив свои обязательства по договору, остаются без обещанного вознаграждения (гонорара), причитающегося ей после рождения ребенка для потенциальных родителей⁴. Жертвами неурегулированных отношений становятся и потенциальные родители, вступающие в договорные отношения с посредническими агентствами⁵ или с суррогатными матерями напрямую⁶.

В связи с этим давно назрела необходимость в дополнительной государственной защите гражданских прав участников ВРТ посредством частноправовых способов. Не вызывает сомнений, что защита семьи, материнства и детства является приоритетной конституционной задачей, что, в свою очередь, не может не отразиться на вспомогательных репродуктивных технологиях, поскольку они взаимосвязаны.

Программа суррогатного материнства, входящая в сферу ВРТ, затрагивает не только вопросы оказания медицинской помощи, вопросы имущественного (финансового) характера со стороны потенциальных родителей, но и вопросы неимущественного характера со стороны суррогатной матери. Таким образом, защита гражданских прав со стороны государства должна строиться не как очередной бюро-

кратический (лицензионный⁷) контроль, а как некая правовая площадка, где гарантом всех обязательств будет выступать государство в лице уполномоченных органов. Через систему государственных, а также частных медицинских организаций (контролируемых государством) само государство может и должно выступать регулятором отношений между потенциальными родителями и суррогатной матерью, между медицинской организацией и потенциальными родителями и т.д.

По словам академика РАМН Г. Т. Сухих, «в настоящее время вспомогательными репродуктивными технологиями в России занимаются 229 специализированных государственных и частных медцентров»⁸, что говорит о том, насколько востребованы данные услуги в гражданском обороте.

Однако отсутствие должного законодательного регулирования, как показывает вышеуказанная практика, вскрывает вопиющие факты недобросовестности посреднических агентств, суррогатных матерей, а также потенциальных родителей. Встречаются случаи предоставления медицинской услуги с использованием ВРТ субъектам, не имеющим на это никаких медицинских показаний, что приводит к передаче рожденного ребенка не для его дальнейшего благополучного воспитания, а для насильственных действий или для «черной трансплантологии»⁹. Как правило, это касается детей, рожденных по «заказу» иностранных родителей. В связи с этим 17 марта 2021 г. прошли парламентские слушания на тему «Законодательное регулирование вывоза иностранцами детей через процедуру суррогатного материн-

⁴ См.: Мошенница, кинувшая 11 суррогатных мам, сама дважды рожала по заказу и одного из малышей сдала в детский дом // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27063/4131469/> (дата обращения: 25.02.2021).

⁵ См.: Младенцы и миллионы: как мошенники наживаются на суррогатном материнстве // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/07/27/mladency-i-milliony-kak-moshenniki-nazhivayutsya-na-surrogatnom-materinstve.html> (дата обращения: 25.02.2021).

⁶ См.: Материнство для богатых: сколько стоят дети из проработки // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/08/28/12608059.shtml> (дата обращения: 25.02.2021).

⁷ См.: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». П. 46 ст. 12 // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

⁸ Сухих Г. Т. предложил сосредоточить программы суррогатного материнства на госклиниках // Vademecum. URL: <https://vademec.ru/news/2020/07/23/sukhikh-predlozhit-sosredotochit-programmy-surrogatnogo-materinstva-na-gosklinikakh/> (дата обращения: 28.02.2021).

⁹ В истории с суррогатными младенцами нашли следы черных трансплантологов // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-istorii-s-surrogatnymi-mladencami-nashli-sledy-chyornyx-transplantologov.html> (дата обращения: 28.02.2021).

ства»¹⁰, где ключевым обсуждаемым положением стал запрет на использование программы суррогатного материнства иностранными гражданами. Этот законодательный шаг заслуживает, по мнению автора, поддержки, поскольку отследить дальнейшую судьбу рожденного в России ребенка, увезенного для воспитания за границу, не представляется возможным.

Вследствие этого напрашивается мнение, что программа суррогатного материнства создана не для реализации одного из методов лечения бесплодия, как указано в ч. 1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹¹, а для воплощения вышеуказанных теневых планов, и зачастую это происходит с участием недобросовестных посреднических агентств, услуги которых оплачивают состоятельные иностранные граждане.

Такая ситуация приводит к тому, что супружеская пара, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям, вынуждена в финансовом плане конкурировать с такими теневыми заказчиками.

Например, стандартное объявление в сети Интернет суррогатной мамы: «Окажу услуги по вынашиванию и рождению ребенка, сумма гонорара составляет 5 млн руб.»¹². Для обычной семейной пары выплатить суррогатной маме такой гонорар достаточно тяжело и многие оформляют на эти цели кредиты.

Таким образом, отсутствие четкого и понятного всем заинтересованным субъектам алгоритма действий приводит к созданию «коридорных» манипуляций, направленных на получение денежных средств многочисленными посредниками, делающими свой бизнес на младенцах.

Для решения вышеописанных проблем, с которыми сталкиваются большинство участников программы суррогатного материнства, автором предлагается организовать государственную площадку, основанную на имущественном комплексе крупных государственных центров, оказывающих медицинскую помощь с использованием ВРТ.

Как отметил Г. Т. Сухих на пресс-конференции «Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор повышения рождаемости в России» 23 июля 2020 г., «программы суррогатного материнства в стране должны быть обязательно сохранены, но сосредоточить их следует на государственных клиниках»¹³.

Такой подход позволит создать профессиональную команду, состоящую не только из медицинского персонала, который оказывает медицинские услуги, но и из юристов, задачей которых будет правовое сопровождение, в том числе урегулирование споров, которые могут возникнуть между участниками этого эксперимента.

В данную команду должны входить и специалисты-психологи. Поскольку не все генетические родители, столкнувшись с драматической ситуацией, могут быть готовы к тому, что их единственный шанс стать генетическими родителями — программа суррогатного материнства, в связи с этим работа специалиста-психолога по поддержке, оказанию необходимой психологической помощи и сопровождению будущих родителей будет необходимой и важной. В такой поддержке могут нуждаться и суррогатные матери.

Создание подобных пилотных площадок можно организовать в ряде крупных городов Российской Федерации, например в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге. Самое главное — получить положительную оценку потенциальных родителей по достижению поставленных целей.

Эти государственные экспериментальные площадки позволят также поключить реальную картину реализации программы суррогатного материнства, в том числе достоверные статистические данные о рожденных с использованием этой программы детях.

Для потенциальных родителей, а также суррогатных матерей такая экспериментальная государственная площадка станет гарантией надлежащего исполнения сторонами взятых на себя обязательств, которую не может дать ни один посредник (агент).

¹⁰ См.: протокол заседания Совета ГД ФС РФ от 18.01.2021 № 300 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.01.2021).

¹¹ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹² URL: <https://ekoplod.ru/board/6018-russkaja-surrogatnaja-mama-31-god-dorogo.html> (дата обращения: 28.02.2021).

¹³ Сухих Г. Т. предложил сосредоточить программы суррогатного материнства на госклиниках.

С целью запуска эксперимента необходимо принять нормативный правовой акт федерального или регионального значения в виде постановления (распоряжения) уполномоченного органа исполнительной власти, которым предлагается утвердить положение о проведении на базе имущественного комплекса медицинской организации эксперимента по применению вспомогательных репродуктивных технологий по программе суррогатного материнства.

Данным актом предлагается либо утвердить перечень подобных медицинских организаций, на площадке которых будет проходить эксперимент, либо определить требования к ним.

Особенность эксперимента будет заключаться в том, что государство в целях регулирования отношения между участниками программы будет использовать институт трехстороннего договора о суррогатном материнстве между медицинской организацией, потенциальными родителями и суррогатной матерью.

Автор предлагает разработать и утвердить типовой проект данного договора указанным выше нормативным правовым актом. Таким образом, медицинская организация будет подбирать для потенциальных родителей суррогатных матерей, которые, в свою очередь, будут соответствовать требованиям, закрепленным в Порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений к их применению, утвержденном приказом Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 № 803н¹⁴.

Требования, предъявляемые к медицинской организации

Основное требование, предъявляемое к медицинской организации — это наличие статуса юридического лица и обладание лицензией на осуществление в качестве основного вида деятельности медицинской деятельности, в том числе с применением вспомогательных репродуктивных технологий (п. 11 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Наличие лицензии дает право утверждать, что медицинская организация обладает необходимыми материально-техническими сред-

ствами, а также имеет в штате соответствующий медицинский персонал, отвечающий предъявляемым законом требованиям¹⁵.

К дополнительным требованиям необходимо отнести наличие в штате медицинской организации иных специалистов, например:

- психологов, задачей которых будет ведение социального контроля путем взаимодействия с потенциальными родителями и суррогатной матерью на всех этапах программы суррогатного материнства, а при необходимости и после нее;
- юристов, в чьи обязанности будет входить подготовка документов правового характера, в том числе предоставление консультаций, а также взаимодействие с государственными органами (органы опеки и попечительства, ЗАГС, суды и т.д.);
- финансисты для проведения финансовых операций, в случае если потенциальные родители размещают финансовое вознаграждение (гонорар) для суррогатной матери за оказанные мероприятия по вынашиванию и рождению ребенка на счете медицинской организации в качестве депозита, счета эскроу и пр.

Еще одним немаловажным вспомогательным инструментом является наличие в медицинской организации Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, которая бы позволяла вносить сведения об участниках программы суррогатного материнства, а также о рожденных в рамках этой программы детях.

Задачи медицинской организации

Основной задачей медицинской организации в этом эксперименте является профессиональный подбор для потенциальных родителей суррогатной матери с последующим оказанием медицинских услуг, в том числе с применением ВРТ.

Эффективный подбор суррогатных матерей будет возможен благодаря создаваемой государством в рамках пилотного проекта информационной картотеки потенциальных участников программы суррогатного материнства. Эта информационная база позволит положить начало массиву статистических данных, направ-

¹⁴ URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2020).

¹⁵ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 100.

ленных на решение различных социальных вопросов, например на установление в целях сохранения женского здоровья количественного предела участия в программе суррогатного материнства (не более 3 или 5 раз). Тех женщин, которые превысили лимит, программа будет автоматически отсеивать и не включать в перечень претенденток.

Перед тем как включать в эту информационную картотеку потенциальных суррогатных матерей, медицинская организация должна будет провести обследование женщины и дать заключение о возможности ее участия в программе суррогатного материнства. Выданное медицинской организацией заключение должно подтверждать, что потенциальная суррогатная мать не имеет противопоказаний для переноса эмбриона в полость матки с целью надлежащего исполнения обязательств по вынашиванию и рождению ребенка для потенциальных родителей в рамках заключенного договора.

Медицинская организация в рамках реализации такого проекта может за свой счет застраховать ответственность суррогатной матери за невыполнение условий трехстороннего договора о суррогатном материнстве. Введение такого страхования как обязательного, безусловно, создаст положительную среду для реализации такого проекта. Детальное описание такого подхода к страхованию ответственности суррогатной матери будет предметом отдельного исследования.

Преимущества для потенциальных родителей

Запуск этой экспериментальной государственной площадки для потенциальных родителей снимает ряд вопросов, касающихся поиска суррогатной матери, проверки ее психологического и физического настроя на участие в программе, а также предупреждения мошеннических действий со стороны потенциальных суррогатных матерей.

Например, некоторые претендентки на роль суррогатной матери в случае заинтересованности потенциальных родителей в них просят денежные средства на первичное медицинское обследование, а после их получения просто

исчезают и не выходят на связь с потенциальными родителями.

В юридической научной литературе встречаются предложения о возможности обеспечения исполнения договора через депозит нотариуса или суда¹⁶.

В случае отсутствия у потенциальных родителей денежных средств на вознаграждение (гонорар) для суррогатной матери необходимо разработать правовой механизм получения целевого кредита по льготной ставке, а также предусмотреть право потенциальных родителей использовать полученный материнский (семейный) капитал в связи с рождением первого ребенка на досрочное погашение целевого кредита.

В связи с этим следует внести изменения в Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»¹⁷, дополнив часть 3 ст. 7 пунктом 5:

«5) погашение кредита, взятого на проведение программы суррогатного материнства».

Данные изменения позволят эффективно и целесообразно потратить материнский (семейный) капитал исключительно на рожденного ребенка и станут государственной гарантией того, что в программу вступит суррогатная мать, которая будет соответствовать всем установленным требованиям и добросовестно выполнять свои обязанности. В урегулировании разногласий между потенциальными родителями и суррогатной матерью должен участвовать специальный персонал медицинской организации (психологи, юристы и пр.), который поможет предотвратить неконструктивные эмоциональные реакции и решения со стороны участников программы.

Преимущества для суррогатных матерей

Большинство потенциальных суррогатных матерей попадают в программу суррогатного материнства либо через посреднические агентства, организующие взаимодействие между потенциальными родителями и медицинской организацией, либо посредством самостоятельной подачи объявления в сети Интернет о желании

¹⁶ См.: Рашидханова Д. К. Проблемы правового регулирования отношений при производстве медицинского вмешательства в репродуктивные процессы человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 8.

¹⁷ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

стать суррогатной матерью с последующим получением вознаграждения (гонорара) за вынашивание и рождение ребенка.

Как правило, суррогатные матери с опытом стараются найти потенциальных родителей напрямую, без посредников. В таких ситуациях у будущей суррогатной матери, какая бы она опытная ни была, могут возникнуть сложности, а в некоторых случаях и непредвиденные риски, о которых говорилось выше. Да и посредническое агентство, как показывает практика, не всегда надежный вариант.

В связи с этим создание государственной экспериментальной площадки на базе медицинской организации — это гарантия исполнения потенциальными родителями взятых на себя обязательств перед суррогатной матерью.

Потенциальные родители в момент заключения договора о суррогатном материнстве на счет медицинской организации (казначейский счет) размещают денежные средства, полагающиеся суррогатной матери за надлежащее исполнение обязательств по договору. Такой подход гарантирует суррогатной матери получение вознаграждения (гонорара).

При необходимости она всегда сможет воспользоваться помощью специалистов-психологов — как во время беременности, так и после родов, что не практикуется в данный момент при заключении договорных отношений напрямую с потенциальными родителями.

Подводя итоги, сто́ит отметить, что, как указывалось выше, взаимодействие между медицинской организацией, потенциальными родителями и суррогатной матерью возможно в рамках трехстороннего договора о суррогатном материнстве. Заключение данного договора позволит государству прийти к формированию комфортных правовых условий для регулирования отношений в программе суррогатного материнства.

Реализация рассмотренного экспериментального проекта под государственным контролем позволит не только создать благоприятные правовые условия, направленные на эффективную реализацию программы суррогатного материнства, но и решить ряд социальных задач, связанных с демографической ситуацией в стране, а также получить достоверные сведения о детях, рожденных с применением вспомогательных репродуктивных технологий.

Дальнейшее формирование статистической информационной базы позволит обобщить опыт и провести исследования, ответив, например, на вопрос, сколько раз женщина может выступить в роли суррогатной матери без вреда для своего здоровья.

Кроме того, эксперимент может стать основой создания института специального кредитования по программе суррогатного материнства с предоставлением права на досрочное погашение в том числе за счет материнского (семейного) капитала.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рашидханова Д. К. Проблемы правового регулирования отношений при производстве медицинского вмешательства в репродуктивные процессы человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов на/Д, 2005. — 28 с.

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Rashidkhanova DK. Problemy pravovogo regulirovaniya otnosheniy pri proizvodstve meditsinskogo vmeshatelstva v reproductivnye protsessy cheloveka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Problems of legal regulation of relations in the production of medical intervention in human reproductive processes. Abstract of Cad. Sci. (Law) Thesis]. Rostov on/D; 2005. (In Russ.).

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.133-141

Я. М. Плошкина*,
Л. В. Майорова**

Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования

Аннотация. В статье рассматривается вторая попытка, предпринятая Верховным Судом РФ, в части введения в российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство понятия уголовного проступка, исследуются цели его введения. Результатами исследования стали выводы о том, что введение уголовного проступка в контексте, определяемом разработчиком законопроекта № 1112019-7, повлечет необходимость пересмотра некоторых подходов в российском праве: правовой природы преступления, соотношения уголовного проступка с малозначительным деянием и административным правонарушением, составами преступления с административной преюдицией, принципа справедливости. На наш взгляд, достижение процессуальной экономии, уменьшение нагрузки на судей и защита прав потерпевших можно и без введения уголовного проступка в понимании разработчика законопроекта в рамках существующего уголовного и уголовно-процессуального механизмов, связанных с освобождением от уголовной ответственности и расширением нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, используя уже сложившуюся категоризацию преступлений — в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. В части расширения оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования полагаем уместным использовать опыт германского законодателя, который предусматривает возможность прекращения уголовного преследования по мотивам целесообразности при выполнении обвиняемым возложенных на него разнообразных обязанностей и предписаний. В германском уголовно-процессуальном праве прекращение уголовного преследования по мотивам целесообразности при возложении на обвиняемого обязанностей или предписаний является правом соответствующих должностных лиц и органов, а не их обязанностью, поскольку фактически речь идет об альтернативах уголовному преследованию, позволяющих прекращать его на определенном этапе в том случае, когда для уголовного преследования имеются все правовые основания.

Ключевые слова: уголовный проступок; малозначительность; прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям; прекращение уголовного преследования по мотивам целесообразности; процессуальная экономия; права потерпевших; компаративистика.

Для цитирования: Плошкина Я. М., Майорова Л. В. Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 133–141. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.133-141.

© Плошкина Я. М., Майорова Л. В., 2021

* *Плошкина Яна Михайловна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Сибирского федерального университета
ул. Маерчака, д. 6, г. Красноярск, Россия, 660075
ploshkina_yana@mail.ru

** *Майорова Людмила Викторовна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Сибирского федерального университета
ул. Маерчака, д. 6, г. Красноярск, Россия, 660075
lvmaiorova@mail.ru

Draft Law on Criminal Misconduct given the German Experience of Legal Regulation

Yana M. Ploshkina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Siberian Federal University
ul. Marchaka, d. 6, Krasnoyarsk, Russia, 660075
ploshkina_yana@mail.ru

Lyudmila V. Mayorova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Siberian Federal University
ul. Marchaka, d. 6, Krasnoyarsk, Russia, 660075
lvmaiorova@mail.ru

Abstract. The paper considers the second attempt made by the Supreme Court of the Russian Federation in terms of introducing the concept of criminal misconduct into the Russian criminal and criminal procedure legislation, examines the goals of its introduction. The authors conclude that the introduction of a criminal offense in the draft law No. 1112019-7 will entail the need to review some approaches in Russian law: the legal nature of the crime, the ratio of a criminal offense with a minor act and an administrative offense, the elements of a crime with administrative prejudice, the principle of justice. It seems possible to achieve procedural effectiveness, reduce the burden on judges and protect the rights of victims without introducing a criminal offense within the existing criminal and criminal procedural mechanisms related to exemption from criminal liability and expansion of non-rehabilitating grounds for termination of a criminal case or criminal prosecution. It seems possible to use the already established categorization of crimes in relation to crimes of small and medium gravity. In terms of expanding the grounds for terminating a criminal case or criminal prosecution, it is appropriate to use the experience of the German legislator, which provides for the possibility of terminating criminal prosecution on grounds of expediency when the accused fulfills various duties and regulations assigned to him. In German criminal procedure law, the termination of criminal prosecution on grounds of expediency when assigning duties or prescriptions to the accused is the right of the relevant officials and bodies, and not their obligation, since in fact it is an alternative to criminal prosecution. This will allow it to be terminated at a certain stage in the case when there are all legal grounds for criminal prosecution.

Keywords: criminal offense; insignificance; termination of criminal prosecution on non-rehabilitating grounds; termination of criminal prosecution on grounds of expediency; procedural economy; rights of victims; comparative studies.

Cite as: Ploshkina YaM, Mayorova LV. Zakonoproekt ob ugovnom prostupke s uchetom germanskogo opyta pravovogo regulirovaniya [Draft Law on Criminal Misconduct given the German Experience of Legal Regulation]. *Lex russica*. 2021;74(8):133-141. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.133-141. (In Russ., abstract in Eng.).

Верховный Суд РФ предпринял вторую за три года попытку ввести в российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство понятие уголовного проступка: 15 февраля 2021 г. он внес в Государственную Думу ФС РФ проект федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка». (Первая попытка завершилась отзывом Верховным Судом РФ законопроекта из-за отрицательного отзыва Правительства РФ, которое считало, что освобождение лица, совершившего уголовный проступок, от ответственности не согласо-

уется со ст. 52 Конституции РФ, так как не учитывает интересы потерпевших¹.)

Какова цель введения в уголовное и уголовно-процессуальное право уголовного проступка? Как следует из пояснительной записки к законопроекту № 1112019-7, такой целью является гуманизация уголовного законодательства, снижение репрессивности уголовного закона: дифференциация ответственности, исправление лиц без применения уголовного наказания через применение к ним мер уголовно-правового характера, создание и поддержание в России благоприятного делового климата². Направленность соответствующих законопро-

¹ Официальный отзыв Правительства РФ от 24.07.2018 № 5690п-П4 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 01.06.2021).

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 01.06.2021).

ектов уже была предметом исследования ряда российских ученых³. Во избежание повтора высказанных позиций хотелось бы отметить, что в настоящее время и без понятия уголовного проступка в российском праве предусмотрены возможности прекращения уголовного преследования (уголовного дела) по нереабилитирующим основаниям как на досудебной, так и на судебной стадии, освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, при выполнении ими условий, предусмотренных ст. 75–76.2 Уголовного кодекса РФ, в том числе в части заглаживания причиненного преступлением вреда, а также прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия и освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних. Кроме того, за последние пять лет существенно расширен спектр составов преступлений, в том числе в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, за совершение которых впервые лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба.

Исходя из проекта № 1112019-7, его разработчик связывает введение уголовного проступка с увеличением случаев освобождения от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера: наряду с судебным штрафом предлагается ввести общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. Проект предполагает, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования по делам об уголовных проступках с назначением иных мер уголовно-правового характера — это не право, а обязанность суда, в отличие от прекращения уголовного дела или преследования по данному основанию в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, где прекратить уголовное дело или преследование — это право суда при выполнении обязательного условия, связанного с заглаживанием причиненного преступлением вреда. Напомним, что в первом проекте Верховного

Суда РФ по делам об уголовных проступках для освобождения от уголовной ответственности по данному основанию не требовалось возмещение причиненного преступлением вреда. В рассматриваемом проекте проведена градация: по общему правилу (в отношении большинства из 112 составов преступлений, отнесенных к уголовному проступку⁴) для прекращения уголовного дела (преследования) по делам об уголовных проступках не требуется заглаживание причиненного деянием вреда, однако по 35 составам, в том числе против собственности, в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, перечень которых содержится в законе, обязательным условием освобождения от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера является возмещение ущерба, причиненного в результате совершения уголовного проступка. Это попытка в определенной степени учесть законные интересы потерпевших в части возмещения причиненного деянием вреда, на ущемление прав которых в первом законопроекте Верховного Суда РФ обращалось внимание общественности⁵.

Однако введение уголовного проступка повлечет необходимость пересмотра некоторых фундаментальных явлений в российском праве: правовой природы преступления, соотношения уголовного проступка с малозначительным деянием и административным правонарушением, а также возникает вопрос о соблюдении принципа справедливости. Ведь одни и те же меры, но с разным названием могут являться уголовным наказанием или иными мерами уголовно-правового характера, могут применяться к лицу, совершившему преступление, и к лицу, освобожденному от уголовной ответственности, и влечь или нет наступление правовых последствий в виде судимости. Например, предусмотренные проектом № 1112019-7 в качестве иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности, общественные работы

³ Головки Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127–136 ; Звечаровский И. Э. На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45–46.

⁴ См. структуру и количество составов преступлений, отнесенных к уголовному проступку, согласно проекту № 1112019-7: Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда РФ ввести новую уголовно-правовую категорию // Российский следователь. 2021. № 1. С. 45–48.

⁵ Головки Л. В. Указ. соч.

представляют собой аналог такого вида уголовного наказания, как обязательные работы; ограниченно оплачиваемые работы — исправительные работы, предусмотренные как вид уголовного наказания за исключением вдвое укороченных сроков). Однако факт применения иных мер уголовно-правового характера не влечет наступления правовых последствий в виде судимости. В случае принятия данного законопроекта традиционные виды уголовного наказания, но в иной оболочке начнут применяться не по приговору суда, а на основании решения о прекращении уголовного дела, что концептуально недопустимо и некорректно. Необходимость неразмывания института уголовного наказания отмечают многие ученые⁶.

С позиции Верховного Суда РФ уголовный проступок — это преступление, но если в первой попытке это преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, то в проекте № 1112019-7 — совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за рядом исключений, либо совершенное лицом впервые конкретное преступление небольшой или средней тяжести. Таким образом, уголовный проступок рассматривается разработчиками законопроекта как преступление, но со спецификой: преступление совершается впервые, это преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы (за некоторыми исключениями, предусмотренными в законе), либо это конкретные преступления небольшой и средней тяжести, перечень которых содержится в законе. Как следует из пояснительной записки к проекту № 1112019-7, уголовный проступок не предлагается рассматривать в качестве самостоятельного вида правонарушения, ответственность за совершение которого должна регулироваться другой отраслью права. Авторы законопроекта исходят из того, что уголовный проступок, с одной стороны, содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества

минимальна, равно как и опасность лица, его совершившего, что позволяет применить к нему иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием. Инициаторы проекта, как и некоторые ученые, полагают, что настало время, когда не обойтись имеющимся делением преступлений на четыре категории в зависимости от характера и степени общественной опасности, и требуется новый классификационный критерий — уровень общественной опасности, особенно применительно к преступлениям небольшой тяжести, которые, несмотря на одинаковый характер и степень общественной опасности, существенным образом различаются по ее уровню. В связи с этим к уголовным проступкам предлагают относить преступления, характеризующиеся наименьшей общественной опасностью, которые могут быть исправлены без применения уголовного наказания и не влекут судимости⁷.

Согласно пояснительной записке к проекту № 1112019-7 уголовный проступок отличается своей минимальной общественной опасностью, однако это сугубо оценочный критерий, использование которого приведет к неопределенности и неоднозначности — федеральный законодатель каждый раз будет вынужден изыскивать всё новые аргументы и доказательства «минимальной общественной опасности» для отнесения конкретных преступлений к уголовным проступкам. Некоторые исследователи считают, что в силу ценности непосредственного объекта деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 121, ч. 1 ст. 123, ч. 1 ст. 124 УК РФ, влекущие социально значимый вред и социально значимые изменения в объекте уголовно-правовой охраны, а также преступления против несовершеннолетних (ст. 153–155 УК РФ) представляют весомую общественную опасность — их, а также деяния, связанные с причинением смерти и тяжкого вреда здоровью (например, ч. 1 ст. 118 УК РФ), не следует относить к уголовному проступку⁸. Таким образом, в рассматриваемом законопроекте отсутствуют четкие критерии отнесения к уголовным проступкам некоторых преступлений небольшой и средней тяжести, что, кстати, отмечено также и в офици-

⁶ Головки Л. В. Указ. соч. ; Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Указ. соч. ; Медведев Е. В., Титов В. И. Уголовный проступок как «новый» уголовно-правовой феномен // Российский следователь. 2019. № 10. С. 27–30.

⁷ Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Указ. соч.

⁸ Янина И. Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 112–121.

альном отзыве Правительства РФ от 10.02.2021 № 1121п-П4⁹. Это порождает ситуацию, когда отнесение конкретных преступлений к уголовным проступкам является субъективным мнением разработчиков законопроекта¹⁰. Отсутствие ясных критериев отнесения тех или иных преступлений к уголовным проступкам создает также опасность лоббирования в российском законодательном органе интересов различных групп.

Использование оценочного критерия «минимальной общественной опасности» при отнесении преступлений небольшой и средней тяжести к уголовному проступку усугубляет проблему соотношения уголовного проступка в понимании разработчика законопроекта с малозначительностью деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ), для определения которого используются также оценочные критерии, приводящие к неоднозначному толкованию ч. 2 ст. 14 УК РФ на практике. Отдельные ученые еще вплоть до разработки законопроекта № 1112019-7 предлагали деяния, не представляющие общественной опасности вследствие малозначительности, называть уголовными проступками, если предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до одного года, или иное более мягкое наказание, или мера общественного воздействия¹¹. При выделении некоторых преступлений в уголовные проступки и при сохранении малозначительности деяния неясно, как их разграничивать. Некоторые исследователи обращают внимание, что о малозначительности свидетельствуют лишь те признаки, которые проявились уже в совершенном деянии (способ, мотив, цель, степень вины), и признание деяния малозначительным зависит от субъективной оценки судьей совершенного деяния¹². В отличие от этого, уголовные проступки определены законодателем изначально. Полагаем недопустимым и некорректным для одного явления, которое уже существует в российском уголовном праве, вводить разную терминологию.

Кроме того, при введении уголовного проступка (преступления с минимальной общественной опасностью) возникает проблема разграничения с административным правонарушением, учитывая сходство правовой природы уголовной и административной ответственности в охране публичных интересов и применении мер государственного принуждения. Особенно остро это проявляется с составами с административной преюдицией, конструкция которых ведет к размыванию оснований уголовной и административной ответственности, передавая решение вопроса о преступном или непроступном правоприменительным органам. Составы с административной преюдицией — особые составы преступления для уголовного права из-за особенностей признаков объективной и субъективной стороны и отсутствия соучастия и неоконченного преступления. Они не являются административными правонарушениями, так как осуществляется уголовное преследование, и занимают промежуточное место между преступлением и административным правонарушением, поэтому некоторые ученые предлагают именовать их уголовными проступками¹³. Однако, как следует из законопроекта № 1112019-7, уголовный проступок — это преступление и большинство составов с административной преюдицией не признаются уголовными проступками. Поэтому наряду с существующим в российском праве неоднозначным восприятием и пониманием института административной преюдиции принятие данного законопроекта породит проблемы отграничения уголовного проступка от административного правонарушения и преступления, в том числе от составов с административной преюдицией.

Кроме того, согласимся с тем, что введение уголовного проступка повлечет необходимость масштабной модернизации Общей и Особенной частей УК РФ: например, каким станет порядок изменения категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ), будет ли

⁹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 01.06.2021).

¹⁰ Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Указ. соч.

¹¹ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 167–170.

¹² Сидорова Е. З., Иванова А. П. Категория уголовного проступка в российского уголовном праве // Российский судья. 2020. № 8. С. 30–34.

¹³ Власов Ю. А., Михаль Р. А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. 2019. № 6. С. 119–125; Российское уголовное право. Общая часть: учебник. 4-е изд. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. М.: Проспект, 2006. С. 68, 316–317.

образовывать совокупность преступлений совершение лицом преступления и уголовного проступка (ст. 17 УК РФ) и пр.¹⁴

С учетом обозначенного ряда основных проблем, которые появятся в случае принятия законопроекта № 1112019-7, возникает вопрос: возможно ли без введения в российское право уголовного проступка в понимании разработчика проекта проводить уголовно-правовую политику в части сокращения количества осужденных с целью экономии средств на содержание следственных, судебных органов, органов и учреждений исполнения уголовных наказаний?

В настоящее время наблюдается тенденция к расширению перечня оснований прекращения уголовных дел или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Так, в результате принятия Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» появилось новое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования — назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ). С принятием Федерального закона от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» изменилось основание прекращения уголовного преследования, предусмотренное в ст. 28.1 УПК РФ: прекратить уголовное преследование до принятия данного Закона возможно было по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, после вступления в силу указанного Закона — в связи с возмещением ущерба. Законопроект № 1112019-7 также предусматривает увеличение случаев прекращения уголовного дела или преследования в связи с назначением иных мер уголовно-правового характера — за счет расширения подобных мер. Полагаем, что данную тенденцию законодатель будет и дальше развивать в надежде оптимизировать нагрузку на

судей и избавиться от необходимости рассмотрения «мелких» уголовных дел.

Возможно ли расширять случаи прекращения уголовного дела или преследования по нереабилитирующим основаниям без введения уголовного проступка в смысле предложенного проекта, не доводя до постановления приговора суда, в рамках имеющихся уже возможностей в уголовном и уголовно-процессуальном праве? Полагаем возможным развивать данную тенденцию в отношении категорий преступлений небольшой и средней тяжести. В связи с этим предлагаем обратиться к зарубежному опыту, в частности германскому, поскольку между российским и германским уголовным процессом много общего: оба относятся к романо-германской (континентальной) правовой семье, построены в целом на сходных началах, например на принципе законности или легальности¹⁵.

В отличие от российского права, в германском отсутствует подразделение преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния на различные категории, а предусмотрена градация всех уголовно наказуемых деяний в зависимости от вида и размера наказания на преступления и проступки (§ 12 Уголовного кодекса ФРГ). Проступками являются противоправные деяния, за совершение которых минимальным наказанием выступает лишение свободы до одного года или денежный штраф. Преступления — деяния, за совершение которых в качестве минимального наказания предусмотрено лишение свободы на срок от одного года. Данная градация особенно важна для уголовной ответственности за покушение, так как покушение на совершение преступления наказуемо всегда, а на совершение уголовного проступка только тогда, когда это специально установлено законом (§ 23 УК ФРГ). В § 30 УК ФРГ предусмотрено, что покушение на соучастие в деликте (в особенности покушение на подстрекательство и сговор) наказуемо только в случае, если этим деликтом является преступление в смысле § 12 УК ФРГ¹⁶.

¹⁴ Власов Ю. А., Михаль Р. А. Указ. соч.

¹⁵ В русскоязычной литературе существует два варианта перевода данного принципа, или начала, означающего, что компетентное должностное лицо обязано возбуждать уголовное преследование в каждом случае совершения преступления вне зависимости от каких бы то ни было иных соображений. См., например: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2017. С. 50.

¹⁶ Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М. : Проспект, 2016. С. 15.

Кроме того, деление всех деяний на преступления и проступки имеет значение в уголовно-процессуальном отношении. Так, в уголовном процессе Германии только в отношении уголовных проступков предусмотрена возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования по мотивам целесообразности при возложении встречных обязанностей и предписаний, предусмотренных в § 153а Уголовно-процессуального кодекса ФРГ. Так, с согласия обвиняемого и суда, компетентного решить вопрос о предании обвиняемого суду, прокуратура вправе по делам о проступках временно отказаться от возбуждения государственного обвинения (т.е. фактически речь идет о приостановлении уголовного преследования) с одновременным возложением на обвиняемого обязанностей и предписаний:

- 1) обязанность выполнить определенную работу с целью возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием;
- 2) обязанность внести денежную сумму в пользу общественно полезного учреждения или государственной казны;
- 3) обязанность выполнить другую общественно полезную работу;
- 4) обязанность содержания путем выплаты определенной денежной суммы;
- 5) приложить серьезные усилия для компенсации потерпевшему и возместить последствия совершенного деяния полностью или их большую часть либо серьезно стремиться к их возмещению;
- 6) принять участие в социальном тренинг-курсе;
- 7) принять участие в дорожном семинаре в соответствии с предложением 2 абз. 2 § 2b или в семинаре по подготовке водителей в соответствии с § 4а Закона о дорожном движении.

Эти обязанности и предписания должны соответствовать значению проступка, а публичные интересы при незначительной вине правонарушителя не должны вызывать необходимость уголовного преследования. Для выполнения этих обязанностей и предписаний прокуратура устанавливает обвиняемому срок,

который в случаях, предусмотренных пунктами 1–3, 5 и 7, не может превышать шести месяцев, а в случаях, указанных в пунктах 4 и 6, не может превышать одного года. Прокуратура вправе постфактум отменить выполнение обязанностей и предписаний и один раз продлить их срок на три месяца. С согласия обвиняемого прокуратура вправе постфактум возложить на него обязанности и предписания и их изменить. Если обвиняемый выполняет возложенные на него обязанности и предписания, то совершенное им деяние не может считаться проступком, подлежащим уголовному преследованию. Иначе работа, выполненная обвиняемым в соответствии с возложенными на него обязанностями и предписаниями, не возмещается. В случае предъявления государственного обвинения суд вправе с согласия прокуратуры и обвиняемого временно прекратить уголовное дело (преследование) с одновременным возложением на обвиняемого соответствующих обязанностей, предписаний.

Наиболее распространенными основаниями прекращения уголовного дела (преследования) в Германии являются уплата денежной суммы в пользу общественно полезного учреждения или государственной казны и совершение действий, направленных на компенсацию потерпевшему¹⁷. Именно последнему основанию прекращения уголовного дела (преследования) посвящены два параграфа в УПК ФРГ: § 155а — компенсация потерпевшему лицом, совершившим деяние, и § 155b — реализация компенсации потерпевшему. Это неслучайно, поскольку одной из целей уголовно-правовой политики в Германии является усиление защиты прав потерпевшего, для достижения которой, в частности Законом от 28.10.1994 «О борьбе с преступностью», введен институт компенсации причиненного потерпевшему вреда лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние (§ 46а УК ФРГ)¹⁸. При совершении действий, направленных на компенсацию причиненного потерпевшему вреда, суд может принять решение об отказе от уголовного наказания в случае совершения уголовного проступка, однако при

¹⁷ Информация получена в ходе интервьюирования немецких практиков: адвокатов, прокуроров.

¹⁸ Strafgesetzbuch. Leipziger Kommentar / Hrsg. H. W. Laufhütte, R. R. Saan, K. Tiedemann. Band 2. 12. Auflage. Berlin, 2019. S. 1180; Плошкина Я. М. О содержании заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда по законодательству РФ и ФРГ // Lex russica. 2021. № 3. С. 136–145; Серебрянникова А. В., Плошкина Я. М. Компенсация потерпевшему лицом, совершившим деяние, по УК ФРГ и примирение с потерпевшим по УК РФ: специфика правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 129–135.

совершении преступления компенсация причиненного потерпевшему вреда является только обстоятельством, смягчающим уголовное наказание (§ 46а УК ФРГ).

Таким образом, с учетом изложенного выше полагаем, что введение в российское право уголовного проступка в контексте законопроекта № 1112019-7 потребует переосмысления фундаментальных подходов в российском праве: правовой природы преступления, соотношения уголовного проступка с малозначительным деянием и административным правонарушением, принципа справедливости и пр., что не совсем оправдывает его введение. На наш взгляд, достичь процессуальной экономии, уменьшать нагрузку на судей и одновременно защищать права потерпевших можно и без введения уголовного проступка в понимании разработчика законопроекта в рамках существующего уголовного и уголовно-процессуального механизмов, связанных с освобождением от уголовной ответственности и расширением нереабилити-

рующих оснований прекращения уголовного дела или преследования, используя уже сложившуюся категоризацию преступлений, т.е. в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. Если же деяние утрачивает ту общественную опасность, которая характерна для преступления, то, возможно, следует вести речь о декриминализации, т.е. о переводе ряда уголовно наказуемых деяний в административные или иные правонарушения¹⁹. В части расширения оснований прекращения уголовного дела или преследования полагаем возможным использовать опыт германского законодателя, который рассматривает прекращение уголовного дела или преследования при выполнении ряда предписаний только как право соответствующих должностных лиц и органов, а не их обязанность, так как фактически речь идет об альтернативах уголовному преследованию, позволяющих прекращать его на определенном этапе в том случае, когда для уголовного преследования имеются все правовые основания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власов Ю. А., Михаль Р. А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. — 2019. — № 6. — С. 119–125.
2. Головки Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. — 2018. — № 1. — С. 127–136.
3. Головкин П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2016.
4. Звечаровский И. Э. На пути к уголовному проступку // Законность. — 2021. — № 2. — С. 45–46.
5. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 80–84.
6. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. — М., 1969. — 232 с.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2017. — 1280 с.
8. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда РФ ввести новую уголовно-правовую категорию // Российский следователь. — 2021. — № 1. — С. 45–48.
9. Медведев Е. В., Титов В. И. Уголовный проступок как «новый» уголовно-правовой феномен // Российский следователь. — 2019. — № 10. — С. 27–30.
10. Плошкина Я. М. О содержании заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда по законодательству РФ и ФРГ // Lex russica. — 2021. — № 3. — С. 136–145.
11. Российское уголовное право. Общая часть : учебник. — 4-е изд. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. — М. : Проспект, 2006. — 608 с.
12. Серебренникова А. В., Плошкина Я. М. Компенсация потерпевшему лицом, совершившим деяние, по УК ФРГ и примирение с потерпевшим по УК РФ: специфика правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 129–135.
13. Сидорова Е. Э., Иванова А. П. Категория уголовного проступка в российском уголовном праве // Российский судья. — 2020. — № 8. — С. 30–34.

¹⁹ Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 80–84.

14. Янина И. Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. — 2020. — № 1. — С. 112–121.
15. Strafgesetzbuch. Leipziger Kommentar / Hrsg. H. W. Laifhütte, R. R. Saan, K. Tiedemann. — Band 2. — 12 Auflage. — Berlin, 2019. — 3145 S.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2021 г.

REFERENCES

1. Vlasov YuA, Mikhal RA. Administrativnaya preyarditsiya kak vid ugovolnogo prostupka [Administrative prejudice as a type of criminal offense]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2019;6:119-125. (In Russ.).
2. Golovko LV. Zakonoproekt ob ugovolnom prostupke: mnimye smysly i realnaya podopleka [The draft law on criminal misconduct: Imaginary meanings and real background]. *Zakon [Law]*. 2018;1:127-136. (In Russ.).
3. Golovenkov PV. Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyy kodeks) Federativnoy Respubliki Germaniya: nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Scientific and practical commentary and translation of the law]. Moscow; 2014. (In Russ.).
4. Zvecharovskiy IE. Na puti k ugovolnomu prostupku [On the way to a criminal offense]. *Zakonnost [Legality]*. 2021;2:45-46. (In Russ.).
5. Kruglikov LL, Lapshin VF. O posledstviyakh vklucheniya kategorii "ugolovnyy prostupok" v rossiyskiy ugovolnyy zakon [On the consequences of including the category "criminal offense" in the Russian criminal law]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2017;4:80-84. (In Russ.).
6. Kuznetsova NF. Prestuplenie i prestupnost [Crime and criminality]. Moscow; 1969. (In Russ.).
7. Golovko LV, editor. Kurs ugovolnogo protsessa [The course of the criminal procedure]. Moscow: Statute; 2017. (In Russ.).
8. Martynenko NE, Martynenko EV. Ugolovnyy prostupok: vtoraya popytka Verkhovnogo Suda RF vvesti novuyu ugovolno-pravovuyu kategoriyu [Criminal offense: The second attempt of the Supreme Court of the Russian Federation to introduce a new criminal legal category]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2021;1:45-48. (In Russ.).
9. Medvedev EV, Titov VI. Ugolovnyy prostupok kak "novyy" ugovolno-pravovoy fenomen [Criminal misconduct as a "new" criminal law phenomenon]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2019;10:27-30. (In Russ.).
10. Ploshkina YaM. O soderzhanii zaglzhivaniya i kompensatsii prichinennogo prestupleniem vreda po zakonodatelstvu RF i FRG [The Content of Recovering and Compensating the Harm Caused by the Crime under the Legislation of the Russian Federation and Germany]. *Lex russica*. 2021;(3):136-145. (In Russ.).
11. Inogamova-Hegay LV, Komissarov VS, Rarog AI, editors. Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast: uchebnyk [Russian criminal law. General part: A textbook]. 4th ed. Moscow: Prospekt; 2006. (In Russ.).
12. Serebrennikova AV, Ploshkina YaM. Kompensatsiya poterpevshemu litsom, sovershivshim deyanie, po UK FRG i primirenje s poterpevshim po UK RF: spetsifika pravovogo regulirovaniya [Compensation to the victim by the person who committed the act under the Criminal Code of Germany and reconciliation with the victim under the Criminal Code of the Russian Federation: Specifics of legal regulation]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve [Gaps in Russian legislation]*. 2020;13(3):129-135. (In Russ.).
13. Sidorova EZ, Ivanova AP. Kategoriya ugovolnogo prostupka v rossiyskom ugovolnom prave [Category of criminal offense in Russian criminal law]. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2020;8:30-34. (In Russ.).
14. Yanina IYu. Instrumenty priznaniya kriminalizovannogo deyaniya ugovolnym prostupkom (na primere prestupleniy protiv lichnosti) [Instruments of recognizing of a criminalized act as a criminal offense (the example of crimes against the person)]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;1:112-121. (In Russ.).
15. Laifhütte HW, Saan RR, Tiedemann R. Strafgesetzbuch. Leipziger Kommentar. Band 2. 12 Auflage. Berlin; 2019. (In Germ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.142-149

Н. С. Посулихина*,
А. Б. Козырева**

Альтернативные способы разрешения споров как мера снижения нагрузки на суды: сравнительно-правовое исследование (часть 1)

Аннотация. В статье альтернативные способы разрешения споров рассматриваются в качестве меры снижения нагрузки на суды. На данный момент в России вопрос необходимости снижения нагрузки на суды стоит довольно остро. По мнению членов Европейской комиссии по эффективности правосудия, большая нагрузка на суды серьезно влияет на качество правосудия и сроки рассмотрения дел. Следует отметить, что с данной проблемой сталкиваются все судебные системы мира, однако статистика Европейской комиссии по эффективности правосудия показывает, что в странах ЕС за последние несколько лет нагрузка на суды и судей существенно снизилась.

Авторы резюмируют, что зарубежная практика судопроизводства успешно апробировала рабочие инструменты снижения нагрузки на суды, которые вполне может заимствовать российская судебная система. Однако данные инструменты требуют постепенного развития и проработки с учетом всех российских правовых реалий. Резкий переход на альтернативное разрешение споров может негативно сказаться на качестве рассмотрения споров в России, так как если законодатель ограничит возможность граждан рассматривать споры в судах (например, с помощью повышения судебных пошлин), но при этом альтернативные способы разрешения споров останутся на низком уровне правового и социального развития (недоверие граждан, слабая проработка на законодательном уровне и др.), то граждане и вовсе потеряют площадку для законного разрешения споров. Вполне возможно, что мы вернемся к криминальному опыту экономики 1990-х гг.

Ключевые слова: разрешение споров; альтернативные способы разрешения споров; суды; медиация; квазисуды; приказное судопроизводство; упрощенное судопроизводство; онлайн-регулирование споров; малые иски; сравнительно-правовое исследование.

Для цитирования: *Посулихина Н. С., Козырева А. Б.* Альтернативные способы разрешения споров как мера снижения нагрузки на суды: сравнительно-правовое исследование (ч. 1) // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 142–149. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.142-149.

© Посулихина Н. С., Козырева А. Б., 2021

* *Посулихина Наталья Семеновна*, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
nzzsee@mail.ru

** *Козырева Анна Борисовна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
anna.b.kozyreva@yandex.ru

Alternative Methods of Dispute Resolution as a Measure to Reduce the Workload on Courts: A Comparative Legal Study (Part 1)

Natalya S. Posulikhina, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Medical Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nzzsee@mail.ru

Anna B. Kozyreva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
anna.b.kozyreva@yandex.ru

Abstract. The paper considers alternative methods of dispute resolution as a measure to reduce the workload on the courts. At present, the need to reduce the workload on courts is quite acute in Russia. According to the members of the European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ), a large workload on courts (and, accordingly, on judges) seriously affects the quality of justice and the timing of the consideration of cases. It should be noted that all judicial systems of the world without exception face this problem, but the statistics of the European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) shows that over the past few years the burden on courts and judges has significantly decreased in the EU countries.

The authors summarize that foreign judicial practice has successfully tested working tools to reduce the burden on courts, which the Russian judicial system may well borrow. However, these tools require gradual development and elaboration given all Russian legal realities. A sharp transition to alternative dispute resolution may negatively affect the quality of dispute resolution in Russia. If the legislator restricts the ability of citizens to consider disputes in courts (for example, by increasing court fees), but at the same time alternative dispute resolution methods will remain at a low level of legal and social development (citizens' distrust, weak legislative elaboration, etc.), then citizens will completely lose the platform for legal dispute resolution. It is quite possible that we will return to the criminal experience of the economy of the 1990s.

Keywords: dispute resolution; alternative dispute resolution methods; courts; mediation; quasi-courts; writ proceedings; simplified legal proceedings; online dispute resolution; small claims; comparative legal research.

Cite as: Posulikhina NS, Kozyreva AB. Iternativnye sposoby razresheniya sporov kak mera snizheniya nagruzki na sudy: sravnitelno-pravovoe issledovanie (ch. 1) [Alternative Methods of Dispute Resolution as a Measure to Reduce the Workload on Courts: A Comparative Legal Study (Part 1)]. *Lex russica*. 2021;74(8):142-149. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.142-149. (In Russ., abstract in Eng.).

На данный момент в России вопрос необходимости снижения нагрузки на суды стоит довольно остро. По мнению членов Европейской комиссии по эффективности правосудия, большая нагрузка на суды серьезно влияет на качество правосудия и сроки рассмотрения дел. С данной проблемой сталкиваются все судебные системы мира, однако статистика Европейской комиссии по эффективности правосудия показывает, что в странах ЕС за последние несколько лет нагрузка на суды и судей существенно снизилась¹. В рамках настоящего исследования был изучен опыт Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Латвии, Литвы, Нидерландов, Польши, Словакии, Словении, США,

Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Шотландия и Эстонии. Данная выборка обусловлена репрезентативностью эмпирических данных изучаемых стран, что позволило провести сравнительно-правовой анализ по основным показателям исследования.

I. Приказное производство

Под приказным производством принято понимать вынесение судьей судебного приказа на основе представленных доказательств без судебного разбирательства по существу. Данный порядок рассмотрения дел вводится прежде всего для того, чтобы избежать дорогостоящих

¹ Dynamic database of European judicial systems // URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/dynamic-database-of-european-judicial-systems> (дата обращения: 10.03.2021).

и затяжных судебных процессов, которые существенно усложняют работу судьи.

Процедура приказного производства имеет основную цель — снижение нагрузки на суды и несколько задач:

- 1) повышение дисциплинированности и активности ответчиков (соблюдение расчетной дисциплины);
- 2) ускорение и упрощение исполнительного производства;
- 3) мотивация на саморегулирование споров;
- 4) сокращение судебных расходов.

В европейской практике были выработаны две процедуры приказного производства: 1) в отношении бесспорного взыскания денежного долга по гражданским и торговым делам в сфере частного права; 2) в отношении административных споров². Иногда встречаются и другие процедуры приказного производства. В Чехии, например, существует еще три вида процедур: выдача традиционного платежного поручения (может быть выдано на основании иска, требующего исполнения финансовой дебиторской задолженности, если это право вытекает из фактов, изложенных и документально подтвержденных заявителем), выдача электронного платежного поручения (может быть выдано только по просьбе заявителя, представленной в электронной форме и заверенной электронной подписью, при условии, что заявленная дебиторская задолженность не превышает 1 000 000 чешских крон³) и выдача переводного векселя или чека на платежное поручение (предоставляют права, вытекающие из переводного векселя или чека; при условии соблюдения формальных требований суд обязан вынести постановление в порядке упрощенного производства, выдав платежный вексель (чек)).

Следует отметить, что в странах Европы диапазон дел, рассматриваемых в порядке приказного производства, намного шире, чем в России, что обеспечивает заметное снижение

споров, рассматриваемых в общем порядке. Европейский подход к приказному производству отличается от российского. В Европе нет так называемого упрощенного производства, так как приказное производство и является упрощенным. В него входят многие дела, указанные, например, в ст. 227 АПК РФ⁴, а именно: 1) по исковым заявлениям о взыскании денежных средств (о взыскании дебиторской задолженности); 2) о привлечении к административной ответственности, если за совершение административного правонарушения назначено административное наказание в виде административного штрафа; 3) о взыскании обязательных платежей и санкций; 4) по искам, основанным на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются; 5) по требованиям, основанным на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, и др. Споры, которые не относятся к приказному производству, рассматриваются либо судами в общем порядке, либо судами / подразделениями судов по малым искам и другими специализированными судами, квазисудами или с помощью медиатора.

На данный момент приказное производство работает в основном в отношении неоспоримых исковых требований о взыскании дебиторской задолженности, вытекающих преимущественно из договорных обязательств (Австрия, Англия, Венгрия, Германия, Испания, Италия, Латвия, Нидерланды, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Шотландия, Эстония). Верхний предел цены требования (цены иска) чаще всего не устанавливается, однако есть и исключения: Австрия — до 75 000 евро⁵, Венгрия — 30 000 000 форинтов⁶, Чехия — 1 000 000 чешских крон (если заявление подается онлайн; если лично — то ограничений нет⁷), Шотландия — 5 000 фунтов стерлингов⁸,

² В данном разделе информация приводится по: European payment order // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/41/EN/european_payment_order (дата обращения: 10.03.2021).

³ 3 481 380 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Доступ из СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12127526/547f2ff61c70801cbfccfc47eae5ced7/> (дата обращения: 10.03.2021).

⁵ 6 741 375 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

⁶ 7 593 960 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

⁷ 3 481 380 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

⁸ 514 470 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

Эстония — 6 400 евро⁹. Кстати, в Венгрии разрешено подавать искивые требования, предварительно разбив их суммы на части, что помогает в любом случае применить приказное производство. Отсутствие в других изученных странах верхнего предела позволяет говорить о возникновении новой общей тенденции к упразднению такого условия применения приказного производства, как малозначительность заявленного требования (ценовой критерий). Из этого следует, что любые бесспорные требования истца, где должник не отрицает возложенное на него обязательство, по усмотрению судьи могут быть удовлетворены в виде судебного приказа.

Приказное производство в основном осуществляют суды первой инстанции (Австрия, Англия, Испания, Италия, Латвия, Нидерланды, Словакия, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Шотландия, Эстония); если же в стране применяется автоматизированное приказное производство, то обычно оно контролируется специализированными судебными отделами платежных поручений (Германия)¹⁰. В практике некоторых стран встречается и внесудебное рассмотрение требования, например в Венгрии этим занимается нотариус по гражданским делам. Нужно сказать, что приказное производство в Венгрии значительно упрощено по сравнению с другими странами и является автоматизированным.

Во всех судах исследуемых стран предусмотрена онлайн-подача требований для рассмотрения дел в порядке приказного производства, что заметно ускоряет и упрощает функции заявителя. Данное обстоятельство позволяет предположить, что канцелярии судов данных стран имеют меньшую нагрузку на стадии принятия от заявителей документов и располагают большим временем для исполнения других служебных обязанностей.

Особую роль играет место жительства ответчика. Так, если ответчик проживает или имеет юридический адрес за пределами страны, то к нему процедура приказного производства не применяется (Австрия, Венгрия, Испания, Латвия, Чехия, Германия). Однако можно выделить

ряд стран, где, несмотря на проживание или регистрацию юридического адреса ответчика на территории иного государства, приказное производство используется: Англия, Италия, Нидерланды, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Шотландия, Эстония. Препятствием к применению приказного производства может стать характер рассматриваемых правоотношений. Так, в Венгрии требование о применении данной процедуры не может быть рассмотрено, если оно возникло из трудовых правоотношений.

Отказ национальных судов рассматривать в порядке приказного производства споры с участием иностранных субъектов обусловлен также тем, что в странах Европейского Союза работает специальный порядок приказного производства. Для соблюдения расчетной дисциплины, правовой защиты интересов кредитора и снижения рисков неплатежеспособности должника по денежным требованиям применяется европейское приказное производство — правила бесспорного взыскания в Европейском Союзе. Данный порядок был утвержден Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского Союза 1896/2006 от 12.12.2006 «О введении европейского приказного производства»¹¹ с целью: 1) упростить, ускорить и сократить судебные расходы при рассмотрении трансграничных неоспариваемых имущественных исков путем учреждения европейского исполнительного листа; 2) ввести в свободное обращение европейский исполнительный лист в государствах — членах ЕС, обеспечиваемое путем установления минимальных стандартов, соответствие которым устраняет необходимость промежуточных процедур принудительного исполнения в государстве — члене ЕС, где такой лист подлежит исполнению. Таким образом, граждане Европейского Союза имеют дополнительную возможность разрешить спор с помощью приказного производства, что позволяет нивелировать трудности, связанные с территориальной юрисдикцией стран, и заметно упростить как судебное, так и исполнительное производство.

Почти во всех исследуемых странах для подачи заявки на исполнение платежного требо-

⁹ 575 264 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

¹⁰ Šijanski G., Barber J. The German order for payment procedure (Mahnverfahren) // German Law Archive. 2006. URL: <https://germanlawarchive.iuscomp.org/?p=343> (дата обращения: 10.03.2021).

¹¹ Текст Регламента на английском языке опубликован в «Официальном журнале» № L399, 30.12.2006. С. 1. Текст перевода официально опубликован не был; доступ из СПС «Гарант» (URL: <https://base.garant.ru/2569697/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#friends> (дата обращения: 10.03.2021)).

вания не нужно представлять никаких документов в подтверждение претензии. На заявителей, которые получают или пытаются получить платежное поручение обманным путем, включив ложную или неполную информацию в свое заявление, налагается штраф. Однако в ряде стран требуется представить суду доказательств. Так, в Англии для вынесения заочного решения истец должен подтвердить, что им были выполнены все процессуальные требования, а ответчик от выполнения предъявленных к нему требований уклонился.

Участие адвоката в процедуре выдачи приказа в большинстве изучаемых стран не является обязательным, однако и здесь имеются исключения. Так, участие адвоката обязательно в случаях: 1) в Австрии — искового требования от 5 000 евро¹²; 2) в Англии — при исковом требовании от 5 000 фунтов стерлингов¹³ и наличии сложного спорного вопроса; 3) в Испании — при возражениях ответчика и исковом требовании от 2 000 евро¹⁴; 4) в Нидерландах — при использовании национального приказного производства (есть и европейское).

Что касается срока, в течение которого ответчик может представить свои возражения, то, по мнению законодателей исследуемых стран, оптимальный срок варьируется от 14 до 30 дней. Если ответчик не направляет ответ, считается, что он автоматически признал свою вину. И напротив, если ответчик предъявил встречный иск, во многих странах рассмотрение спора продолжается в общем порядке.

Нововведением в приказном производстве является так называемый автоматизированный приказ (Германия, Венгрия), что подразумевает онлайн-подачу исковых требований и автоматическую (без вмешательства человека) выдачу приказа. Следует отметить, что в Германии и Венгрии предусмотрена подача иска не только в электронном виде, но и на бумажном носителе (по желанию заявителя).

В Германии власти земель самостоятельно определяют, в каких случаях суды могут использовать возможности электронного обмена данными. Примечательно, что на территории некоторых земель компетентные окружные суды допускают только электронный обмен данными. В данных судах контроль за поряд-

ком оплаты является обязанностью старшего судебного сотрудника (Rechtspfleger), который выполняет широкий спектр функций и имеет юридическое образование, но не является судьей. Он отвечает, в частности, за рассмотрение дел, которые априори непригодны для автоматизированной обработки. Его участие необходимо, когда в ходе автоматизированной процедуры возникают препятствия, мешающие работе компьютерной программы. Независимо от того, обрабатывается ли приказ вручную или автоматически, этот сотрудник остается ответственным лицом и имеет право запросить распечатку обработанного машиной дела¹⁵.

Венгерская процедура выдачи автоматизированного приказа значительно упрощена. Внесудебное гражданское судопроизводство по исполнению платежных требований входит в компетенцию нотариусов. Нотариусы осуществляют оплату с помощью машинной обработки данных, используя единую онлайн-систему Венгерской палаты нотариусов, доступную по всей стране нотариусам, сторонам и другим лицам, участвующим в деле. Нотариальное производство имеет все последствия судебного. Напомним, что в Венгрии один из самых высоких верхних пределов ценового ограничения — это еще раз подчеркивает максимальную доступность данной процедуры.

Считается, что за автоматизацией — будущее приказного производства. Однако следует иметь в виду, что внедрение искусственного интеллекта в столь важную для граждан процедуру требует качественной и эффективной информационной инфраструктуры, разработку которой пока могут себе позволить не все страны. Кроме того, автоматизированное приказное производство все равно требует человеческого участия. Так, венгерским и немецким законодательством предусмотрены проверка и исправление компьютерных ошибок человеком.

II. Упрощенное судопроизводство: специальная процедура по малым искам

Как уже было отмечено выше, упрощенное производство в РФ и упрощенное производство в зарубежных странах имеют разные

¹² 449 425 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

¹³ 514 470 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

¹⁴ 179 770 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

¹⁵ См.: Šijanski G., Barber J. Op. cit.

характеристики. Так, в упрощенный порядок в РФ (гл. 21.1 ГПК РФ, гл. 29 АПК РФ) входит достаточно объемный перечень дел (ст. 227 АПК РФ, ст. 232.2 ГПК РФ), тогда как в зарубежных странах данные дела разрешаются в порядке приказного производства. Все остальные споры рассматриваются судами в общем порядке, квазисудами с помощью медиации и специальной процедуры по так называемым малым искам¹⁶. На данный момент во многих странах для цены иска определенного предела (который варьируется от 600 евро¹⁷ в Германии, до 25 000 евро¹⁸ в Нидерландах) предусмотрена специальная процедура. Она может быть проведена тремя субъектами: 1) судами по малым искам (некоторые штаты США и провинции Канады); 2) специальными отделами судов общей юрисдикции (некоторые штаты США и провинции Канады); 3) судами общей юрисдикции (некоторые штаты США, Германия, Англия, Эстония, Венгрия, Австрия, Франция, Италия, Нидерланды, Ирландия, Греция, Латвия, Литва, Польша).

Отличительной чертой специализированной процедуры по малым искам во всех исследуемых странах является полное или частичное отсутствие возможности обжалования судебного решения, что помогает существенно снизить объемы апелляционного и кассационного судопроизводства. В некоторых странах не предусмотрен специализированный порядок рассмотрения малых исков, однако запрещено обжалование судебных решений о присуждении денежной компенсации, не превышающей определенную сумму (например, в Чехии таким пределом является 10 000 чешских крон¹⁹). Плюсом процедуры по малым искам для заявителей является то, что она имеет наименьшую пошлину. Безусловно, это не может не привлечь граждан использовать данный порядок разрешения дела.

Практика обжалования судебных решений, вынесенных в рамках специализированного судопроизводства, по малым искам различна. Так, в ряде стран обжалование возможно с определенной цены искового требования: Люксембург — 2 000 евро²⁰, Нидерланды — 1 750 евро²¹, Чехия — 10 000 чешских крон²², Испания — 3 000 евро²³. В иных странах обжалование иска ниже установленного предела (Австрия — 2 700 евро²⁴) разрешается только в случаях, прямо предусмотренных законом, или по причине недействительности решений при допущении серьезных процессуальных ошибок. Другие процессуальные ошибки не могут быть оспорены, равно как и выводы, основанные на фактах, или оценка доказательств судом первой инстанции. В противном случае применяются правила обычной процедуры. В Англии и Венгрии проигравшая сторона должна получить разрешение на апелляцию, обосновав свое желание весомыми причинами. Возражение, основанное на том, что судьей было принято неправильное решение, не принимается. В Германии, Греции, Франции возможность обжалования судебного решения по малым искам исключена полностью. В Ирландии истец и ответчик вправе обжаловать решение районного суда в окружном суде. Однако в Эстонии для данной категории работает общий порядок обжалования. Как видно из приведенных примеров, в большинстве случаев обжалование решения суда по малым искам возможно с определенной цены искового требования, как правило она достаточно высокая (от 10 000 чешских крон до 3 000 евро²⁵) и в результате допущения судами первой инстанции серьезных процессуальных ошибок.

Ценовой предел исковых требований, который позволяет рассмотреть их в рамках специальной процедуры по малым искам, в изучаемых странах разный. Так, самые высокие

¹⁶ В данном разделе информация приводится по: Small claims // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/content_small_claims-42-en.do (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁷ 53 931 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

¹⁸ 2 247 125 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

¹⁹ 34 813 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²⁰ 179 770 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²¹ 157 298 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²² 34 813 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²³ 269 655 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²⁴ 242 689 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²⁵ От 34 813 руб. до 269 655 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

пределы исковых требований сформулировали законодатели Нидерландов (25 000 евро²⁶), Англии (10 000 фунтов стерлингов²⁷), Италии (до 20 000 евро в зависимости от категории спора²⁸), Люксембурга (10 000 евро²⁹), Испании (6 000 евро³⁰), а самые низкие пределы — Венгрии (1 000 000 форинтов³¹), Германии (600 евро³²), Латвии (2 100 евро³³), Литвы (2 000 евро³⁴). Следует заметить, что только страны со значительным уровнем доверия народа к правосудию могут позволить себе столь высокие ценовые пределы.

Участие представителя в процедуре рассмотрения исковых требований в рамках специальной процедуры по малым искам в основном необязательно. Однако есть и исключения: так, участие представителя обязательно в Австрии при цене иска более 5 000 евро³⁵, в Испании при цене иска более 2 000 евро³⁶, в Италии — более 1 100 евро³⁷. По всей видимости, страны, которые указали ценовой порог, с которого обязательно участие адвоката, перестраховываются и, возможно, сокращают нагрузку на суды, так как нанимать представителя, имеющего юридическое образование, статус адвоката, всегда достаточно проблематично.

Практика стран предусматривает как устную, так и письменную форму рассмотрения исковых требований в рамках специальной процедуры по малым искам. Большинство стран пока еще не перешли на рассмотрение дел в письменной форме полностью. Однако в практике уже встречаются примеры полного перехода на письменную форму рассмотрения данной категории дел — это Латвия и Литва. Тем не менее наблюдается тенденция того, что вскоре в рамках специальной процедуры по малым искам все страны окончательно откажутся от устного судопроизводства. Например,

уже сейчас в Австрии показания свидетелей могут быть представлены в письменном виде (однако такие документы рассматриваются как письменные доказательства, а не как свидетельские показания).

Среди категорий споров, рассматриваемых в рамках процедуры по малым искам, встречаются следующие: финансовые/денежные споры (Австрия, Венгрия, Германия, Испания, Литва, Люксембург, Польша, Чехия, Нидерланды, Эстония и др.), договорные споры (Англия), имущественные споры (Греция), арендные споры (Ирландия, Италия, Нидерланды), иски о возмещении незначительного материального ущерба, исключая телесные повреждения (Ирландия), потребительские споры (Англия, Ирландия, Литва), споры о движимом имуществе до 5 000 евро³⁸ (Италия), иски о возмещении ущерба при ДТП до 20 000 евро³⁹ (Италия), жилищные споры (Италия), алиментные споры (Латвия), банкротство (Литва), трудовые споры (Нидерланды), административные штрафы (Нидерланды) и др. Из данного перечня категорий дел следует, что: 1) в рамках специализированной процедуры по малым искам рассматриваются не только гражданские споры, но и административные; 2) исследуемые страны рассматривают денежные споры в рамках упрощенной процедуры. Всё это помогает существенно снизить нагрузку на суды.

Кроме того, европейские страны активно развивают *международную систему приказного производства*. Часть нагрузки приказного производства стран ЕС подлежит рассмотрению в рамках европейского приказного производства, что заметно облегчает и оптимизирует работу национальных судов. Похожий порядок применяется и для специальных процедур по малым искам. Возможно, для России

²⁶ 2 247 125 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²⁷ 1 028 941 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²⁸ От 449 425 руб. до 1 797 700 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

²⁹ 898 850 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³⁰ 539 310 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³¹ 253 132 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³² 53 931 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³³ 188 758 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³⁴ 179 770 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³⁵ 449 425 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³⁶ 179 770 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³⁷ 98 873 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³⁸ 449 425 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

³⁹ 1 797 700 руб. по официальному курсу на 07.02.2021.

и стран СНГ было бы полезно перенять подобный опыт.

Необходимо также отметить, что для решения трансграничных споров в пределах Европейского Союза может использоваться европейская процедура малых исков (утверждена Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского Союза ЕС 861/2007 от 11.07.2007 «Об учреждении европейской процедуры урегулирования споров с небольшой суммой иска»⁴⁰), что заметно упрощает работу национальных судов. Данный Регламент включает следующие категории дел:

а) статус или правоспособность физических лиц;

б) раздел имущества супругов, алиментные обязательства, завещание и наследование по закону;

с) банкротство; судебные разбирательства, касающиеся ликвидации неплатежеспособных компаний или других юридических лиц; судебные меры, составы и аналогичные судебные разбирательства;

д) социальное обеспечение;

е) арбитраж;

ф) трудовое право;

г) владение недвижимым имуществом, за исключением денежных требований;

h) вмешательство в личную жизнь, включая клевету.

Продолжение следует.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Šijanski G., Barber J. The German order for payment procedure (Mahnverfahren) // German Law Archive. 2006. — URL: <https://germanlawarchive.iuscomp.org/?p=343>.

Материал поступил в редакцию 10 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Šijanski G, Barber J. The German order for payment procedure (Mahnverfahren). German Law Archive; 2006. Available from: <https://germanlawarchive.iuscomp.org/?p=343> [cited 2021 Aug 01]. (In Eng.).

⁴⁰ Текст Регламента на английском языке опубликован в «Официальном журнале» № L199, 31.07.2007. С. 1–22. Текст перевода официально опубликован не был; доступ из СПС «Гарант» (URL: <https://base.garant.ru/2569689/> (дата обращения: 10.03.2021)).

ISSN 1729-5920

9 771729 592008